

ISSN 0235—2737

Парус / 8 / 1990

ПОД ЗНАКОМ

ВЛКС?..

Андрей ПАНОВ, группа «600»

Фото Андрея КУДРЯВЦЕВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Парус

Ежемесячный общественно-политический
и литературно-художественный
иллюстрированный журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

Минск, «Полымя». Издается с июля 1972 г.

В номере

Время и место

Стальные глаза	2
Жизнь прекрасна	3
<i>Предъявите права!</i>	
Александр ИВАНОВСКИЙ и Виктория ПЕТРОВА. Любовь под страхом смерти	4

Свободная территория

Дуэт	7
Парад королей	8
Эпицентр	10
«Московский старшекласник»	14
От значка ГТО — к незарегистрированному «па- цифику»	22
Ищу друга	24

Час приема по острым вопросам

Светлана САВРАСОВА. Уроки на каникулах	26
Грант АПРЕСЯН. Умей принудить	30
<i>Работа над ошибками</i>	
Владимир БУЛЫЧЕВ. По ту сторону решетки или по эту?	32
Леонид ГАБЫШЕВ. Люсик. Новелла	34

РЭП

Алексей БАГИР-ЗАДЕ. «Битлз» — навсегда!	35
<i>Приложение к «Камергону»</i>	
Михаил ПЕРФИЛЬЕВ. Представьте себе	38
Василий ДРАГОВЕЦ. Майор, который живет нор- мально	40

Разыскивается наследник

Ирина ПАВЛЮЧИК. Сладше меда	42
<i>По сути дела</i>	46
<i>Служить бы рад...</i>	48

Были-небыли

Вячеслав НОСЕВИЧ. История не терпит пустоты Выбор	48
---	----

Вадим ФИЛАТОВ. А я еду...	50
--	----

Шапка Мономаха

Леонид МИНДЛИН. Расписание на послезавтра Я вас внимательно слушаю	52
Марина БИРЮКОВА. Карательной педагогике — с проклятьем!	54
ФИО	

Чесь ДУДА-ВОРОНИЧ. Имя собственное	58
---	----

<i>«Парус» в гостях у «Дивчо»</i>	
-----------------------------------	--

Лариса ЛАРИНА. В каждой из нас Ева	61
---	----

<i>«Дивчо» в гостях у «Паруса»</i>	
------------------------------------	--

Мирослав ПЛЗАК. С вершины вниз	62
---	----

<i>Читатель почитывает, а писатель подсчитывает</i>	
---	--

Тамара САХАЩИК. Постараемся напечатать!	64
--	----

Здесь, на поле, напротив названий публикации номера, по десятибалльной шкале проставьте свои оценки, обрежьте анкету и вышлите в редакцию.

Здесь по десятибалльной шкале — оценки за оформление публикации. Спасибо вам!

8 / 1990

8 / 1990

СТАЛЬНЫЕ ГЛАЗА

время и место

«Парус»! Наконец-то ты там зашевелился, обратил внимание на нас, молодых, успешных вкусить жизнь «во всем ее величии».

Прорвало меня после прочтения письма без обратного адреса, и как-то не по себе стало: оказывается, не одна я такая неприкаянная. Давно хочется хоть кому-то сказать о своей жизни, чтоб только не жалели (этого не люблю), а поняли и выслушали. За всю жизнь мою молодую никто никогда не спрашивал: «как живешь?», «что на душе?» и «на чем держишься?»

Надоело валять дурачку, вальтовать перед кем-то, все время иметь дела с гопатой, стоять на стреме. Поверьте, что это адская, разгульная житуха. Повращались бы вы на моем месте, а я бы позекала на вас, умных, интеллигентных, «корреспондентиков» чистеньких, у которых снести ни на грамм. Признайтесь, ведь вся ваша «деятельность» — видимость только, а на самом деле пустота и одни обещания. Все вы на таких, как я, смотрите свысока, хотя и пытаетесь кому-то помочь, но только не нам. Как вы мне можете, когда я сама не могу разобраться в том, где нахожусь?! Просто смешно.

Теперь немного начеркаю о себе.

Кто я?

Гопачка из Казани, и горжусь этим, хотя давно разуверилась в гопате, но зацепиться больше не за что. Вот и втянуло. А там — пошло-поехало, не оставишь, машина уже заработала, сейчас выходить несколько поздновато. Да и зачем? Все равно никому не нужна, а тут хоть группировка. Вот и живу простецки, как многие бабы у нас, по схеме: сборы — моталка — дискач — ночлежка или «прижим в подъезде». Вот так за 5 мин и решаются все дела, и ты вроде уже не человек, а что-то вроде чучела, которое таскают везде, по всем местам для «витрины». Гопачки, конечно, не обижают «любимую девочку», одевают солидно. В этом недостатка нет, но мне реветь хочется от того, что должно делать то, что все.

Представьте обыкновенную дискотеку. Вам она кажется чем-то милым, праздничным. А для

нас, гопников, это угрожающие круги, обязательный прикид: адидаски, турец. свитера, спортив. лямпийска с фирмой, печатка, выбитый зуб, бинтованная рука, изуродованные злобой лица. Страшно, но никуда не денешься из этих кругов, и все это есть, и зуб золотой, и печатка. Все то, о чем мечтают (и с завистью смотрят на меня) 14-15-летние казанские девчонки. Дуры, но они еще не знают, какой ценой досталось мне все это! И хочется им крикнуть, всем, чтоб не смотрели на нас, не подражали, не таскались за нами. Красивая, солидная жизнь только внешне, внутри дерьмо, из которого потом не вырвешься.

Везде обман, и на чем только мир держится? Я никому не верю, предки не авторитет, «ментовка» не спасла, а сама выкарабкаться не смогла, слабачка.

Еще страшнее то, что матуха ничего не знает обо мне. О том, что давно мотаюсь, пропала и на всю жизнь опутана по рукам и ногам. А если узнает, то сразу же прибьет, не разобравшись, и я все старательно скрываю. Это делать не так уж трудно, родители мной не интересуются, и я предоставлена сама себе и улице. Один только выход: мечтаю о колонии. Там хоть и казенный порядок, но он лучше. Видела я все по телеку, это для меня подходит. Уж лучше так, чем жить одним днем, никогда не зная, что ждет завтра. Мне страшно жить дальше, горько за себя, за то, что никогда не смогу стать нормальной девчонкой. Кто захочет связываться с такой, у которой брань срывается с губ, у которой дурные привычки?! На глазах у всех дерусь, устраиваю разборки другим девчонкам из-за денег, тряпок. По приказу своего пацана спокля могу обработать салагу или тетку какую. И наводчицей могу... Кому же нужна я, соплячка, видавшая виды? БВУ-шка — «бывшая в употреблении». И никуда не денешься от этого, наколки и татуировки не смываются, «БВУ» с пальца тоже не сотрешь — это навечно, до гроба со мной, в память о «хорошей жизни».

Пыталась как-то выбраться на

А здесь, с этой стороны нашей анкеты, пожалуйста, основные данные о себе:

имя и фамилия (это — если считаете нужным);

возраст;

где учитесь или работаете.

И последнее: если оценка статей и иллюстраций к ним в баллах кажется вам недостаточной красноречивой, можете приложить к анкете письмо со своими комментариями. Такое развернутое мнение о номере будет для редакции особенно интересным.

белый свет. Но что услышала: «Не ты первая...» И от кого? От правоохранительных органов!

Дома близкие боятся меня, соседки шепчутся да молчат: ведь если что не по мне — гаркну свою ораву и... У нас не пугают, у нас действуют. Правда, не делаю я этого, в потасовке только окончательно раскрою себя, а лучше не станет.

А мне так хочется обыкновенного человеческого тепла.

Хочется видеть добрые глаза вместо стальных, к которым привыкла. Так нет же, нет того мира для меня, о котором мечтаю. Есть тот, в котором нахожусь. Убогий, похабный, развратный, жестокий.

Отвыкла от теплых, ласковых, простых слов, без мата и похабщины. Так хоть ты, «Парус», подари их. Очень мне они сейчас нужны. Не за что получить, но все-таки они подбодрят. Я хоть узнаю, что кто-то думает обо мне.

И еще очень надо услышать, нужна ли я такая вообще, запутавшаяся, обманутая в этой жизни. И стоит ли жить жалкой жизнью, которой живу. Устала чертовски, но завтра снова день ненужный, а перед ним — «грязная ночь». Не хочется, но не спрашивают...

Адреса не даю: кому охота, чтобы весь Союз знал о моей и без того уже похабной жизни. Да и мои Ф. И. О. вам все равно ничего не дадут. Ладно, никому не интересно это, и зря нацарапала, воз все равно висит на мне, и мне его везти.

Только не оставляйте и вы меня одну, неуслышанной!!!

Я боюсь этого...

ЖИЗНЬ-ПРЕКРАСНА

Сейчас мне 18 лет. У меня есть все, что нужно человеку для нормальной жизни. Есть друзья, есть друг. Он ничего не знает о моем прошлом, и вообще никто ничего обо мне не знает в этом городе. Сначала я тоже пыталась все забыть, вычеркнуть из памяти...

Не получается!

Первый раз я попробовала наркотик, когда мне не было еще и 13 лет. Накурилась, стало весело. Понравилось. После первой сигареты было множество других. Очень быстро человек втягивается... Наступает трагический этап — переход на более сильные наркотики. Так было и со мной... В один из летних вечеров к нам в компанию пришел парень, его привел кто-то из наших. Все девчонки были

от него без ума... А выбрал он почему-то именно меня. Через несколько дней я узнала, что Рустам колет себе наркотики, тоже решила попробовать. Сначала ради интереса, но после первых трех уколов уже появилась тяга...

Меня привлекали приключения. От наркотиков возникало ощущение полета, парения. Мне казалось, что я становлюсь выше всех людей и вещей. Я больше не любила школу, скучала с родителями, открывала для себя запретные удовольствия, но я не понимала, что с каждым уколом приближаюсь к смерти. А мои родители по-прежнему ничего не понимали. Они знали, что я прогуливаю занятия, иногда ворую у них деньги. Но, наверное, они просто не хотели ничего знать. А я продолжала встречаться с Рустамом. Он давал мне столько «товара», сколько я просила. И даже больше. Я была счастлива. Рустам познакомил меня со своими друзьями. Они тоже торговали наркотиками и всегда были окружены

яркими девицами. Петля затягивалась все туже.

Однажды я проснулась дома у Рустама в подавленном состоянии, в поту, с судорогами по всему телу. Это было жуткое состояние наркотического голода. Рустам объяснил мне, что у него больше нет денег, чтобы снабжать меня, и что я должна сама доставать деньги, чтобы покупать наркотики. Он был одновременно нежен и жесток... А я не понимала, что со мной происходит. Я не могла больше жить без дозы. В конце концов я стала торговать собой, ведь у меня не было иного выхода!

В тот период я возвращалась домой только для того, чтобы вымыться, переодеться, солгать что-нибудь с невинным видом и снова уйти.

В своей жалкой комнате, которую снял для меня Рустам, я колола себе наркотики, согнувшись над умывальником. Я принимала наркотики, чтобы забыть, а так как мне о многом нужно было забыть, я кололась все больше. Я боялась, ведь мне было всего 14 лет!

У меня было много клиентов, которые ценили мою молодость, светлые волосы, голубые глаза и хорошо мне платили. Но я никогда с ними не разговаривала, будто не осознавала их присутствия.. Все деньги отдавала Рустаму, а он предоставлял мне требуемое количество морфия.

Так длилось год, а может, и чуть больше года... Вдруг произошло внезапное озарение... Я пыталась покинуть Рустама, но ушла недалеко. Его друзья увидели меня бегущей по улице, схватили, привели назад, и Рустам избил меня. Но в любом случае, куда я могла бы пойти?! Рустам грозил отомстить моим родителям или мне самой, сделав так, что я исчезну, не оставив никаких следов, как было уже со многими другими.

Я потребляла в день до пяти кубиков морфия, была похожа на скелет и дошла до того, что наркотики уже почти не приносили мне никакого облегчения.

Однажды утром я поняла: сейчас или никогда. Я набрала номер домашнего телефона, услышала мамин голос на том

конце провода, голос совершенно из другого мира... Я плакала, звала на помощь, кричала в трубку: «Спаси!».

Дальше была клиника. Год лечения. Не знаю, как удалось выжить, вынести все муки ада. Если бы не мама, меня, может, уже давно бы не было в живых... Сколько раз в состоянии «ломки» я пыталась вскрыть себе вены. Теряла сознание, впадала в истерику, меня привязывали к кровати, кололи, но лекарства не оказывали воздействия.

Кошмары. Галлюцинации. На стенах чудились пауки, черви, змеи, крысы. Из углов палаты пялились чьи-то красные глаза.

Я практически ничего не ела и при росте 156 см весила 38 кг. Дичилась, чувствовала себя умственно неполноценной.

Я прошла через все.

Родители поменяли квартиру и уехали из родного города, где прожили всю жизнь. Я очень люблю свой город, так плакала тем осенним утром, когда поднималась по трапу самолета. Но нужно было все забыть и начинать новую жизнь...

Сейчас я по-настоящему счастлива. И больше мне ничего не надо!

Зачем я написала все это? Поймут ли те, кого от души хочется предостеречь? Только не подумайте, что это письмо — попытка иррациональности. Зачем? Ведь каждый все равно доходит до истин самостоятельно.

Как ни печально, но ряды наркоманов с каждым днем пополняются, и далеко не все находят в себе силы бросить наркотики. Их страшат, увещивают, но... Говорить о бедах тех, кто попал в сети «белой смерти», очень трудно. Нельзя верить человеку в возможности преодолеть боль, когда сам ее никогда не испытывал. И не обязательно, чтобы о беде говорили только педагоги, врачи и т. д. Нужно, чтобы откликнулись те, кто волей случая втянут в сети, кто смог разорвать их...

И последнее. Не торопитесь уходить. Не прячьтесь за шторы. Жизнь наладится. Улыбнитесь солнцу. Полюбите человека. Спасите себя.

Я высказала все! Буду рада, если кому-то стало легче... Мне — легче.

ЛЮБОВЬ ПОД СТРАХОМ СМЕРТИ

Идет телефонное расследование

Надевала черные с люрексом колготки, первые в жизни «шпильки», оттачивала кисточкой роковой взгляд в зеркале. Хотелось нравиться, хотелось чего-то невероятного, что вот-вот вырвется, выпорхнет, окутает тайной ее и кого-то, пока незнакомого, неизведанного. Хотелось любить...

А вышло все иначе. После дискотеки — подвал. Их было шестеро.

Потом мамыны крики и лекарства. Следовательно. Родители тех... Потом ухмылки и шепоток вслед — оказалось, что во дворе и в школе все все знают. Потом мама взяла деньги от тех: «Хоть что-то от тебя, дуры, получить...» И ей пришлось писать, что тогда, в тот вечер, она сама, в подвале... По собственному согласию. И об этом опять всем стало известно. Когда за ее пустующую парту классная посадила соседскую девочку, пришла родительница: «За что мою девочку посадили с ЭТОЙ!!».

Вот тогда она взяла мамыны таблетки... Но даже это не сбылось. Скорая. Больница. Боль. И пустота. И еще хуже...

Так кончилась ее последняя школьная весна.

Я помню эту историю и потому почти кричу в трубку:

— Ксения, не смей! Ни в коем случае! Ты слышишь — ни за что!

А Ксения плачет.

Вчера ее знакомый парень предъявил ультиматум: или она будет его — или с ней позабудется вся его компания. Ксения уже почти готова из двух зол выбрать меньшее. Последнее, на что решилась, — набрать наш номер в неурочный день и час.

Уговариваю Ксению хотя бы сегодня не подходить к телефону, не показываться на улицу. А завтра мы выработаем план действий.

ОТ РЕДАКЦИИ: возможности говорить о личном, тайном, тревожащем у многих людей нет, а необходимость огромная. Публикуя два письма, мы хотим, чтобы вы, дорогой читатель, стали тем самым исповедником, духовником, которому люди исконо веков доверяли сокровенные мысли. Мы оставили письма в нетронутном виде; вам, наверное, захочется что-то сказать этим девушкам в ответ, но их адреса и фамилии неизвестны. Впрочем, посмотрите: они живут рядом с вами.

И вот я как доверенное лицо Ксении — у Александра Владимировича ИВАНОВСКОГО, старшего прокурора отдела Прокуратуры БССР:

— Самый трафаретный случай: знакомится, как правило, один, посимпатичней. Потом заезженная схема: или я — или все. Не надо быть провидцем, чтобы предугадать: будет и первое, и второе. Так что выбор «меньшего зла» — ошибка. В таких ситуациях самый верный ход — решительный отпор. — Я советовала Ксении пойти в милицию, прокуратуру, в конце концов просто все рассказать родителям. Но она ни на что не может решиться — нерешительная...

— Таких-то обычно и «намечают» в жертвы — кто сам за себя не стоит и вступить некому. Знаете, недавно пришлось знакомиться с уголовным делом. Компания парней заманивала девочек в подвалы, на чердаки, насиловали. А те молчали. Молчали, терпели, хотя некоторых из них насиловали дважды, трижды. А когда нарвались на решительную девушку, она и ее родители обратились в милицию, не захотели мириться с насильем. Возбудили уголовное дело — и всплыло семнадцать случаев изнасилований одной этой группой! Вы понимаете, сколько искалеченных девчоночьих судеб! А сколько бы изломали, истоптали еще... Ведь даже без серьезных физических травм моральные травмы не проходят бесследно. Вот и история, с которой вы начали... Закон строг к насильникам (насильником считается даже тот, кто «просто стоял рядом» и своим поведением способствовал совершению преступления, соучаствовал морально). От трех лет лишения свободы до пятнадцати, вплоть до высшей меры предусматривает Уголовный кодекс за изнасилование.

— Александр Владимирович, в колонии для несовершеннолетних поразило: никто из осужденных по 115-й статье УК БССР не считает себя преступником. «Хорошую» девушку, якобы трогать не станут, а над «плохой» надругаться невелик грех, поделом.

— Вот только что звонили по юридической линии с похожим вопросом. Двое ребят и девушка полезли на голубятню, прихватив с собой шесть бутылок вина. Одному из парней она отдалась по доброй воле. А после того, как он ушел, второй взял ее силой. Звонила мать этого второго: «За что судят моего сына, за эту дрянь!! Да она сама виновата!» Я думаю, суд учтет в приговоре все обстоятельства. И тем не менее, неприкосновенна любая личность. Какова бы ни была женщина, право выбора остается за ней. А «мудрый» опыт, наподобие: вон та накрашена, как светофор, юбочка едва приметна, курит — ага, значит, делай с ней все, что угодно, — приводит рано или поздно на скамью подсудимых. Достоинство, неприкосновенность личности, по-моему, и есть самое дорогое, что должно общество обеспечить человеку.

— А что Вы посоветуете Ксении!

— Обратиться к участковому инспектору, в милицию, прокуратуру. В нашей практике тоже бывали такие случаи. Вызывали обидчиков, предупреждали, а иногда и поглубже копнуть приходилось. Пусть Ксения не сомневается — никто из предупрежденных не продолжал нападков.

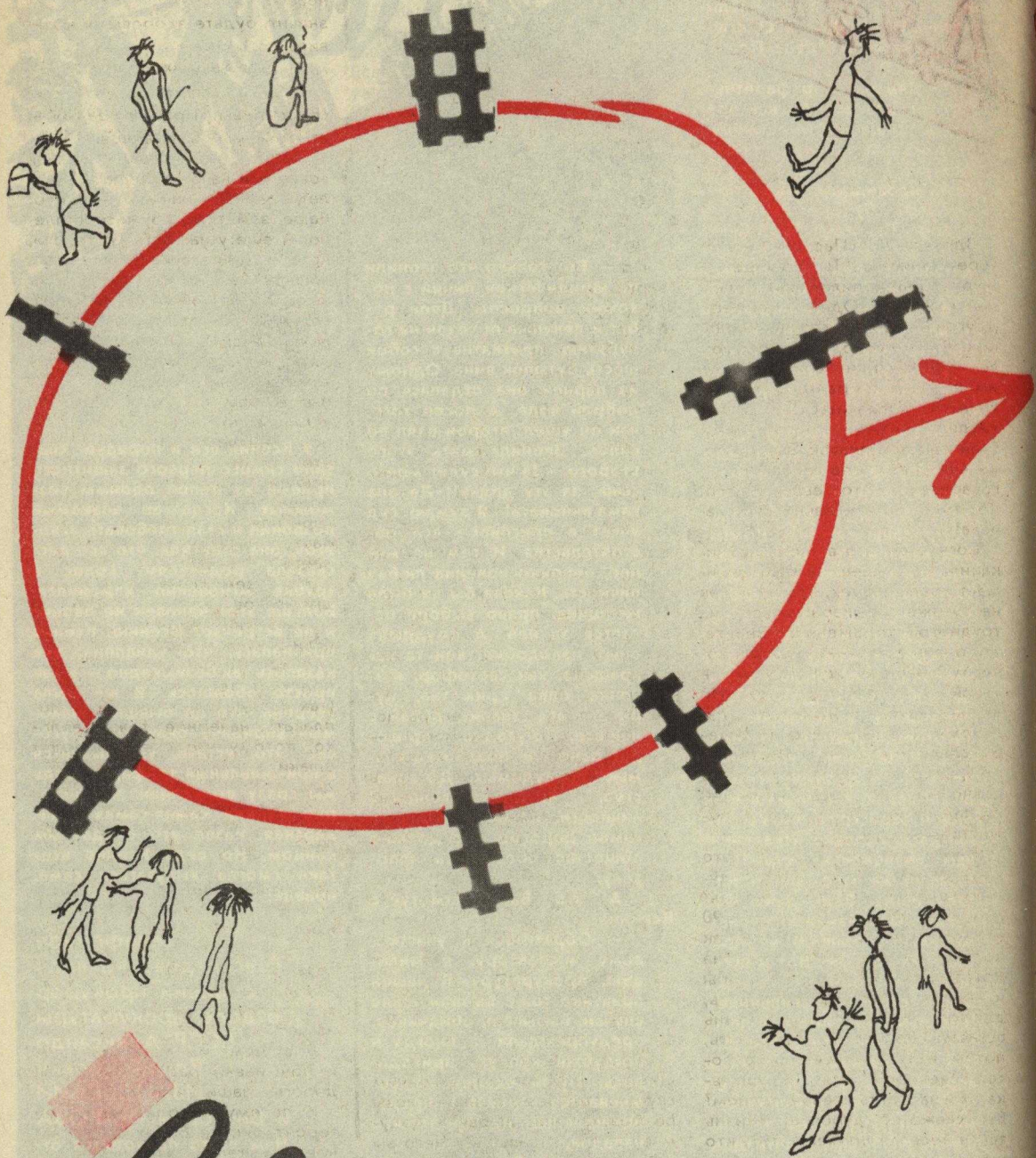
— А угрозы! Ведь он пригрозил: если болтнет кому — будет еще хуже.

— Я немало работаю в прокуратуре — и ни одного случая «страшной мести» что-то не припомню. Наверное, когда отсидишь лет этак с десяток, позавидит много других врагов. Убежден в другом: тех, кто дает отпор, обижают гораздо меньше.

У Ксении все в порядке. Хватило самого первого защитного приема из целой обоймы возможных. Когда ее знакомый позвонил и стал требовать «своего», она ответила, что все рассказала родителям. Голос в трубке мгновенно изменился. Больше этот человек не звонит и не встречает Ксению. Ксения призналась, что удивлена: все казалось так безвыходно — и так просто обошлось. Я же была уверена, что ее бывший знакомый впридачу окажется трусоват. Это, кстати, укладывается в криминальный трафарет. Ведь мы сразу вычислили, что история Ксении самая-самая стандартная. Разве что с удачным концом. Но ведь Ксения все-таки смогла выпутаться сама, правда!

Телефонное расследование вели старший прокурор отдела Прокуратуры БССР Александр Владимирович ИВАНОВСКИЙ и Виктория ПЕТРОВА

Нам часто приходится отстаивать свои права. Узнавать, что мы можем, а что — нет, находить выход из сложных житейских ситуаций. Если у вас те же проблемы, звоните по телефону 26-44-31 в любой четверг с 15 до 18 часов [с 16 до 19 по московскому времени]. На юридической линии «Паруса» вам помогут работники Прокуратуры БССР в Минске.

Свободная
Территория

ДУЭТ

Здравствуй, «Парус!» Решила тебе написать. Ты вообще — журнал или копилка всех болезней и жалоб? Один — нюхает, другой — ворует, третий — одинок. Всем плохо, все страдают, все обижены, и ты помогаешь им зализывать раны. Читателю хочется поплакаться о своей трудной жизни — ты суешь им свой носовой платок, глядя «маленьких деток» по головке, приговаривая: «Это еще ничего! Вот ты возьми и начни все сначала!»

Согласись, что в твоих публикациях большее место занимает трепотня тех, кто ну никак не может выкарабкаться из трудного положения. Знаете, это очень легко — помогать советом! Вашему журналу это в какой-то степени удается. Но лишь в какой-то и кому-то: далекому и романтичному рокеру, славному рыцарю-«металлисту», отбросам общества (но все равно милым и загадочным) — панкам, приветливым хиппи, мужественным люберам.

Я уже давно убедилась, что жить очень скучно! Иногда думаю: для чего дана нам жизнь? Для того ли, чтобы лет 60—90 (а может, и 30 — это уж как получится) смотреть друг на друга глазами, полными злобы и ненависти? Или, может быть, для того, чтобы всю свою жизнь вставать по утрам, завтракать, потом идти учиться или работать, вечером опять «кушанькать» и засыпать невинным сном? Вы скажете: дурочка! Жизнь такая веселая штука! У тех, кто утром может встать в любое время, на работу ходить через день, вечером посидеть в компании или побалдеть под музыку, лежа на диване, или заниматься любовью в любом месте, меняя партнеров, как перчатки? И это — ЖИЗНЬ? Пустота и больше ни фига!

Пишу и думаю, что занимаюсь все той же трепотней (как иногда ваш журнал). Все очень сложно и глупо!

Приветствую вас, дорогие «товарищи писатели!» Ой, и до чего же у вас все в мрачном свете! Как будто в нашей жизни кроме потерявших вкус к жизни панков и плачущих от любви к Б. Г. девчонок больше ничего не осталось! Прочитала ваш первый номер, и такое впечатление, что написала не «Парус», а подпольный журнал организации «Прощай, СССР!» После прочтения всех писем, заметок, тусовок хочется кричать во все горло: «Нормальные люди!!! Куда вы подевались!!!»

Ну нет у меня ни проблем с родителями, ни опустошения в душе! Те, кто мне нужен, всегда остаются со мной, а тем, кому нужна я, делаю все, что могу, хорошего. Ну ни разу я не травилась, что ж теперь поделать? И делом занимаюсь — учусь!!! Смешно?.. Зато не тусуюсь на Арбате и не пишу в первый попавшийся на глаза журнал... Никогда не брошусь убивать москвичей только за то, что они москвичи. Я могу ненавидеть только тех, кто причинил мне боль. Нет, не физическую! Душевную боль никогда не прощу тому человеку, который мне ее причинил...

И после школы я мечтаю поступить не в ПТУ, а в МГУ (большая разница, согласитесь). В общем, все о'кей!

Скучающие мальчики, плачущие девочки! Может, закончим скучать, вытрем горькие слезы по безответной любви и подумаем: «А что дальше?» Чего вы добьетесь таким существованием (заметьте, не жизнью!)? Честное слово, не хочу проповедовать, но что вы сделали, дорогие товарищи рыдающие, чтобы вам повезло, чтобы были друзья, чтобы, наконец, найти смысл жизни?

Люди! Страшно! Все ходят и орут, что им плохо! Ну когда же всем будет хорошо? Наверное, когда перестанут орать...

Здравствуйте, два наших вышеупомянутых читателя, кажется, довольно раздраженных и невеселых... Здравствуйте! А значит, будьте здоровыми и живите долго, несмотря на то, что мы на вас немножко обиделись. «Почему обиделись? За что?» — спросите вы. «Потому и за то», — ответим мы вызывающе.

Мы — не носовой платок вовсе или какая-нибудь там жилетка, а, как минимум, — плечо! Ваше, заметьте, дружеское плечо. А еще у нас есть «котелок», который переваривает все наши жизненные наблюдения в какой-то степени (о жизни, то есть). В конспективном изложении письма читателей выглядят следующим образом: жизнь тяжела и жить тяжело. Согласны! И нам бы тоже хотелось услышать что-нибудь радостное, но... Вы пишете в «Парус» то, что пишете. Мы понимаем: желающих разделить вашу радость более чем достаточно, а вот горе или просто тоску вы отправляете нам. И правильно делаете.

Мы знаем: хорошо, когда есть дружеское плечо, в которое можно уткнуться и поплакаться, если совсем тошно; хорошо, когда есть рука друга, которая подсунет тебе носовой платок (так «обидевший» нас). Да и поплакать, наверное, тоже неплохо, потому что слезы выводят шлаки, а шлаки — это наши беды...

А еще известно, что и всеобщее, и чисто индивидуальное Горе лучше всего лечится Радостью (не путать с бессмысленным ржанием находящегося под искусственным кайфом тинэйджера). А радость есть проявление неких редких положительных моментов жизни, активных мыслей и действий, которые иногда случаются с некоторыми из нас.

В общем, мы кое-что знаем и понимаем, равно как и вы, дорогие наши читатели.

А посему: сегодня на нашей территории не будет слез, стонov, шмыганий носом. Мы познакомим вас с людьми, которые хотя бы мысленно действуют (мы это называем «думают»), тем самым пытаясь найти выход из мрака, ужаса и т. д., и т. п.

Итак, присоединяйтесь к нашей тусовке... (ой, простите, Марина и Света!), т. е. к беседе.

Светлана-Киса

Марина Богорад, почти 14 лет

Сегодня у нас в гостях некоронованные короли школьного «самиздата»: газета «Московский старшеклассник» и основное издание ЮНПРЕСС — газета «Эпицентр». Существуют они уже около двух лет. Если «МС» в прямом смысле является «самиздатом», то «Эпицентр» (всесоюзная школьная газета) публикуется страничкой в «Учительской газете».

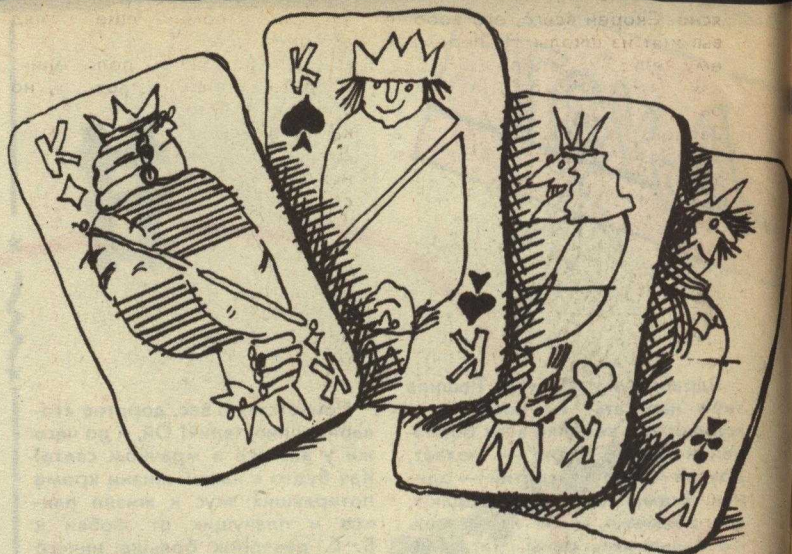
Каждый номер «МС» и «Эпицентра» вызывает споры среди читателей. Хорошие газеты или плохие? Нужны или не нужны? Кто они такие — журналисты «МС» и «Эпицентра»?

Итак, мы беседуем с руководителем московского молодежного дискуссионного клуба Сергеем Гоголевым, журналистом Сергеем Цымбаленко и студентом факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова Евгением Кузиным — идеологами школьного «самиздата».

С. Г.: Прежде всего позволюте возразить против термина «самиздат». Наши газеты — нормальные издания, которые выходят достаточно большими тиражами. В принципе, сам термин «самиздат» не верен. Скорее — самостоятельная молодежная пресса. Неформальная, если хотите.

МР: Предлагаем послать к черту терминологию. Все равно запутаемся. Давайте поговорим о так называемом «самиздате», причинах его возникновения и, наконец, просто о вас.

С. Ц.: «Самиздат» рождается, как правило, в кризисные периоды жизни общества. В 1915—1917 г.г., например, пошла волна всевозможных школьных газет. Выходили они сравнительно небольшими тиражами. Их распускали. Но чем больше было гонений на «самиздат», тем пышней он расцветал. Нам известна одна из первых межшкольных газет, появившаяся в Киеве. До Февральской революции в городе работал «КУК» — Киевский ученический кружок, который распространял свой журнал, обличавший реакционные школьные порядки. За причастность к «КУКу» исключали из учебных заведений с «волчьим билетом». Осенью 1916 года «КУК» стал издавать легальный печатный орган «Голос Средней Школы». Вышло 15 номеров газеты, но после статьи о Государственной Думе

ее запретил киевский губернатор Игнатъев. Дальнейшая судьба «КУКа» неизвестна.

МР: Вы считаете, что появление «самиздата» связано только лишь с политизацией общества? Но ведь и ранее существовали знаменитые гимназические литературные журналы, семейные поэтические альбомы.

С. Ц.: Конечно. И все же именно кризис в обществе является своеобразной точкой отсчета. Посмотрите, мы с десяток лет пытались возродить в молодежной среде такие вольные журналы. Проводили юнкорские смены в Артеке, вели пропаганду, делали все, что угодно, — глухо! В лучшем случае — стенгазеты, поздравления с 23 февраля, 8 Марта. Полное равнодушие. Сейчас, пожалуй, — поток политизированных школьных газет. Газета появляется тогда, когда ребята начинают осознавать, что каждый из них — личность. Видите ли, даже самые демократичные официальные молодежные издания выступают у нас в качестве воспитателя. Пусть очень хорошего, доброго, но... Читателя все время воспитывают. Все «правды» говорят, как учительница. Читатель это ощущает, в нем рождается внутренний протест. Подсудно возникает желание освободиться от навязывания взрослыми жизненных оценок. Появляется потребность высказаться, самовыразиться. Всего этого

мы долгое время были лишены. Возьмите любой «самиздат»: ничего особенного в нем нет, кроме одного — человек говорит то, что думает.

МР: Женя, ты стал «самиздатчиком» еще в пионерском возрасте. Тебя можно назвать мамонтом «подпольной» прессы. Как ты докатился до такой жизни?

Е. К.: Очень просто. Я жил в Пятигорске, пришел как-то в пионерскую дружину и от невыносимой скуки включился в выпуск газеты «Барабанщик». Цымбаленко абсолютно прав. Сначала человек не осознает до конца потребность в самовыражении. Мне было просто интересно. Лишь потом понял, что могу высказать свое отношение к любой проблеме, факту, явлению. Кроме этого, я приобрел еще и чувство ответственности за свои слова. Работа воспитала меня.

С. Г.: Газета — это определенная форма диалога. Изначальной целью нашего издания была попытка найти точки соприкосновения между учителем и учеником, родителями и ребятами. Одно дело — сразу, порой необдуманно, возразить своему оппоненту, совсем другое — ответить через газету. Ведь в этом случае не закричишь, не поругаешь. Нужно достаточно аргументированно, спокойно поговорить с человеком. Для нас газета — это возмож-

ПАРАД Королей

ность нормальной беседы, воспитание культуры диалога.

МР: Каков круг проблем, обсуждаемых школьным «самиздатом»?

С. Г.: Есть классные газеты, общешкольные. Есть издания, которые выходят за рамки обсуждения внутришкольных проблем. Последние читать, конечно, намного интереснее. Но беда в том, что газеты после третьего номера, как правило, прекращают свое существование. Сначала все хотят писать. Первый номер проходит на «ура». Читают, хвалят. Второй — тоже. А к третьему — вроде бы все сказали, что хотели. Вот здесь-то и начинается работа настоящей редакции. Если таковая имеется, газета может выжить.

МР: Значит, единственное, что необходимо для выпуска газеты, — это инициатива ребят?

С. Г.: Это только одно из условий. Нужен взрослый, который поможет организовать этот выпуск.

С. Ц.: Поясню. Наверное, только в нашей стране в этом деле ребятам не обойтись без взрослых. У нас же все необходимо доставать, выбивать: бумагу, ксерокс, всевозможные разрешения. Это останавливает ребят. Скоро выйдет Закон о печати, и я боюсь, что вся множительная техника, бумага осядет в министерских и прочих конторах. Нужны хоть какие-то гарантии, что часть технических средств все же попадет в школы.

МР: Чем еще хорош «самиздат»? На наш взгляд, он неплохо подстегивает официальную прессу...

С. Г.: Я обратил внимание, что молодежные газеты пытаются, наконец-то, говорить на языке ребят. В прямом и переносном смысле. Иногда, правда, очень неудачно. Например, «Московский комсомолец» открыл страничку «Тинэйджер». Читая ее, я ловлю себя на мысли, что в очередной раз взрослые дяди собрались поболтать о проблемах молодежи. Дежурно, поверхностно. Крайне неудачен их «молодежный» язык. По-моему, просто неуважение к ребятам — изъясняться на жаргоне. Кстати, «Парус» тоже этим грешит.

МР: Да ну?! А мы и не заметили! Давайте все же вернемся к «самиздату». Какова его польза, допустим, для взрослых?

С. Г.: Мы уже сказали, что это — форма диалога поколений.

Е. К.: Взрослые, наконец,

смогут что-то узнать о детях. Разве кто-нибудь из них пытается понять молодежь? Мои родители совсем меня не знали, пока не познакомились с моими статьями в газете.

МР: Кто-то очень умный сказал, что знать настроения в молодежной среде — все равно что прогнозировать будущее. Думаем, взрослым будет интересно узнать о грядущей старости. Хорошо. А что выигрывает школа, имея свой «самиздат»?

С. Ц.: Школа заинтересована в личностях. Подчеркну: нормальная школа. Личность начинается с права мыслить самостоятельно, говорить, действовать. До сих пор наши школьники лишены нормального общения. Газета дает всем равное право высказаться, помогает разрешить многочисленные школьные конфликты.

С. Г.: Наконец, школьная пресса дает возможность учителю увидеть себя глазами ребят. Только не надо рассматривать ее как регулятор учебного процесса. А вот социологические исследования, проведенные школьниками, рейтинги учителей, возможность высказаться о том, что наболело, помогут создать атмосферу доверия в школе. Главное — газета должна защищать права учащихся.

МР: Убедили. Скажите, а насколько вообще живуч «самиздат»? Есть ли у него перспективы?

С. Г.: Во-первых, я не вижу ничего страшного в том, что «самиздат» постоянно рождается и умирает. Это — естественно. Во-вторых, с приходом компьютерной техники в школу процесс выпуска таких изданий намного упростится. И это уже иной уровень средств массовой информации. Молодежных изданий всесоюзного, республиканского масштаба будет не так много, как может показаться. Скорее всего, процесс создания газет будет индивидуализирован: семейная газета, классная, просто издание группы ребят. Тиражи, естественно, небольшие.

С. Г.: Боюсь, что это случится не скоро. Нет достаточной материальной базы. Сейчас газетный бум охватил не только школы. В Москве каждый район издает свою газету. Нашлись и бумага, и полиграфическая техника. Для школы это пока нереально.

МР: Ну что ж, не будем обсуждать то, чего нет. Расскажите лучше об истории своих изданий.

Е. К.: Образование ЮНПРЕСС связано с появлением школьных газет, которые существовали обособленно, ничего не зная друг о друге. Агентство задумывалось как координирующий центр всего школьного «самиздата», и это в какой-то степени удалось. Мы имеем довольно широкую сеть корреспондентов по стране. Инициаторами выступили юнкоровские коллективы, которые хотели работать. В идеале должен получиться молодежный ТАСС, сотрудничающий на равных с официальными средствами массовой информации. Структура в ЮНПРЕСС такова: начальников нет. Есть спонтанные редакции. Например, проходит фестиваль детских театров. Возникла идея выпускать фестивальную газету. Кто желает, тот и работает. Половина наших ребят участвует, половина просто с улицы приходит.

С. Ц.: Все строится на принципе добровольного объединения. Никого не заставляем, не наказываем. Просто смотрим, кто есть кто и чего он стоит. Так складывается ядро авторов. Начав с нуля, ЮНПРЕСС многого добился: свои каналы, свое издание.

МР: А вы не боитесь, что со временем агентство попадет под влияние взрослых? Появятся ставки, оклады, начнется дележ. И ЮНПРЕСС станет монополистом информации, как ТАСС. На вас плюнут, и образуется какой-нибудь новый ПРЕСС...

С. Ц.: Конечно, боимся. Спасаемся одним: отторжением взрослых, не могущих, не умеющих войти в коллектив ребят, и равными правами для всех. В документах ЮНПРЕСС мы такие вещи оговариваем. Допустим, в одном районе Москвы объединились для работы три человека. Они имеют право послать своего представителя в агентство, и тот будет равен остальным, кто уже долгое время работает в ЮНПРЕСС. Голос взрослого равен голосу молодого человека.

С. Г.: Такие же отношения установлены и в «МС». Мы иногда с главным редактором спорим о статье по три часа. И будем спорить до тех пор, пока не придем к соглашению. Порой приходится вызывать всю редакцию.

МР: Итак, переходим к «Московскому старшекласнику»?

С. Г.: Началось все с газеты «Клинок». Когда-то на базе школы № 66 был создан

общественно-политический клуб «Единство». Возник он как клуб поддержки латиноамериканских народов. Вы помните: в годы застоя у нас как бы не было проблем. Все они существовали только на Западе. Вот в те времена и родилась идея — создать свою газету. Я уже говорил, что первый и единственный номер провисел недолго. Директор школы ударился в панику. Идею пришлось отложить на неопределенное время. Менялись поколения ребят, поменялась и школа. Клуб переместился в СШ № 1155. И вот появилась газета «Голос». Чей? Ученика, учителя. Газета начала выходить 50—100 экземплярами. Издавали мы ее разными путями. Однажды ее помог нам отпечатать на своем ксероксе западногерманский журналист. Ему ведь не надо спрашивать у своей компартии разрешения на множительную технику. Вскоре мы перенесли идею школьной газеты. Стали писать о городе, о проблемах всей молодежи. Ребята начали выезжать в командировки, появилась своя корреспондентская сеть. Таким образом была создана городская газета для старшекласников. Тираж первого номера составил 1500 экземпляров.

МР: «МС» может стать серьезным конкурентом «Московскому комсомольцу»?

С. Г.: Об этом говорить рано. Пока мы сотрудничаем со многими «молодежками», учимся у них.

МР: А какой им смысл растить себе конкурентов?

С. Г.: Это же очень хорошо. Я был бы рад, если бы в Москве кто-нибудь стал издавать газету, похожую на нашу. Надо, чтобы был выбор. Это заставляет работать.

МР: Ребята! Мы рады, что вы есть, что вы так интересно живете и почти ни на что не жалуетесь. Ныне это — большая редкость. Спасибо за беседу. А теперь от ваших слов перейдем к вашему же делу. Итак, парад королей «самиздата».

Адрес! Пожалуйста: 103012, г. Москва, ГСП-2, проезд Сапунова, 13/15, агентство ЮНПРЕСС, «Эпицентр».

Сказ о комсомоле под аккомпанемент капающей воды

Тем, что старшекласники отказываются вступать в комсомол, уже никого не удивишь. Предлагаем сенсацию: историю чудака, который второй год упорно пытается... стать членом ВЛКСМ.

«А почему бы не вступить в комсомол?» — подумал я, когда стукнуло четырнадцать лет.

Скоро сказки сказываются, да не скоро дело делается. Две недели я выяснял, кто же в нашей школе секретарь комитета комсомола. Ею оказалась Лена А., правнучка знаменитой революционерки, похороненной чуть ли не у Кремлевской стены. Прошло еще две недели, пока правнучка добывала бланк заявления. Излагать свое желание о вступлении в комсомол на обычном листе в клеточку нельзя. Я в это время учил Устав ВЛКСМ и биографию В. И. Ленина. После быстрой проверки моих знаний заявление было подписано, и я отправился на заседание комитета комсомола.

Комитет — это маленькая заморка с одним окном, заваленная пустыми стендами. В углу приютился шкаф, возле которого лучше не останавливаться — вот-вот развалится.

— Что ты думаешь о многопартийной системе и плюрализме мнений?.. Верно ли сегодня правило подчинения меньшинства большинству? — посыпались на меня вопросы четырех комитетчиков и представителя райкома комсомола, который смотрел на меня особенно критически.

Я учил про другое, но, как мог, старался высказать свое мнение.

— Что-то шаткая почва... — сказала в итоге секретарь. — Пусть еще позанимается.

Не приняли меня одного. А я-то посчитал за шутку слова, услышанные накануне: «Мы сегодня не всех примем, одного-двух отсеем». Правда, Лена подошла ко мне после комитета:

— Извини, мы только потом поняли, что ты еще не можешь знать того, о чем спрашивали. Ладно, приходи на комсомольское собрание, там и примем.

Еще две недели я пытался последовать ее совету, но комсомольское собрание все не проводилось, так как мало собиралось народу. В очередной раз

секретарь сказала, поглядывая на воду, капающую с потолка в ведро и банки:

— Ладно, давайте быстренько проведем собрание, пока никого из взрослых нет.

Меня приняли почти единогласно, за исключением воздержавшихся. Дальше по повестке были перевыборы комитета комсомола, но желающих войти в него не оказалось. Комитет решили распустить, а его полномочия дать каждой комсомольской группе, в том числе и прием новых членов по принципу шефства.

Теперь я должен был самостоятельно идти в РК ВЛКСМ. Отыскав в лабиринте комнат таинственное окошко, я протянул туда заявление.

— Неправильно заполнено. Надо переделывать, — сказал голос за окошком.

Неужели все начинать заново?

Я вернулся в школу. Комитет комсомола распущен, а

ЭПИ

в комсомольских группах никто ничего на себя брать не хочет.

— Ты что, дурак? Зачем тебе это нужно? — смеются надо мной однокласники.

Но я теперь твердо намерен вступить в комсомол. А на заявление написать: «Хочу перестроить эту организацию».

**Алексей Дубовик,
г. Москва,**

Черемушкинский район

математическая фантазия

О ЧЕМ ГОВОРIT ЦИФРА «6»

О чем? Зрительно — номер моей квартиры. На лифте нажимаю кнопку «6» — и до нужного этажа, как говорится, с доставкой на дом. Не едет? Пешочком. Одышка? Заниматься спортом надо. В движении — жизнь.

Шестая ступенька. Вискальзывает из рук бутылка кефира. Разбивается. И так бывает.

Шесть учебников вмещаются в ранец с трудом. Но есть слово «надо». И вмещаются.

Шестой урок. Тяжело, усталость. Голос учителя: «Не умираем, веселее, ребятушки, читаем выразительно и громко». Мы не умираем, но ох, трудно, мы еще дети.

Шестой день недели. Долгожданная суббота. Впереди еще более долгожданное воскресенье.

Вести разговор о шестерке можно до бесконечности. Но пора ставить точку. Шесть утра.

Алексей Сенин,
семиклассник,
Свердловская область,
г. Краснотурьинск

исповедь
Ненавижу!

Я ненавижу школу. Утром встаю с уже испорченным настроением — надо идти на уроки. Я не леняй, я хочу знаний. Но сегодняшняя система обучения — это зря потерянное время.

Я ненавижу не только школьную систему полуобучения, но и методическое унижение достоинства. Я не могу слышать,

ЦЕНТР

как взрослые люди кричат на беззащитных детей начальных классов. Не могу, но слушаю, слушаю...

Как же они напыщены, строги и важны, эти люди «с искрой доброты в глазах», исполняющие долг второй матери! А скоро идти в школу моим младшим братьям. Я боюсь за них. Чему они научатся? «Учебник дома забыл! А жрать ты не забываешь?.. Что орете? Никакой культуры! Разинут пасти и орут!»

Эх, если бы унижающие меня были моими ровесниками или хотя бы чужими, незнакомыми людьми, я бы знал, что сказать. Я бессилён, и от этого еще обиднее. Мне, как и моим товарищам, не хватает мужества на долгие одиннадцать лет. Я не могу противостоять им, потому что жаль родителей, потому что невыносимо слушать упреки.

Иногда учителя хотят понять тебя, но «влезание в душу» еще невыносимее. Ну что они знают? Какое им дело до каждого из нас? А везде пишут: школа — родной дом. И от лице-

мерия становится еще противнее.

В конце концов придется выбирать: или жить в лицемерии, или бросить школу, или разом вспомнить обо всем плохом — и кончить эту жизнь...

Андрей С.,
Томская область

отеческие беседы
Наш подполковник воевать собрался

— Как вы думаете, чем отличается родина от Отечества? Скажете, что ничем, — и будете абсолютно неправы. Родина может быть любой: нашей, американской, даже пингины могут назвать Антарктиду родиной. С Отечеством все обстоит по-другому. Отечество может быть только социалистическим! Следовательно, права на Отечество можем предъявлять лишь мы с вами да наши друзья из соцстран. А все остальные остаются без Отечества.

Так говорил, расхаживая по классу, наш школьный военрук. А дальше еще круче. Наш подполковник заявил, что Советская Армия — совсем другое, чем армии несоциалистических стран. Наша армия есть народ, в то время как «ихняя» — совсем другое.

Пришлось нам пересмотреть и взгляд на войны. Оказывается, Великая Отечественная была патриотичнее, чем война 1812 года. И все из-за того, что в первом случае мы имели дело с советским народом, а против Наполеона шли просто подданные Российской империи. Аналогично и со всеми прочими.

Только мы успели пережить эту новость (все попытки противоречить разбиваются, словно волны о холодную скалу), как узнали еще об одном открытии военрука. Надо срочно заготовить себе и близким ватно-марлевые респираторы, которые постоянно должны быть под рукой. Тогда в случае термоядерной войны есть шанс спастись. В ватно-марлевой повязке после атомного взрыва можно выжить из эпицентра живым и невредимым.

Напрасно мы спорили, что при ядерной войне от Земли ничего не останется, во всяком случае, жизнь будет невозможна. Подполковник хмыкнул и заметил, что убежища первого класса выдерживают до пяти килограммов на квадратный сантиметр.

В то время, когда все стре-

Сегодня В номере:

Я не дурак,
но твердо
намерен
идти в
Комсомол...

О чем говорит
цифра
ШЕСТЬ?

Или жить
в лицемерии
или кончить
эту жизнь...

Война 1812 г.
была недоста-
точно патри-
отичной?

см. на обороте

мятся к миру, нас готовят к войне. И программа по начальной военной подготовке этому способствует.

Эдуард Ермашенков,
г. Москва

за здоровый быт!

Даешь курилку!

Курить ученикам в школе негде — только в туалетах. Но ведь они не для этого, согласитесь, придуманы. Очень неприятно там как для курящих, так и, еще больше, для некурящих. А курить ребятам хочется. Что, школьник не человек, не может делать то, что хочет? Понятно, что вредно, смертность от рака растет, но ведь взрослые курят, даже учителя!

Я-то сам не курю. Но, как показало анкетирование, эта проблема волнует всех. Так давайте выделим помещение, оборудуем под курилку (курящие это сделают быстро). Ведь на дворе зима, а люди, изгнанные из туалета, курят на улице без верхней одежды — простудятся, заболеют и... черт-те чего может случиться!

Кстати, на всесоюзной встрече старшеклассников этим летом в «Орленке» курить разрешалось, но прямо под окном начальника дружины «Комсомольская». Так к концу смены курили меньше.

Объект № 7

...И скоро заброшенная дорога уткнулась в зеленые ворота. За воротами — запустение. Дорога совсем заросла: сквозь асфальт пробивались деревья. И вела она к другим воротам, покрепче и посвежее. Эти просто так не перелезть. Да и зачем! Только дураки и хозяйева ходят через ворота, а умные люди ищут слабое место в заборе. Третья и четвертая доска от ворот держались очень слабо, отодвинуть их не представляло труда.

Это — середина истории. А началась она так.

Двое молодых людей пятнадцати лет решили отдохнуть от прелестей цивилизации на лоне природы. Вестим отдохновения был избран Востряковский лес. Куда идти, не задумывались, так как тропинка было великое множество. По одной из них и вышли на заброшенную дорогу...

...За вторыми воротами оказались прогулочные тропки с шеренгами фонарей. Прямо вырисовывался сквозь лесок огромнейший особняк. Кому ох-

та нарваться на хозяев — пошли влево. Участок ограждали три забора. Один, внешний, с колючей проволокой, за ним — овраг, и, когда поднимаешься, — еще один проволочный. Все приспособлено, чтобы выдержать длительную осаду. Дорожка по всем правилам садово-паркового искусства все время шла под гору. Углубившись в лес, мы оказались снова перед особняком. Вблизи он выглядел еще краше. Двухэтажный, но этажи такие, какие раньше делали во дворцах. Очень красивый дом, но производил впечатление, будто хозяин ушел, и давно. И участок выглядел покинутым: все дорожки были посыпаны хвойными иголками, а сосен не было вообще. Похоже, что меньше «ЗИЛа» автомобиль туда не заезжал. Справа... Справа размещался зверинец. Самый настоящий, какой бывает в крупных городах Союза. Зверей в клетках не было, наоборот, ушли вместе с хозяевами. В одной из клеток сидел маленький пес, перед ним — миска с едой. Посмеявшись над грозным зверем-охранителем, нагло переплы дальше. За домом был сад. Плодовые деревья окружали несколько оранжерей. Микроклимат в них регулировался японским компьютером. Правда, сейчас в оранжерее ничего не росло.

— Ребята, подойдите сюда... — заставил нас вздрогнуть голос.

Говорил человек в черном пальто и черной шляпе. Маленький такой, но глаза его смотрели очень осуждающе. Он предложил пройти до караульной. Мы почесали назад к дыре. Человек лишь развернулся и тихо сказал:

— Куда бежите, ребята, пулю хотите получить?

Кто знает, может, и вправду пальнет... Мы остановились, а потом пошли к караулке.

По дороге этот тип долго и нудно объяснял, что теперь они наплачутся. Мало того, что в милицию попадут, еще и штраф по пятьдесят рублей получат. От таких слов весело не станет. Шли молча.

В комнатке, куда нас привели, можно даже жить, если убрать караульные принадлежности. Человек, поймавший нас, с довольным видом сел и начал звонить по телефону своему начальству:

— Говорит объект № 7 ...Ну, бывшая Брежневская...

Видимо, сообщение не вызвало большого интереса. Все отказывались заниматься шпио-

нами. И только местное отделение милиции согласилось прислать за нами машину.

Сидели мы в отделении часа три, не меньше, наблюдая темных личностей и милиционеров, матерящихся через слово. О нас забыли. Наконец, нами занялся следователь, часа два выяснявший адреса, телефоны, допрашивая поодиночке. Потом попросил подписать какую-то бумагу и отпустил на волю.

Правильно говорят, что за удовольствие надо платить. С нетерпением ждем теперь, какова же цена эскурсии по бывшей даче семьи Брежневых.

Опять Эдуард Ермашенков

Оборотка, или Как стать «авторитетом»

Тих и спокоен опорный край державы — Свердловск. Не оглашают ревом улицу «железные ангелы», не топчут уральскую землю сапоги новоявленных «наци». Даже пестрые панки не радуют глаз. По чужому району можно гулять, не рискуя получить пробину в черепе. Года три, как исчезли величественные картины тяжелооруженных «стеноек». Любители территориальных войнушек с трудом, но привыкают ходить с разжатыми кулаками. Но почему тогда нездоровая бледность проступает сквозь юношеский румянец при слове «Космос» (название славного свердловского ресторана)? Отчего мурашки по спине, когда произносятся фамилии местных «авторитетов», пробиться в которые — мечта современного молодого человека, как когда-то стать космонавтом? Не верите? Вот история одного из новобранцев. Передаю ее на том языке, на каком слышал. Для непонятливых — пояснения в конце текста.

В далеком детстве наш герой, назовем его Арнольдом (он добился успехов в туризме, почти как его любимый герой Шварцнегер), слыл самым читаемым поэтом самой привилегированной школы города. Но скоро понял, что стихами в этом мире не разживешься. Еще в седьмом классе соученик Арнольда платил ему комиссионный сбор в размере десяти рублей за право свободно продавать на перемене импортные презервативы.

Были, конечно, и неудачи. Некий «орлан»-старшеклассник схлопотал от Арнольда по физиономии. Он не решился всту-

пять в драку с юным атлетом, но стал требовать денежной компенсации за оскорбление. При этом «крутой мэн» настойчиво повторял названия кафе и фамилии, отчего Арнольда интуитивно бросило в дрожь. Опасения подтвердились. На следующий день к школе подъехали ребята на «девятках». Эх, да что вспоминать... Пришлось платить за «порчу физиономии».

Но не таков Арнольд, чтобы не извлечь полезные уроки. Когда он попал в новую, отнюдь не привилегированную школу, в первый же день пришлось отделать местного «короля», решившего заняться «пропиской» новичка. После уроков его ждала толпа, гремущая цепями и чаками. Экзекция была прервана тирадой, сотканной из весомых имен и названий общепитовских значных мест. Тридцать человек, настроенных на бойню, затравленно отступили. С тех пор старшешеклассники подчеркнуто уважительно здоровались с нашим героем или опасливо обходили стороной. Девочки висели на нем гирляндами.

Оставалось поддерживать ленту. Вот что Арнольд придумал. В городском парке он усаживал на скамейке одну из своих поклонниц. Раскрашенная и одетая в «жрица любви», девочка с успехом «косила» под профессионалку. Клиенты появлялись незамедлительно. Вот тут-то и возникла толпа «защитников девственности». После серии ударов клиент поспешно расставался с наличностью и ретировался. Трофеев стало хватать на «культурный досуг».

Как не войти во вкус от таких успехов? Арнольд переключился на более прибыльное и популярное в городе дело — карты. Выигранные шмотки были с успехом сданы на «туче».

Но однажды вышла «оборотка». Собрались было с приятелями раскрутить очередных клиентов, но те вдруг предъявили неустойку за «беспредел». Незнакомцы не только вернули свои «боинги», но и раздели всю компанию Арнольда. Тут наш герой решил применить испытанный метод: пытаясь «задавить» противников «базаром», он назвал фамилию одного из «крестных отцов» города. Реакция была привычная: незнакомцы замолчали и, со значением переглянувшись, ушли. Правда, одежду почему-то не отдали.

Через несколько дней наш юный «шпиль» неожиданно ока-

зался в салоне «девятки» в окружении четырех внушительных молодых. Его вывели на окраину и немного «обработали», объяснив: Сам, упомянутый Арнольдом в прошлом разговоре, польщен вниманием. Но имя Его не следует поминать всуе — за ссылку надо платить. Принимая во внимание возраст провинившегося, Он готов ограничиться чисто символической суммой в пятьсот рублей. Более того, на выплату отводится целых две недели. Причем, дается право уже легально прикрываться Его именем, что дает широчайшие возможности для заработка. Если же поставленные условия не будут выполнены, Он будет недоволен, и тогда мальчику придется «поддержаться за древо».

...Долг Арнольд выплатил, но мутное ощущение бессилия и страха долго не оставляло его. Ведь известно: из того, кто однажды заплатил, будут сосать монету снова и снова.

Стихов Арнольд больше не пишет, культуризм заброшен. В школу идти стыдно, да и страшно. Но... не попробовать ли возместить материальные и моральные потери, воспользовавшись купленным именем?

Бывший поэт натягивает взятый напрокат «адидас» и бредет в парк. Так что не удивляйтесь, если встретите.

Илья Плямоватый,
г. Свердловск

Словарь для непосвященных

ОРЛАН — самоуверенный человек с вызывающей манерой поведения.

КРУТОЙ МЭН — то же, что «орлан», но, как правило, имеет основания «орланить», «королить».

«ДЕВЯТКА» — популярная модель автомобиля «Жигули».

ПРОПИСКА — ритуал принятия новичка, проверка, чего он стоит, часто связанная с унижением.

ТУЧА — здесь: «черный рынок».

БЕСПРЕДЕЛ — нарушение общепринятых в уголовной среде правил.

«БОИНГ», «АДИДАС» — названия фирменной западной одежды.

ШПИЛЬ — профессиональный карточный игрок.

ПОДЕРЖАТЬСЯ ЗА ДРЕВО — подвергнуться физическому унижению — мужеложству.

ОБОРОТКА — неожиданный

поворот событий, «неустойка за беспредел».

Я ушел из дома...

Я ушел из дома. Не было ни криков, ни визгов, ничего такого не было. Просто в один прекрасный день я понял, что дом мне надоел, как в песне: «Стены в обоях дышать не дают...»

С детства нас учили, точнее, планомерно вдалбливали, мол, свобода — это осознанная необходимость... Но это неправда, неправда, люди! Свобода — это единственно возможный вариант существования разума. Без свободы человек не может жить, иначе зачем человеку дан разум, если он не может им воспользоваться?

Нас учили, что вот до 18 лет сиди и слушайся, а потом еще успеешь... То многоточие включает в себя множество совершенно нормальных, присущих человеку черт и желаний, воспринимаемых родителями как аморальные и безразличные. Но родители забывают, что наше поколение другое, совсем другое. Свобода для нас — это не только прогулки с девушками, не только дружеские вечера допоздна. Свобода — это прежде всего право на самоопределение каждого человека. Пусть даже самый маленький малыш имеет право выбирать себе пеленки, в которых он будет спать. Сначала он будет следовать инстинкту, потом разуму. Пусть молодой человек имеет право выбирать место работы или учебы, сферу своих увлечений, сам распоряжаться своими финансами и т. д. Если он не может сделать такого выбора в 13-14 лет, то грош ему цена.

К сожалению, на протяжении многих лет в нашем государстве каждому со школьной скамьи внушалось, что высшая обязанность гражданина Страны Советов — быть полезным нашей Компартии, нашему «великому» народу. Только сейчас понятно, что это совсем не так. Конечно, нужно приносить пользу окружающим тебя, но при этом важно остаться самим собой. Только оставаясь самим собой, ты можешь помочь другим...

А началось все просто: ...я ушел из дома. Не было ни криков, ни визгов, ничего такого не было.

Михаил Гуревич,
г. Москва

ПАРАПЕТ

Корреспонденты «МС» посетили среднюю школу № 90, где недавно состоялись выборы в школьный совет. Нам нужно было выяснить, каковы же правила «игры в демократию» со стороны учителей и со стороны школьников и насколько духовно сблизились в общей работе те и другие.

Попытка узнать имя председателя совета ни к чему не привела. Ни члены администрации, в лице двух завучей и организатора, ни школьники не смогли дать вразумительный ответ. Большинство ребят вообще не знают назначение совета, не чувствуют его работы и, честно говоря, не хотят, чтобы подобные новшества изменяли тихую, спокойную жизнь школы. А для того, чтобы совет работал в полную силу, инициатива должна идти, естественно, от школьников. В данном случае у штурвала встала организатор внеклассной и внешкольной работы Бывальцева Наталья Алексеевна:

— Мы, администрация, чувствуем, что такой совет нам нужен. Есть много вопросов, которые надо вместе решать.

Теперь спросим у 8 и 10 классов, почему же не действует школьный парламент.

— Да он никому не нужен!.. (Настоящий плюрализм мнений!)

— Вы считаете, что он нецелесообразен?

— Ну, если взяться за дело...

— А почему ваши активисты-школьники не могут взяться? (Молчание...).

— Вы, что, расписываетесь в своей беспомощности?

(Молчание...)

— Молчание — знак согласия?

(Молчание...)

Что ж, все понятно, кроме заключительных слов главного организатора этой затеи — Бывальцевой Н. А.

Корр.: Почему же провалилась ваша затея и ни к чему не удалось прийти?

Н. А.: А разве мы должны были куда-то прийти? Это был ЭКСПЕРИМЕНТ. Я вот сейчас засучу рукава и снова начну работать...

Может, она права?.. Или, может быть, хватит экспериментировать, дорогие товарищи взрослые? Тем более, над детьми,...

Александр и Мария
МАЧУГОВСКИЕ

Кто-то занимается заморским бейсболом, мечтая выехать на соревнования Туда и остаться Там; кто-то увлекается элитарной игрой в теннис на кортах на Кропоткинской набережной; кто-то «болен» туризмом и выкачивает из себя интеллект, заменяя его мышечной массой за счет протеина. Фарцовка — это тоже спорт...

Тема несанкционирования торговли с заезжими иностранцами и процветающей на этой почве спекуляции одеждой, валютой, техникой хотя и муссируется постоянно, но при нынешнем положении вещей вряд ли будет исчерпана.

Этот материал — плод неоднократных наблюдений и беседы с тремя молодыми людьми, которые уже завоевали себе место на «парапете».

Ни Алексей, ни Игорь, ни Андрей (имена моих собеседников настоящие) себя к фарцовщикам не относят, но никто из них «здоровеньким» от монашеского воздержания поминать не собирается. Вот и приходится им регулярно поддерживать связь с московским «клубом юных бизнесменов», поэтому они прекрасно осведомлены о том, как стряпаются дела на «денежной кухне».

Мы собрались у Алексея на квартире во время очередного «пати» (вечеринки). Обстановка «флэта» весьма ординарная, кроме, быть может, читаемой ее хозяином литературы: на его письменном столе лежали «Судебная психиатрия» и УК РСФСР.

Алексей: Не удивляйся. «Врага» надо знать в лицо, чтобы с ним бороться. Ведь сейчас каждый из нас находится в конфликте с УК. Мальчики уже в 3—5 классе бегают к Андрониковскому монастырю, к «Спейсу» (гостиница «Космос»), на Коломенскую, кто-то умудряется ездить в Суздаль, чтобы обменивать у иностранцев мелочевку с советской символикой на западный ширпотреб. Возьмем «Рашку» (гостиница «Россия»), собор Василия Блаженного, Арбат. Если там появляется группа иностранцев, то навстречу обычно выскакивает худож-

ник. Хочу сказать, что большинство вернисажей — это лишь прикрытие для скупки, продажи валюты и вещей.

Кроме малолеток, орудуют и ребята постарше (до 20 лет), которые скупают «кишки», то бишь шмотки. Например, накачивает такой в «Спейс», платит дежурному и швейцару по четвертному, и ему сообщают, где поселилась вновь прибывшая группа иностранцев. Фарцовщик двигается к номерам, захватив с собой связку часов «Командирские», «Штурманские», солдатское обмундирование, и сдает их за доллары. Хотя преимущественно берет вещами. Ведь купленные за 50 рублей кроссовки «Reebok» («Nike, New Baloons») впоследствии могут быть проданы по куску (1.000). Цены на джинсы взвинчивают до пятисот рублей, а на модельные «Valentino» как минимум до 700.

Совковая молодежь сегодня ориентирована на то, чтобы делать деньги. Средняя зарплата советского трудящегося — для нас эталон средств на один день.

— Интересно, какова же иерархическая структура задействованных в бизнесе?

Андрей: В самом низу стоят «гамщики» («gum» — жевательная резинка). Это совсем дети (от 9 до 14 лет), с которых никто ничего не требует. Они делают деньги на мороженое, выменивая всякий примитив.

Далее идут «утюги» (их действия напоминают движения утюга: ходят туда-сюда изо дня в день возле какой-нибудь гостиницы!). Их задача — «бомбить фирму», скупать шмотки. Утюгам уже приходится делиться частью нажитого капитала с «кидалами» (телохранителями).

Более могущественная каста — валютчики. Часть их доходов также идет на оплату системы личной безопасности, часть перекадывается в карманы милиции, которая обеспечивает порядок во время работы и «гамщикам», и «утюгам», и «валютчикам». Часто фарца сотрудничает с проститутками, мошенниками, ворьем. К тем же, кто сверху регулирует действия этой массы, применяют термин «коррупцированные элементы», или попросту боссы мафии.

— Система достаточно сложная. Но если я все же захочу в нее внедриться, что потребуется?

Алексей: Если есть хватка и желание, это не составит труда. Подойди вечером к какому-нибудь центральному кафе, предложи сделку, разговоришься, и тебя, скорее всего, завербуют. Да на любой дискотеке увидишь этих ребят в подсушенных джинсах, высоких кроссовках, в ярких майках с надписью типа «Sex bitch» или «Crazy House», в бейсболках.

У начинающих всегда возникает одна трудность — приобретение «прописки». Стоит она в среднем 50 рублей с носа ежедневно. Ты платишь тому, кто контролирует ситуацию на тусовке. Так, например, выплачивая боссам с Арбата по 100 рублей в день, ты почти обезопасишь себя от налетов конкурирующих контор, кидал-лимитчиков типа казанских и люберецких. Плюс ребята из пятого отделения милиции, следящие за соблюдением правопорядка на Арбате, тебя не тронут. Ты ведь официально прописан.

Андрей: Кстати, о кидалах. Арбат — сборище кидал всех мастей: и гопников из Казани, и любителей, и трясунов... Но это все лимитчики. Местными же здесь считаются «сладкие быки». Это команда здоровых, накаченных ребят, которые нажимаются к кому-нибудь только для того, чтобы ежедневно иметь возможность подраться. Они ни над чем не задумываются, им даже иногда не платят. Единственное удовольствие для

них — разmozжить кому-нибудь голову.

— Какими способами можно растрясать заезжего клиента? Как сами иностранцы относятся к подобному бизнесу?

Алексей: Поляки и югославы только рады, так как сами живут впроголодь. «Западники» в большинстве своем презрительны и брезгливы. Да и потом, в Москве фирмы часто обворовывают, обманывают: вместо советских рублей подсовывают болгарские левы, старые русские деньги.

Игорь: Как правило, фарца становится либо валютчиком, либо уголовником по 144 и 146. Был такой случай. Мой знакомый сначала утюжил, потом подался в кидалы. Когда тряс одного человека, ранил его ножом. Последний накатал заявку. Тогда кидала пришел в больницу и дорезал свою жертву. Конечно, поехал по 102-й и 144-й лет на восемь.

Андрей: Хотя утюжить и разводить на дружбу (знакомиться) с иностранцами УК не запрещает, загреметь очень легко. Но почему, когда я, попадая в отделение, требую адвоката, надо мной смеются и «опускают почки»?! Почему показания из меня выбивают с помощью электрошока?! В США пятая поправка к конституции запрещает давать показания против себя, а у нас следствие только этим и занимается. Почему меня избивают в милиции, мортят голодом, не выяснив, виноват ли я?! Хотя, если заплатишь, тебе все оформят и выпустят.

Алексей: Жизнь фарцовщика слишком монотонна и однообразна. Все, к чему мы стремимся, — доказать свое превосходство. И деньги — это лишь средство для самоутверждения. Их добыча — своеобразный спорт. Я знаю людей, которые «заработанную» сторублевку просто сжигают или отдают таксисту, когда на счетчике трешка. Человек уже получил удовлетворение от того, что их заработал.

Андрей: Меня не унижает то, что я, гражданин авторитарного государства, занимаюсь мерзостью, именуемой фарцовкой... Я уже привык, мне моя жизнь нравится.

Игорь: Как правило, у всех утюгов одно желание — смотреть в Америку. Здесь наша участь — влачить существование. Что до меня, то я наживусь и уеду. Я хочу почувствовать себя человеком, что невозможно в Стране Советов. Я не хочу

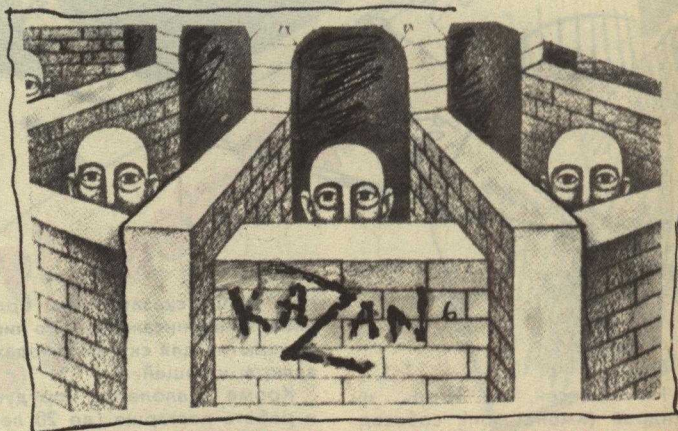
иметь советский комплекс и стереотипы. Мой девиз: «Где хорошо, там и Родина».

Прошло часа три, в течение которых меня не покидало ощущение того, что за окном моросит омерзительный осенний дождь. Странно, но, уезжая, я не заметил на асфальте ни единой лужи. Сравнение неуместно, но все эти «бизнесмены» настолько отравительны и гадки, что напоминают скользкую осеннюю слякоть. Они не уби-

вают своими руками, потому что, в отличие от казанских голеников, «интеллигентны» и «культурны». Но именно они, будущие маклеры и менеджеры, потом возглавят безумствующие толпы маниакальных подростков.

ПАРАПЕТ — невысокая сплошная стенка, проходящая по краю крыши, вдоль набережной, моста в качестве ограждения...

Андрей КРАСНОВ

ЗАБАВЫ МОЛОДЫХ

Казань... Ее группировки заявили о себе уже давно. Слухи о массовых драках, беспорядках разносился далеко. Об этом «резвонило» радио, на этом делали свои сенсации газеты, ну, и, конечно, не последнее слово было за ТВ. Но вскоре приток информации прекратился. Можно было предположить, что всему пришел конец... Но не верилось, что все так тихо кончилось.

Мне, можно сказать, повезло, когда я встретил парня из Казани. И, не желая упускать момент, я попросил его рассказать о нынешней обстановке в столице Татарии. (Мой собеседник просил не называть его имени, и, я думаю, вы поймете, почему...).

— Какие молодежные социальные явления характерны для Казани?

— Происходит деление между районами, в результате чего город сотрясают драки между различными группировками.

— Расскажи немного об этих группировках.

— В группировки входят школьники, начиная с четвертого класса и кончая студентами. Но, в основном, это ребята из ПТУ. У них есть лидеры, как правило, это взрослые люди. Они непосредственно в драках не участвуют. Я вам могу поведать, чем пользуются ребята в этих драках. Например, применяются наполненные порохом или серой газовые баллончики. К ним привязываются специальные крючки и, когда их кидают, они прицепляются к одежде, взрываясь уже непосредственно на теле. Еще они собирают различные железные предметы: арматуру, стальные шарики, напильники из стальных брусков кубики и всем этим добром кидаются.

— Были смертные случаи?

— Были, и неоднократно. Както ребята из Казани, группировщики, приехали в город Артемьевск. Там завязалась драка. Наши ребята стали якобы убежать, за ними побежали местные. Когда казанцы отбежали на сотню метров, они остановились и забросали своих пре-

следователей шарами. В результате — 6 человек умерли сразу, а несколько скончалось в больнице.

— Девушки входят в группировки?

— Да, в группировках наравне с ребятами есть и девушки. Их примерно 1/3, т. е. сравнительно большой контингент. В драках они принимают прямое участие, дерутся как между собой, так и с парнями, кидая ту же самую арматуру, шарiki и все остальное.

— А что надо сделать, чтобы вступить или выйти из группировки?

— Для вступающих в группировку у них есть «испытание». Парня ставят в круг и начинают бить. Если он упал или заплакал, то его не берут. Выйти из группировки намного сложнее. Если ушел «втихомолку», то тебя каждый день ловят и бьют. Если же ты хочешь уйти в открытую, тебя избивают, но тут же забывают о твоём существовании.

— А что делают с пленными из другой группировки?

— В плен они не берут, разбираются сразу, на месте: избивают, буквально ломают череп.

— Садизм практикуется в этих группировках?

— Не во всех. Была такая группировка «деруны», которая ловила ребят из других группировок. Их раздевали и проводили по спине железной гробенкой из трех зубьев, сдирая при этом кожу, калеча. Иногда ребята не выдерживали этого и... Но эта группировка быстро прекратила свое существование, милиция сразу вышла на нее.

— Были ли случаи избиения местных жителей?

— Да. В некоторых группировках практикуются такие вещи, как утренняя и вечерняя пробежки. Они собирают толпу ребят и бегут по другому району. Кого они встречают на улице, того просто избивают или на ходу бьют «клюшками», арматурой.

— А как милиция реагирует на это?

— Милиция равнодушно относится к этому, потому что это уже настолько привычно... И пока их не позовут, они сами не подойдут. И только женщины, и то не всегда, вступаются за ребят.

— Много ребят привлекается к уголовной ответственности?

— Привлекаются к ответственности многие, но большин-

ство отделяются условным наказанием. Их, как правило, привлекают по статьям: разбой, изнасилование, групповое хулиганство и т. п., а за участие в такой группировке они никакой ответственности не несут. И здесь, по-моему, надо, не откладывая, ужесточить закон по этим явлениям.

— Есть ли национальная окраска у этих драк между группами?

— Нет. Ведь в тех же самых группировках есть и татары, и русские, и никакого деления не наблюдается.

— А каковы, на твой взгляд, причины этих драк?

— По-моему, ребятам нечем заняться, потому что многие по отдельности — это хорошие люди, но в группировке, когда нечего делать, у них срывается стадное чувство. И тогда они теряют над собой контроль. И потом, среди группировок сильно развита торговля наркотиками...

— То есть, большинство драк учиняется не на трезвую голову, а в состоянии алкогольного или наркотического опьянения?

— Да. Примеров тому множество. В прошлом году шестнадцатилетнего парня Олега Михайлова пьяные ребята сначала ударили палкой по голове, потом били ногами до тех пор, пока он не потерял сознание, и полуживого закопали...

— Тебе не страшно жить в этом городе?

— Вы знаете, мы уже ко всему привыкли и относимся к этому как-то по-иному, спокойнее, что ли...

— Как все это можно искоренить?

— Предложить что-нибудь реальное, к сожалению, не могу. Не знаю... Да и вообще в Казани этот вопрос никто не может пока разрешить...

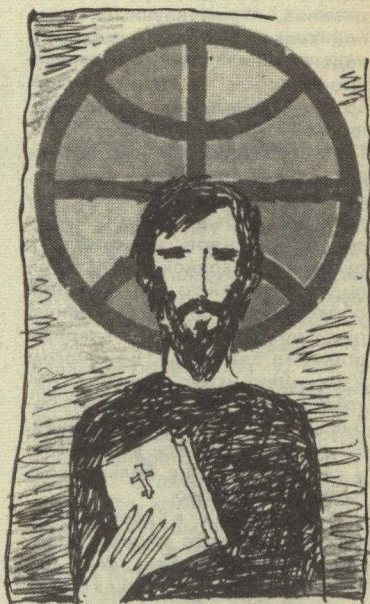
Снова все беспомощно разводятся руками. Но ведь это началось не вчера, не месяц назад, это продолжается уже более десяти лет. Где вы были тогда? Нельзя же вечно допускать одни и те же ошибки.

Люди уже стали считать существование группировок за норму. А что будет еще через пять лет? У каждого в кармане будет оружие, и это тоже будет привычным?! В некоторых городах группировки сейчас только появляются, и если им не помешать, то они повторяют историю Казани...

Сколько ты будешь еще хлад-

нокровно сидеть сложа руки и наблюдать? Пока они не поступчат в твою дверь?..

Алексей ЛЫТНЕВ

**ДОБРОТА
СПАСЕТ!
МИР!**

Доброта спасет мир!

«...Человек покушается на жизнь другого человека оттого, что в его душе нет мира».

Может быть, кому-то и покажется странным, что мы отправились искать ответ о причинах подростковой преступности в дом священника. Беда-то ведь общая, и преодолеть ее можно только в том случае, если все общество того захочет. А церковь на Руси всегда была составной частью общества. Вот почему в традиционной рубрике «Наш собеседник» мы предоставляем возможность отцу Артемию (в миру Артему Владимировичу), преподавателю Духовной академии в Троице-Сергиевой лавре, поразмышлять вместе с нами о причинах роста преступности среди молодежи, о путях преодоления этого явления.

Дорога в храм

Я родился и вырос в семье московских интеллигентов. За-

кончил специальную английскую школу. Затем после некоторых колебаний поступил на филологический факультет МГУ. Прочувшись несколько лет на английском отделении, по велению сердца перешел на русское отделение. Моим научным руководителем в области славяноведения был один из лучших профессоров — Никита Ильич Толстой, академик, этнограф, прямой потомок графа Л. Н. Толстого. Переход мой на русскую кафедру был, конечно, обусловлен и внутренними духовными убеждениями. Мое сердце по мере знакомства с русской духовной культурой ощутило какой-то зов, желание обрести внутреннюю духовную платформу. Тогда я впервые прочитал Евангелие. Во многом изменению моего сознания способствовала кончина моей бабушки, которая была верующей. Я не мог поверить в небытие, и сердце мое еще больше возлюбилло ушедшую.

И вот тогда я впервые по собственной воле вошел в храм. Моя первая исповедь. Мне посчастливилось встретиться с мудрым, добрым пастырем, который помог мне раскрыть мою болящую совесть, духовные болезни. И я понял, что каюсь не перед человеком, а перед Богом. Я осознал, почувствовал себя верующим человеком, христианином. Я окончил университет, стал учителем средней школы, преподавал русский язык и литературу. Общение со школьниками мне много дало как педагогу, утвердило меня в моих наблюдениях за душой человеческой. Я был верующим педагогом, хотя это был застойный период. Я не мог принимать все тогдашние методические установки, обязательные для учителя. Преподавал литературу так, как велела мне совесть. Затем был приглашен в Духовную академию, где преподаю языки уже четвертый год. И здесь осуществились все мои помыслы как педагога. Ибо попал я в совершенно другую обстановку: никакого управления сверху, ты сам волен избирать стезю преподавания, сам должен найти ключ к своей дисциплине. Через два года я был посвящен в дьяконы, а спустя пять месяцев был рукоположен в священники, т. е. стал учителем и пастырем...

Преступление и наказание

В каждой стране есть свои законы, есть целая система за-

конов, многие из которых имеют вековые традиции. И существует внутренний нравственный закон, заложенный в нашей совести. Он и отличает человека от обезьяны. Ибо во мне совесть говорит: добро, зло, можно, нельзя...

Так вот, законы государственных должны отражать тот, нравственный. Человек должен жить по законам совести. Но человек — существо непостоянное, потеряв чистоту сердечную, может и не распознать закон нравственный, в него заложенный.

Издравле люди жили по законам нравственным, по тем законам, который даровал им Бог. Вспомните законы Моисея (10 заповедей), среди которых заповедь восьмая говорит «не прелюбодействуй», а шестая — «не убий». Запрещается убийство по произволу, по чувству личной обиды, кровной мести. Закон, с детства внедряемый отцом или матерью, действительно служит тем основным фундаментом, на котором строится вся последующая жизнь не только человека, но и всего общества.

Я часто размышлял: почему растет преступность, человек поднимает руку на человека, увеличивается число жестоких убийств и изнасилований. Раздумывая над этим, я как христианин и священник нашел для себя ответ на этот вопрос: **ДУША ЧЕЛОВЕКА НЕ МОЖЕТ СУЩЕСТВОВАТЬ В НРАВСТВЕННОМ ВАКУУМЕ.**

Если совесть подростка, его сердце не были священы, если он не усвоил для себя, что значит жить по законам добра, мужества, веры и любви, он может встать на путь не истинный, ложный. Ибо души современных подростков не утверждены на этом абсолютно нравственном законе.

И вот что я замечаю: чем больше комфорта и сытости, тем, как ни странно, преступления, совершаемые этими «благополучными» детьми, все изощреннее по своей жестокости. Значит, душа их находится в духовном голоде. Начало эгоизма подавит начало жертвенной любви; такая душа будет жить по закону: «что хочу, то и ворочу», «хорошо то, что мне приятно», «плохо то, что мне неприятно», «плохо то, что мне доставляет неудовольствие».

И если не остановит его Бог через болезнь или карающую руку правосудия, он может преступить ту черту, о которой в

свое время писал Солженицин, изучая природу лагерных начальников.

Есть некая черта нравственная, которую человек до поры до времени преступить не может. Перейти эту черту — значит погубить самого себя. За этой чертой начинается самораспад, садизм, изуверство, терзается страх, совесть, человек превращается в манкурта, существо без памяти, без прошлого...

Что хранит тайна исповеди!

Священник хранит тайну исповеди. Ни под каким видом не может он разгласить услышанное, ибо говорит кающаяся совесть.

Вот случай, который надолго останется в моей памяти.

В храм вбежал человек. Был он на костылях, без стопы, такого грубоватого вида. Самое удивительное — его глаза, безумные, полные боли. Он бросил костыли на пол, рухнул и на весь храм закричал:

— Святой отец! Прими покаяние! Отпусти грехи!

— Что случилось?

— Они мне снятся, я больше не могу спать!!!

Я сразу как-то понял, что этот парень прошел Афганистан. Так оно и было. Получив боевое задание, этот юноша убил 50 человек, среди которых были и старики, и дети. Он просто уничтожил один аул. И вот совесть, тот нравственный закон, который в нас заложен, его не простила, она казнила его. Совесть выше любых человеческих законов, она судит не как люди... И он покался, покался и ушел из храма смиренным. Больше я его никогда не видел.

Послесловие

Я слушал отца Артемия и думал: что-то нас объединяет. И вдруг осознал — вера. Только отец Артемий верит в Бога, а я — в Человека, силу его доброты. Доброта человеческая не исчезает и не пропадает, она словно пропитывает все общество. Она живет вечно во времени и пространстве. Можно убить человека, но разве можно сломить его дух, убить мысль, рожденную им! В нас сегодняшних продолжает жить добрый дух наших предков. Только порою спрятан он под толстым слоем кожи, который невозможно ничем пробить. Вот по-

тому-то и молчит совесть, молчит сердце.

В одном из последних фильмов Кончаловского девушка, обращаясь к главному герою, говорит:

— Ты зверь!

— Нет, я хуже, — отвечает он, — я не зверь, я человек.

Это страшно. А корень этого... В бешеной гонке за благами жизни мы оторвались от своих корней, растеряли нашу духовность, заставили замолчать со-

весть, заковав ее в непробиваемый панцирь безразличия. Мы слушаем, но не слышим.

Мы лишили себя главного — чувства сострадания, любви к ближнему, мы лишили себя прочной человеческой доброты.

Тернист путь возвращения к истине. Но мы должны пройти его, ибо только доброта спасет мир.

Подготовил
Сергей ГОГОЛЕВ

Маленькое предисловие...

Мы путешествовали по Крыму. После того, как в Симферополе водитель автобуса любезно попросил «освободить задний проход», мы поняли, что ребята здесь с юмором, и решили вести эти записи... 17.08.89. Судак.

Самым любимым лакомством на протяжении всего похода для нас оставались блинчики с различными добавками: варенье, масло, сгущенка, сметана и т. д. И мы очень обрадовались, узнав, что следующим по плану этапом на нашем пути — блинная. Подчиняясь желаниям наших желудков — крупно натрескаться, мы встали в очередь. Я о чем-то задумался. «Молодой человек! Сколько вам?» — этот голос вывел меня из оцепенения. «Пять с повидлом!» После первого блинчика я почувствовал, что умру, если не съем второй. После второго — что жизнь прекрасна! После третьего — ощущение, что я давно уже ничего кроме блинчиков с повидлом не ел. После четвертого мне показалось, что блинчики хотят выйти и поговорить со мной по душам. Ну, а после

пятого я выскочил из-за стола и, держась за живот, с диким воплем кинулся из блинной...

Остается добавить только, что аналогичные ощущения испытало большинство моих товарищей.

Много уже было говорено о людской неграмотности. Вот хотя бы такой случай...

18.08.89. Алушта. Морская экскурсия в Феодосию.

Голос экскурсовода: «А теперь с правого борта перенесем свои взгляды направо (здесь и далее сохранен оригинальный стиль. — А. В.). Вы видите поселок Солнечная долина. Он так называется только потому (пауза 2 мин.), что находится на этом полуострове». Это море называется Черным, потому что оно Красное (тут он сделал паузу, по-видимому, для того, чтобы найти объяснение этому парадоксу)... что значит красивое. И вообще оно на 90% отравлено сероводородом». 22.08.89. Севастополь.

Площадка центральной городской дискотеки. Днем она отдана ребятишкам малым да старушкам набожным. Именно

поэтому на их фоне так остро социально смотрится плакат (4×2,5 м) с солдатом Чонкиным, призывающим всех бороться со СПИДом. 24.08.89. Алушта.

Трансформаторная будка. На дверях, под черепом и скрещенными костями, надпись: «Приглашаем всех в нашу сауну».

Как я хотел «обуть» и как меня «обули»

Во время путешествия по Крыму я смог убедиться, что здесь существуют такие же явления, как и в Москве. Например, игра в наперсток. И пока находятся люди, которые, как и я, способны играть в азартные игры, не веря в проигрыш, ежедневный приборок у ловких «наперсточников» никогда не иссякнет. Я решил проверить, в чем заключается отличие крымских «наперсточников» от московских. Отличия не оказалось, разве что крымчане оказались более удачливы, и мои золотые часы так и остались на теплом берегу Крыма, а сам я дал зарок не играть в азартные игры...

...Вместе с моим коллегой по перу, прогуливаясь по набережной и вкушая прохладу мороженого, мы обсуждали проблему отношения местной молодежи к приезжим. На самом интересном месте нас превали местные ребята и потребовали «как минимум» денег... Чтобы не отдать «как максимум» пришлось вместе с нашими сбережениями выложить на бочку и сумки со сгущенкой и халвой. После этого красивого жеста молодые люди смылись, унося с собой добычу. Мы тоже ушли — ошипанные, но не побежденные...

После этих приключений ребята прозвали меня «Сборщиком бед и приключений».

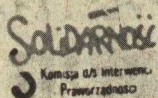
Подписываюсь новым псевдонимом:
СБОРИЩЕ БЕД И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Адрес редакции «МС»: 123458, г. Москва, ул. Таллиннская, д. 16, к. 4, СШ № 1155.

↑ ЗНАМЯ АНДЕГРАУНДА

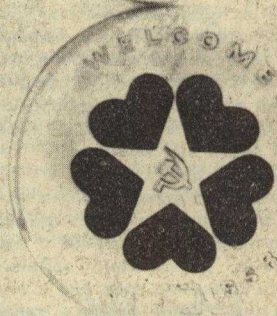
ОРГАН ТУСОВКИ ПРИ "ПАРУСЕ"

А ТЫ ЗАПИСАЛСЯ? ПУЛЬС

ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ

ХИТ-

ПАРАД

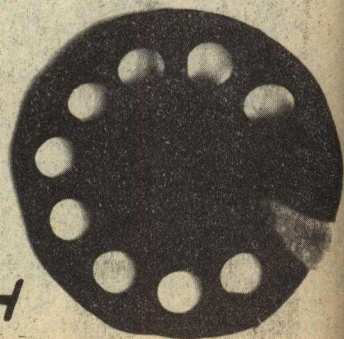
Я-ПРОТИВ

НАШ

ТЕЛЕФОН

The red SUBMARINE ★

... И НАША ЛОДКА В ПЕРИСКОПИ

ГЛЯДИТ НА ЛИЧНЫЕ НЕСЧАСТЬЯ

Ю. АРАБОВ

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГАЗЕТЕ "ЗНАМЯ АНДЕГРАУНДА"

ШИРОКА СТРАНА МОЯ...

КАЛИНИН

СЕРГЕЕВ

НАГРУДНЫЕ ЗНАЧКИ 30-х ГОДОВ. ИСТОРИЯ

В КОРАБЛЯХ

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ

ПЕРЕСТРОЙКИ В ЗНАЧКАХ

"ПОТЕМКИН" "АВРОРА"
ЛЕДОКОЛ
"ЛЕНИН"

"БРЕЖНЕВ" "НАХИМОВ"
ЗНАКОМЫЕ ЛИЦА

ОТ ЗНАЧКА ГТО- К НЕЗА- РЕГИ- СТРИРЬ- ВАННО- МУ "ПАЦИФ- КУ"

К каким только значкам не приучают нас с детства! Здесь и октябрятские, и пионерские, и «Миллион — Родине». Дело доходит до того, что дети стесняются носить их. Наверное, только в нашей стране школьники прячут членские значки за лацканами пиджаков. Молодой человек приучается к такой вот «политической конъюнктуре», когда значки достаются на свет божий в случае школьной проверки или приезда комиссии. И ведь большинству невдомек, что стыдиться носить атрибут той организации, в которой состоишь, и не стыдиться членства в ней — это, в лучшем случае, непоследовательно.

С одной стороны, на школьников дают учителя: «Напишем плохую характеристику». Тем самым заставляют вступать во всевозможные «добровольные» общества и организации. С другой стороны, попытка носить значок, действительно соответствующий взглядам молодого человека, оканчивается иногда весьма плачевно.

Если исследователи культуры андеграунда захотят собрать значки 50—80-х годов, то им лучше всего будет обратиться к милиционеру. Сколько наша доблестная милиция поснимала с доморощенных панков и хиппи значков — одному Богу известно! Можно одно сказать точно: на сотню тракторов «Беларусь» металла бы обязательно хватило. Да и общественность не дремала. Почин люберецкой молодежи поддержали юноши из других провинциальных городов. В одном случае дело кончилось так, как в сцене встречи Арлекино с хиппи (фильм «Меня зовут Арлекино»). А в другом случае так, как это описано в № 11/1989 журнала «Парус»: «Снять значок они сняли, но через неделю эти люберы лежали в крови перед «мажорным мальчиком». Такие нравы!

А ведь начиналось все довольно-таки пристойно. Победившая пролетарская революция отстраивала Россию. Первые пионеры делали значки себе сами. Ленин высказывался против возвеличивания своего имени. Но уже в конце 20-х зародилась и окрепла традиция выпуска помпезных значков: «Товарищи, да погибнет империализм!», «Товарищи! Оповестим мир о социализме», «Ударнику, выполняющему пятилет-

ку в три года!», «Колхозник — прочная опора Советской власти в деревне», «Готов к противохимической обороне», «Коллекционеры всех стран, соединяйтесь!».

Значков, связанных с движением за коммунистический труд, насчитывается более трехсот. Думается, что всякий человек, собравший эти значки, может считать свой труд коммунистическим, ибо, что ни год, страна выпускала все новые.

В конце 50-х на улицах стали появляться странные волосатые типы с не менее странными значками. Это явление осудили и начали с ним бороться как с классово чуждым.

Но помешать раскрепощению, даже в те годы, становилось все труднее и труднее. Мне рассказывали, как в средней школе старшекласник пришел на урок с четырьмя октябрятскими звездочками на груди. У учителей поотвисали челюсти.

Формы протеста у школьников всегда ограничены. Ведь пока у того отстратут остриженные под панка волосы, его успеют раз двадцать отвести в отделение милиции и столько раз родители будут вызваны в школу. Или — приходит на урок с каким-нибудь «крутым» значком: конфискация и запись в дневнике с формулировкой вроде «подвержен влиянию враждебной идеологии». Можно прийти на урок военной подготовки с вышитым на галстуке знаком пацифистов и услышать от педагога, что в былые времена за такие дела «повесили бы на этом же галстуке».

Но времена меняются. И вот уже появилось первое в истории СССР движение, для которого сразу нашлись значки, выпущенные государством. Зародилось оно в пэтэушной среде и выражалось в том, что по вечерам на улицах стали появляться молодые люди, на коротких куртках которых сияло по несколько десятков совершенно одинаковых значков с изображением «вождей». Причину такого «жеста масс» следует искать не иначе как в пролетарской сознательности. Значки с вождями — это был один из первых перестроечных дефицитов.

Нынешние кооперативы выпускают сотни наименований значков, но дальше тематического треугольника СПИД — колхоз — «Акцент» фантазия кооператоров не работает. Более изящно и тонко делаются значки в Прибалтике. (Журнал

«Парус» тоже предоставляет возможность неимущим тиздэйдерам сделать значок любимой группы).

Молодежная революция в Европе выплеснула андеграунд на улицу. Ношение одежды перестало диктоваться сословными признаками. Теперь по виду молодого человека или девушки можно сказать, не к какому сословию они принадлежат, а каково их мировоззрение, наклонности. Но приобрести значок, соответствующий личному вкусу, не так-то просто, особенно в условиях государственной монополии.

Но лучше всего сделать значок самому. Существует множество способов, и о некоторых из них я хотел бы рассказать:

1. Возьмите ровно обрезанный кусок пластмассы, аккуратно приклейте прозрачной изолентой любую картинку, вырезанную из журнала, а с обратной стороны приложите раскаленную на огне булавку — значок готов.

2. Возьмите детский круглый значок, снимите с него прозрачную крышку и замените картинку любой другой. Наденьте крышку и, при желании, вы всегда можете менять картинку. Лучше всего для этого подходят детские значки с рельефными насечками на крышках — они выглядят гораздо красивее.

3. Есть значки, где эмалированный рисунок нанесен на алюминиевую пластинку, которая вставлена в значок так же, как и в детских. Ее следует снять и вклеить внутрь любое изображение. Такие значки удобны тем, что, сняв внешний рисунок, вы получаете сразу другой значок.

4. Если у вас есть «твердый пластилин» (пластикат), то разомните его в краске любого нужного вам цвета. Теперь вы можете вылепить из него все, что пожелаете. После чего с тыльной стороны вылепленного и окрашенного значка вставьте булавку или миниатюрный значок с крепкой заколкой. Затем положите все в духовку и нагревайте на медленном огне до тех пор, пока значок не покроется капельками влаги. Если вы все сделали правильно, изделие должно затвердеть.

Имейте в виду, что самодельные значки очень часто бывают лучше, красивее и удобнее значков, выпущенных промышленным способом.

Евгений ПАВЛОВ, 10 класс,
г. Минск

965 Мне жалко тех, кто убивает время, почему зря. Ясно же, как белый день, что позже они пожалеют: ушедшего не вернуть... Вот мне в разное время предлагали дружбу двое парней. Каждый плакался, что без девушки как-то грустно и неуютно, что в личной жизни одни неудачи. А с чего им быть, удачам! Любая девушка хочет видеть рядом с собой сильного, умного человека, который много знает, в любой ситуации не упадет духом, найдет выход, поддержит, поможет морально. Просидевший без дела индеек не может быть сильным. Человек создает себя сам. А нытьем, жалобами в редакцию ничем себе не поможешь. Очень хочу, чтобы люди хорошенько об этом задумались, прежде чем сесть за письмо...

Таня, 17 лет,
г. Мурманск

966 Красив, неглуп, увлекаюсь рисованием, музыкой, историей и литературой — все стороны развиты, как сейчас принято говорить. Тем не менее, у меня неприятности из-за... имени! Я — Кеша. Провожал как-то девушку, договорились встретиться у кинотеатра, а когда встретились, она узнала, как меня зовут. Фыркнула и ушла, а я со своим именем остался. Друзья при мне напевают про Кешу-фарцовщика. Учителя издеваются, называют Кешечкой [прямо как кот!!!]. Недавно один товарищ изрек, что когда-то меня будут дети, их станут называть Кешковичи. Хотя я и знаю, что это не так, все равно обидно. Я же не виноват, что моей маме понравилось такое неприятное имя. Если вам оно не противно — пишите. Не может ведь быть

такого, чтобы дружили с именем, а не с человеком.
Кеша, 16 лет,
Мурманская область

967 Везде: в лагере, в школе, на дискотеке — общаются! Скажете, что это мелочи, надо быть выше, внимания не обращать. Так не выходит! И не ангелы с крылышками, и нервы мои не железные, да и натерпелась за свои пятнадцать лет! На кого ни взгляну — в ответ: «Чего плишься, рыжая!» Дался всем этот цвет волос! Мама говорит: «Ты индивидуальна, ты неповторима, я бы на твоём месте только радовалась». В её возрасте я бы тоже только радовалась. А зачем мне эта индивидуальность, если я с ней не могу жить спокойно, как все люди!! Хотела перекраситься, так мои волосы ни одна краска не берет. Почему же меня в таком случае не считают человеком! Чем я хуже других, не рыжих, с которыми и мальчики дружат, и все у них хорошо! Ну чем!

Юлька,
Тюменская область

968 Из моих друзей никто не знаком с богословской литературой, мои рассказы из Священной истории поэтому всем любимы. Слушают с интересом, но меня воспринимают, я это чувствую, всего только как сказочника. Духовные потребности мои этим не удовлетворены. Некоторые говорят, что я легко вызываю симпатию, умею произвести впечатление. Может быть. Но этого мне мало. Стою на распутье: поступать или не поступать в духовную семинарию! Стать священнослужителем мечтаю уже давно. Но когда говорю об этом, встречаю насмешки, либо гнев и возмущение: «Чего, мол, тебе не хватает!». Даже грозят: «Смотри, свернется перестройка, поплачешь тогда...»

Скрываю свою мечту и от этого мучаюсь. Нет, я не неудачник, я счастлив. Но мне не хватает раскрепощенности и друзей, которые приняли бы во мне участие и могли бы дать дельный совет.

Иван М., 18 лет,
Гродненская область

969 Самое главное в моей жизни — мотоциклы. От скорости, риска дух захватывает! Занималась мотоспортом, участвовала в соревнованиях. Не прочь бы носиться по ночам. Романтика! Жаль только, что это неосуществимо. Подруги шарахаются от меня — им бы только потреться о модах. Я тоже, допустим, понимаю в них толк, но разве можно долго выносить шумные разговоры: где что достать! как! почему! А парни говорят, что я — «смертничка», и стараются переключить мое внимание на другие занятия. Опекают и оберегают [неизвестно только от чего]. Да не нуждаюсь я в их защите — сама за любого заступиться могу! Общительная. Много хороших знакомых, а друзей настоящих почти нет. Люблю турпоходы, современную музыку, ламбаду и рок-н-ролл. Жду ваших писем, рокеры!

Марина, 19 лет,
Брестская область

ИНТЕР-ПЕРЕПИСКА

970 Живу далеко от вас, в Японии. Меня зовут Куоко Канамари, 18 лет [день рождения 15 февраля]. Хобби: музыка, кино, книги, танцы, велоспорт и т. д. Мечтаю переписываться с советскими сверстниками на английском языке.

Kuoko Kanamari,
192-47 Yagioka,
Moka-shi, Tochigi,
321-43 Japan.

ДОСКА ОБЪЯВЛЕНИЙ

971 У нас по инициативе городской федерации парусного спорта создан оргкомитет для подготовки кругосветного путешествия на яхте. Оно будет посвящено первой русской кругосветной экспедиции И. Ф. Крузенштерна и 250-летию нашего города. Плавание рассчитано на 444 дня, ориентировочно его начало — весна-лето 1991 года. Яхта двухмачтовая, экипаж 7-8 человек. Хотелось бы обсудить с читателями идеи и предложения, связанные с плаванием, и по возможности найти спонсоров. Расчетный счет 700161 областного управления Жилсоцбанка города Петропавловск-Камчат-

ский. А письма присылайте по адресу: 688015, г. Петропавловск-Камчатский, Петропавловское шоссе, 41, Парусный центр, председатель оргкомитета

972 Заинтересовался графическими возможностями компьютера. Всем, кто знает и любит «БК-0010-01», готов предложить сотрудничество. Чем смогу помогу тем, кто только начал осваивать БЕИСИК-БК. Прошу вместе с письмом прислать для ответа чистый конверт.

Алексей Ярославцев,
270119, г. Одесса, пр.
Г. Димитрова, д. 34, кв. 47

973 Фортепьянный джазовый дуэт ищет молодого композитора для творческого сотрудничества.

620147, г. Свердловск,
а я 222, «Этида»

974 Я — рокер, и это навсегда. Слушать рок — мало, работаю сам: пишу тексты, музыку, знаю нотную грамоту, пою, играю на гитаре.

Стучатся горошины времени, трутся. В галлюцинациях прошлое мнится... В дистанции плаца, в сцеплении шлица — Успеть оглянуться и, может, вернуться. За glance взглядеться. Припомнить, что снится. Сейчас безразлично, что длится, что куце... А что до цены... Ведь бесценно лишь Солнце, А скван с зарницей — придется светиться... Есть материал для тематического блокового магнитофона. Нужны инструменты и люди.

Вис Виталис, 20 лет,
127591, г. Москва,
ул. Дубинская, 42-1-78

975 Семь лет разыскиваю пластинку Евгения Бачурина. Помню только первые строчки записанных на ней песен: «Сизый леги, голубок, в небо лети голубое...», «Камешком по бережку, ножкой босой по песку...», «Ты ходи, волна, гуляй, через небо, через край...», «Разве нет такой беседы, разве нет таких бесед...». Очень нужны тексты песен, а еще

лучше — записи. Ответьте, кто может помочь.

Андрей Жигулин,
141240, Московская область, Пушкинский район, пос. Мамонтовская, ул. Рабочая, д. 12«а»

976 Жду писем от тех, кто увлекается выращиванием грибов в домашних условиях.

Виталий Молокоедов,
270060, МССР, г. Кишинев, бульвар Советской Армии, д. 19/3, кв. 49

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ БЮРО «ВОЗВРАЩАЙСЯ»

977 Ко мне сейчас как нельзя больше подходит послонья:

«Что имеем — не храним, потерявши — плачем». Помогите мне разыскать любимого человека! Мы познакомилась с Олегом в доме отдыха на Иссы-Куле. Я впервые видела такого парня: он прекрасно разбирается в литературе, искусстве, истории, химии и медицине. Читал стихи. Говорил, что знает меня не три дня, а три года, что мы должны будем когда-нибудь быть вместе. Но мне, дура, показалось, что он слишком несомнительный, неподный: не любит и не понимает рок-музыку, и меня это раздражало... Мы расстались. Той же осенью стала встречаться с парнем, который служил в моем городе. Он полная противоположность Олегу, на него обращают внимание девочки. Обещал, что отслужит и увезет меня к себе, на Украину. А я почему-то все чаще вспоминаю Олега. Вдруг поняла, что с ним можно было бы — хоть на необитаемый остров. Только с ним! Посылала запрос и в Иваново, где он учился, и во Фрунзе, где раньше жил, но среди прописанных там Исав Олег В. [!] 25.02.65 г., русский, неполное техническое образование — не значится. Может, кто-нибудь знает о нем, подскажите мне, где искать. Света Щербакова

О ЧЕМ РЕЧЬ!

Открытый ответ на письмо № 844 («Парус» № 9 за 1989 год)

978 Почти полгода назад прочла у вас жестокую отповедь Валерия Стенина на

письмо Карины из Якутии [девушку продал любимый парень за деньги другому или даже другим]. Прочла — и никак не могу успокоиться. Прости, Валера, но я не верю тебе. Не могу, а если честно, то и не хочу. Ты не так спокоен, как хочешь показать. За внешнюю злость прятается боль, которую не доверяют даже другу... А хочешь в ответ на твою исповедь — мою историю? Она — зеркальное отражение твою, хоть ни подвалов, ни таблеток в ней не будет. Будет только любовь. Да такая, что хотелось сохранить ее любым способом и навсегда. Конечно, нашлись подружки, которые подсказали, как можно привязать парня к себе покрепче. Я, конечно, боялась. Но потерять его боялась еще сильнее.

Мы сидели на скамейке в парке, и я ему предложила себя. Сама. Он посмотрел так дико, как будто мои слова жгли и били. Тем не менее, мы условились, что я приду к нему завтра... Но завтра я не пришла и никогда уже не пришла. Он тоже с тех пор ни разу не заходил ко мне. Знаешь, уже там, на скамейке, я поняла, что сломала все то, что между нами было. И что ничего уже не поправит! Если бы я могла теперь подойти к нему и сказать, чтобы он не судил по мне обо всех девочках... Если бы!

Все мы ищем своего рыцаря, своего единственного. А выходим на улицу, и что-то меняется. Для кого-то постель считается обязательным окончанием любого вечера с парнем. Кто просто так, а кто за трешку или пятерку [дешевки сплывае!]. И виноваты в этом мы сами, сами. Не нить надо, а меняться. Если себя уважаешь, то и парень никогда не предаст. Так!

А ты, Валера, забудь о своей Марине, найдет еще та, которая нужна будет только тебе, а ты — ей. Только не злись. Не злись!

Оксана, 15 лет,
г. Ростов-на-Дону

ПРОСТУДИЛСЯ — и написал

979 Да, простудился. Вчера вечером.

По сей причине сегодня вечером сижу дома, обложившись носовыми платками, и под звуки «Депеш Мод» подыхаю от скуки. Жизнь дала трещину! Хотя мне ли жаловаться!

Вот читаешь вашу рубрику — там действительно крутые обломы у людей, прямо бери веревку и шагай до первого фонарного столба. Кошмар: «Мне уже 14 лет, а я еще никого не любил»... Воистину горе для такого «преклонного» возраста и, конечно же, повод, чтобы сообщить о себе на весь свет.

Ну нельзя же быть такими нытиками, коллеги! Может смело швырнуть в меня связку булавок, если уже завтра ценой героических усилий собственного организма я не одолею свою хворь. Точно так же тот, кто до 14 лет не влюблялся, влюбится в 14 с половиной. А может, в следующий четверг или в субботу. Жизнь достаточно прекрасна и удивительна, чтобы не портить ее истеричностью.

Нет, я понимаю, иногда бывает: такое накупит, наболит... Но есть только один достойный выход — быть оптимистом, не ныть, не скулить. Все плохое проходит. Так помогайте ему проходить скорее!

Александр, 18 лет,
г. Москва

КОЛОНКА ВЕДУЩЕЙ

У вас есть захватывающее увлечение, которому посвящаете любую свободную минуту, о котором все время думаете [даже собираясь на свидание, даже в разгар дискотеки]? Если да — я вам завидую. Очень! Не потому, что коллекционеры считают чуть-чуть «зачумленными», «не от мира сего». Они, по моему, просто особенные, интересные люди. О предметах собирательства знают многочисленные подробности, умеют так здорово рассказать о своей коллекции, так показать ее, что захочется помочь в собирательстве, а то и самому начать. Вот я, например, собирала шариковые авторучки. Если видела где-нибудь такую, какой у меня еще не было, не могла успокоиться. Разложишь свое «добро» и любуешься: все ручки такие новенькие, красивенькие. А потом вдруг подумала: я просто Плюшкин! Ведь это не коллекционирование, а элементарное накопление.

Когда встречаю в почте рубрику письма коллекционеров, относясь к ним с особым интересом. Гадаю: настоящее это ув-

лечение, дающее радость нового званания, или то, что было у меня с авторучками! Думаю, мы еще поговорим на эту тему.

А пока перечислю хобби наших читателей: заварочные чайники — Марина Орлова [164628, Архангельская область, Анежский район, п. Таежных, д. 9, кв. 12], нэцке — Кристина Сара [360032, КБАССР, г. Нальчик, ул. 2-й Таманской дивизии, д. 37, кв. 113], анекдоты и страшные истории — Сергей Куренков [454113, г. Челябинск, ул. Калинина, д. 9, кв. 71], проездные билеты — Сергей Черных [630104, г. Новосибирск, ул. Нарымская, д. 25, кв. 100], куклы в национальных костюмах — Инна и Анна Ханукаевы [360017, КБАССР, г. Нальчик, ул. Ватутина, д. 27, кв. 6], пластинки современной музыки — Владимир [610008, г. Киров, ул. М. Гвардии, д. 9, кв. 82], фантики от конфет, шоколадок и жевательной резинки — Катя, Света и Аня [682215, Хабаровский край, ЕАО, Биробиджанский район, с. Дубовое], пробки от бутылок — Олег Обухов [665470, Иркутская область, г. Усолье-Сибирское, ул. Луначарского, д. 27, кв. 3], открытки и календарки — Наташа [427900, УАССР, г. Саранул, ул. Советская, д. 114, кв. 63], выращивание кактусов — Сергей [Куйбышевская область, г. Отрадный, ул. Первомайская, д. 36, кв. 60]. Надеюсь, вы еще пополните мое представление о коллекциях, а я пока поделюсь с вами маленьким секретом: у меня появилось недавно новое хобби. Коллекционирую лозунги. Мечтаю о полном собрании сочинений подобного рода. «Гордость» начинающегося коллекция — надпись на одном из мостов через Кубань: «Течет вода Кубань-реки, куда велят большевики». Может, кто-то еще подкинет подобные изюминки! Буду благодарна.

Ваша Светлана
КРАСИКОВА

Мы, как обычно, сами перешлем ваши письма тем, кто просил не печатать свой адрес и фамилию в журнале. Не забудьте указать на конверте номер понравившегося абонента и разборчиво написать свой обратный адрес с почтовым индексом — иначе кто же сумеет ответить вам!

час приема
по острым
вопросам

УРОКИ
НА КАНИКУЛАХ

Знойным предновогодним полднем мы загорали на крыше отеля «Ранджит» и воображали, как, вернувшись домой в Белоруссию, засядем за мемуары об Индии. И начнем наш нетленный труд непременно словами:

«Знойным предновогодним полднем...»

И распишем о пряных запахах специй в мареве тридцати-четырёх градусной жары, о мраморных кружевах храмов, о стройных женщинах в целомудренных сари и гранатовых зернах, что продаются в лавках драгоценностей стаканчиками, как у нас семечки, о том, что индийскому кинематографу запрещено показывать поцелуи и что каждому индийцу не заказано средь бела дня напрудить лужу у любого самого фешенбельного забора. Нам хотелось написать об удивительной Индии — стране сказок и Камасутры, об уроках красоты и экзотики, что на каждом шагу преподносит нам эта земля.

На деле вышло не так. Из

двадцати четырех хойникских и стреличевских старшеклассников — детей Чернобыля — съездивших по приглашению американского Фонда Ганди на зимние каникулы в Индию, мемуары осилила только безотказная Лена Колыхан. И началось ее сочинение словами: **«В нашей стране случилась непоправимая трагедия на Чернобыльской АЭС. От этой аварии пострадали многие районы. В одном из таких районов живу и я...»**

Больше никто не написал ни строчки. Не соблазнило даже обещание Фонда Ганди послать авторов трех лучших произведений в поездку по Штатам...

Билет до Гомеля можно взять в аэропорту прямо перед вылетом, направление, прямо скажем, не дефицитное. От Гомеля до Хойников три часа «икарусом». Терпимо, если б не попутчик — дедок, пропивший накануне в городе свои «гробовые» и зазнобины «венковые» и стenanющий всю дорогу от похмельной мутиловки и предстоящей выволочки. Старик — вдовец, зазноба — с соседнего хутора, через шоссе, рукой подать. У старика в деревне при-

лачивают за радиацию по тридцатке — «гробовые», а хуторянам выпало поменьше — им «венковые», полтора червонца. Итого — сорок пять рубликов.

— Но эти, слабодныя радикалы, из нутра вывести треба?.. — оправдывается перед призраком своей трезвенницы попутчик и жалобно икает. Ох, и влетит. Что стар, что мал, честное слово.

«В республике действуют всякие фонды — для пострадавших вообще и для переселенцев. Спустя четыре года пе-

См. «Дети Чернобыля» № 3, 1990.

репало и нам. Для детей «на покупку соков» был сделан разовый взнос — по тридцать рублей на душу. Было это перед самым Новым годом, поэтому старшеклассники на эти 30 рэ замочили праздник «соком» по 9 р. 10 к.

Игорь Рубинштейн, 11 «А» класс Краснопольской СШ

...Когда наш автобус фирмы «ТАТА» останавливался в людном месте, его облепляла толпа нищих. Были тут и хнычущие старики, искусно косящие под прокаженных, были орлиноносые, мучительно гордые женщины, тайно щиплющие изпод сари и без того ревушцы младенцев, были голые лукавые карапузы и ряженые с саблями в руках и бубенцами на сбитых школотках. Словом, профи, трехгрошовая опера. Вначале от этого всего — шок. А потом ничего, привыкли. Перестали и бояться, и жалеть. Начали было немного стыдиться, что не жалеем нищих, но наш гид, Арун, нам помог.

— Настоящий индеец лучше умрет от голода, чем пойдет просить.

Стало быть, эти — не настоящие. И вообще, знаете, есть такие люди — ты им даешь на хлеб, а они тратят на виски, напиваются вдрабадан, лупят жен, обижают маленьких, сквернословят.

Нищета неблагодарна. Чем больше подали, тем более нищим (а не богатым!) чувствует себя побирушка, тем более, значит, убог он и жалок в глазах благотворителя. Впору озлиться. А если мала милостыня, так еще хуже — голодно, и профессиональная гордость страдает. Философия нищеты. Нищета философия...

Мы никому ничего не подавали. При отъезде в Страну Сказок нам не поменяли ни рубля. Карманные деньги, выделенные Фондом Ганди — по 200 рупий на брата, — растаяли на первом же базаре. Мы не жалели изобретательных попрошайек за окном. Мы были беднее их. Это был первый урок...

В Хойникской первой школе учится добрая половина «индийцев» — Лена и Валера Колыханы, Ира Скитович, Миша Снежко, Сергей Мороз, Игорь Галезник, Люда Рева, Наташа Юферова, Аня Борисенко, Оксана Малащенко... Три класса получают задание — написать читателям «Паруса» о себе, о жизни, «индийцы» — написать о поездке. Полгода назад, помнится, 11 «А» строчил не поднимая глаз даже после звон-

ка на перемену. Сейчас за ручки берутся две-три прилежных девочки. Апатия. Два парня с парты у окна адресуют «Парусу» такие послания, каких, честное слово, не помнят и ветераны редакции.

«Я не хочу писать, потому что ваш журнал я не выпысываю, и нет никакого интереса писать. Ни вам, ни вообще». Без подписи.

«Я не хочу писать, потому что не верю вашему журналу». Без подписи.

Этим письмам вторили из соседнего класса:

«Я не верю средствам массовой информации и не верю в гарантию анонимности этого письма (а то б написал). Передо мной стоят проблемы точно такие же, как и перед всей молодежью. Если бы у нас была капстрана, то многие эти проблемы исчезли бы. Считаю, что вместо пустой болтовни о переселении жителей, пострадавших от ЧАЭС, наше правительство должно предоставлять квартиры в Минске нам, а не тем, кто бежит из других республик. Поддерживаю БНФ». Без подписи.

Кто-то из «индийцев» аккуртно выводит на листе:

«Ничего об Индии не помню. Кажется, все было так давно...»

Мы договариваемся встретиться вечером на «после восхождения», как говорят альпинисты. Не ради сочинений, а просто — пообщаться, по-вспоминать. Собираемся у Иры Скитович. Ее мама, Светлана Васильевна, директор Стреличской школы, была с нами в Индии, а сейчас уехала в Геленджик — школу всем составом забирают в Геленджик, на Черное море, на оздоровление. Мечта.

— Да ну, — хмурится Ира, — с восьми до восьми она в Стреличеве, но хоть вечерами видимся. А уедет? Мне в Индии больше всего понравилось то, что все время была с мамой.

Четвертый год ребят из зоны вывозят на оздоровление в лагерь и санатории. Выдергивают из семей, разлучают с родителями. «Бегом от радиации к неврастению» — прокомментировал знакомый врач удивительную справку о том, что все «оздоровившиеся в лагере дети из черныбыльских районов страдают нервными расстройствами разной степени»...

Словом, традиционный вопрос к путешественнику: «О чем

больше всего скучали?» в нашем случае можно было не задавать. Кроме как о родителях скучали еще:

— по младшей сестре Светке;

— по нашим песням, жалко, что не взяла с собой маг;

— по колбасе, по супу «неженатому», по салу!

(Наконец, мы придумали — об Индии расскажем по древней восточной системе «алаверды» — тост вкруговую).

Попробуй десять дней не есть мяса, питаться только переперченными овощами, фруктами и мороженым. Ни щец тебе, ни глазунья, ни даже бульона с фрикадельками. А в индийском штате Гуджрат так живут почти сто лет. И без спиртного тоже. Пьюэр веджетерианс — абсолютное вегетарианство! Оно стало в Гуджрате национальной традицией. В столице есть памятник художому старику с посохом — Махатме Ганди, но лучший памятник ему и его философии не насилие — отказ соотечественников от истребления животных даже на нужды питания.

У нас в Белоруссии люди сведущие тоже советуют отказать от мясных продуктов. Все «фонит», особенно говядина... Уроки Философии.

Больше всего в поездке по Индии нам понравилось:

— Тадж-Махал и обезьяны;

— Храм Лотоса и катанье на слонах;

— надувные шары-баллоны и зоопарк;

— Новый год в Ахмедабаде;

— то, что в Агре индийские пацаны предлагали сотню рупий за поцелуй!;

— воздух в горах Али-Абу, сразу прошел кашель;

— закат солнца в Маунт-Абу;

— бриллианты, гранаты, жемчуг в витринах магазинов;

— гостиница Лейк-Пичола на берегу озера в Удайпуре, мальчишки говорили, что из окна соседнего номера туристы из Франции ловили рыбу!;

— то, что девочек, у кого юбки не прикрывали коленей, не пустили в мусульманский храм; что хранят традиции и никаким иностранцам не делают поблажки;

— то, что в школах преподают Закон Божий и с детства учат скромному поведению, а не просто говорят на все случаи жизни «нельзя»;

— звонить богам в колокол у входа в храмы;

— глаза джайнистских богов!

Глаза джайнистских богов — зеркальные. Раскосые кристаллы горного хрусталя. Богов в этой религии двадцать четыре, главного нет. Есть Первый среди равных, Второй. В Ахмедабате был город-храм Двадцать Второго. Боги все одинаковые, сидят в ственных нишах, сложив ноги по-турецки, вернее, в позе лотоса, голые, украшенные крупными рубинами. Дороже всего джайнистским богам — Жизнь. Жизнь во всех ее формах и проявлениях. Самые горячие адепты джайнизма ходят в москитных сетках на лице и метут перед собой метелочками — чтобы не вдохнуть случайно комара или не раздавить букашку, чтобы не сгубить чужую жизнь!

— Вот бы ввести эту религию у нас вместо атеизма! — Игорь Галезник в нашей компании был главным юмористом. Рот не успев открыть — мы уже смеемся. И тут посмеялись, а потом подумали: «Вот бы, действительно...»

Через месяц по возвращении из Индии Игорь напишет:

«Есть вопросы, на которые я не могу найти ответа. Почему всех и каждого убеждают, что жить у нас безопасно, но не снимают двойной заработок с наших родителей? Почему так много людей уезжает из нашего города? Чего они боятся? Что нас ждет? Смогу ли я стать отцом, или все случится, как описано в учебнике биологии за 10 класс в теме «Влияние радиации на половые органы»? У нас уже были случаи, когда рождались уроды. Раз жить у нас так хорошо и прекрасно, почему наши «великие» руководители не возят своих жен к нам на отдых? Строители у нас очень хорошие и строят им дачи не хуже, чем у них в Подмоскowie. Да и вообще, о чем говорить! Писать больше нечего, все равно ничего не докажешь. Я считаю, что все, кто нас здесь держит — может, это очень грубо сказано, но других слов я не нахожу, — сволочи. Мы для них — букашки.»

...При входе в храм висит колокол. Надо постараться допрыгнуть и, рукой болтанув «язык», позвонить и сказать священное слово «Ом». Сказать вместе с колоколом: «Ом-м-м-м...» А потом подойти к заперченной нише, взяться руками за прутья, подтянуться на цыпочках и... В какой-то момент ты попадешь в поле зрения зеркальных глаз и отразишься в глазах бога. И —

не скучай, золотая рыбка! — тебя выдернет в черный космос астрала, где ни времени, ни пространства, ни рождения, ни смерти, только Жизнь и Любовь, и чужой тебе Бог, и ты — его драгоценность, терпимость, соществие. И постигнешь цену себе, как сосуда Жизни, и захочешь сохранить это мирро — не разбиться, не утопнуть, не сгнить. Захочешь жить вечно или хотя бы подольше. И попросишь у каменного истукана, у своего отражения в зеркальных глазах, попросишь так, как бабка твоя просила у мелеванного на доске лика: «Спаси меня, Господи! Спаси и сохрани!»

А потом тебя позовут с земли:

— Эй! Поехали. На обед опаздываем.

Ты упадешь из космоса, разлепишь пальцы. Подмигнешь через решетку вытараченным кристаллам горного хрусталя, бросишь Двадцать Второму: «Пока!» и побежишь в автобус фирмы «ТАТА». Побежишь с новым, каким-то очень хорошим чувством эпокиствия и родства с чем-то большим, сильным, вечным. Индия — уроки Жизни...

Самая интересная встреча:

— с академиком Е. П. Велиховым в индийском посольстве, он со всеми поздоровался за руку;

— с королевой-махарани штата Гуджрат, она одета, как простая женщина, ведет себя очень обыкновенно, но сразу видно, что королева;

— со школьниками в делейской школе Сант-Паулу, они ничего из себя не строят;

— с Евгением Огурцовым (секретарь Союза кинематографистов БССР, член комитета «Дети Чернобыля», руководитель группы) — у него всегда хорошее настроение;

— с Женей Петренко (представитель Фонда Ганди в Москве) — он снял на видик всю нашу поездку, вот похвалим его через «Парус», может, он нам фильм-то и покажет;

— с Йогешем Ганди, он за все платил, но вел себя нормально, моралей нам не читал, жить не учил. Спасибо ему.

Йогеш Ганди. Внучатый племянник Махатмы Ганди. Для чернобыльских детей он сделал то, что, по бедности кармана, не смогли для них сделать их собственные родители — отправил в Страну Сказок. И еще то, что, по великой занятости, наверное, не сделал для них М. С. Горбачев — о б-

ратил внимание! Йогеш не решил проблемы переселения из грязных зон в чистые, не спас никого ни от цезия-137, ни от стронция-90. Но — спас двадцать четыре подростка от поражения равнодушием, от горького, уродующего сознания, что они, дети, не нужны взрослым, что их судьба никому не интересна. Природа придумала так, что ребенок — самое дорогое, что есть у родителей. Они — его опора, защита, стартовая площадка. Он — их надежда, радость, продолжение. А здесь — отцы бессильны. Отечество равнодушно... Спасибо Йогешу Ганди за урок родительского отношения к детям.

Что нам в Индии не понравилось (кроме нищих):

— что мертвых вперед головой выносят;

— что сушат одежду прямо на земле;

— что заборы у богатых сверху утыканы стеклом;

— что не только священные коровы, но и свиньи, и любая живность ходит по улицам и живет в городах вместе с людьми;

— что мы, к сожалению, не умеем себя вести: нам улыбаются, — мы отворачиваемся, нас снимают — мы показываем язык;

— что Арун, наш гид, на многие вопросы не знал, как ответить, впрочем, в этом, наверное, виноваты советские группы, приезжавшие до нас, — по всему видно, что их интересовали только магазины;

— что Йогеш Ганди не всегда держит свое слово: пообещал нам джинсовые костюмы и кроссовки и ничего не купил; только не подумайте, что мы неблагодарные люди, что нас и так держали на всем готовом, а нам еще и джинсу подавай, не в этом дело, просто мы думаем, если хороший человек выполняет свои обещания, он от этого становится еще лучше;

— что все улицы превращены в базары и помойки одновременно.

Что правда, то правда. Индия напоминает грандиозную помойку. И будто по ней какой-то запыленный набоб нетвердой рукой сыпанул пригоршню драгоценностей: алмаз — Тадж-Махал, перл — Храм Лотоса, рубин — Ред Форт, аквамарин — Лейк-Палас... А вокруг хижинки из кизяка с дерюжными крышами следы священных коров, голопузые дети, бешеный трезвон рикшей

и скуттеров, завывания муллы, рекламные клятвы торгашей, вопли мальчишек. Сутолока, какая-то первобытная неустроенность, разливанное море солнца. И только храмы — жилища духа — безупречны и завершены в своем величии и чистоте. Жилища людей — будто временные биваки, хоть и живут в них поколение за поколением.

— Хорошо им, зимы-то нет, — говорили мы, глаза из окна автобуса на всю эту карнавальную разруху, но чувствовали, что индийцам «хорошо» не из-за того, что можно жить кое-как. Скорее, из-за того, что эти плохо одетые непритязательные люди умеют кое-как относиться к своим проблемам. Что они — не «циклятся» на сегодняшнем дне, а смотрят в будущее. Для них, согласно их религии и философии, самое лучшее начнется за той чертой, которую мы, атеисты, зовем последней...

Может, потому, что жизнь, по нашим представлениям, конечно, мы так тяжело переживаем свои ошибки и не прощаем ошибки другим? Может, потому подозреваем на каждом шагу равнодушие или обман, что не дано нам верить в высшую справедливость? Может, потому, наконец, с такой опаской торгуемся на восточном базаре и неизменно остаемся в дураках к детской радости азартных торговцев...

Самая удачная покупка в Индии:

- чай и кофе;
- камень «золотой песок», по-научному «авантиурин»;
- джинсы;
- набор косметики;
- рубашка для брата;
- сумочка и туфли с вышивкой;
- кроссовки, таких в Союзе нигде не достать!
- нитка жемчуга, нитка гранатов, надувной шар;
- нитка «золотого» топаза.

Самая неудачная покупка в Индии:

- рубашка (не подошла брату по размеру, хотя на этикетке написано, что надо);
- кроссовки (лопнула подошва);
- джинсы (разошлись по шву);
- нитка «золотого» топаза (нитка как таковая порвалась, камешки растерялись по дороге, осталось три штуки);
- туфли с вышивкой.

В Индии любят украшать одежду и обувь кусочками зеркала. Тонкие круглые зеркаль-

ца обшивают по кругу особым швом, и они сияют из сердцевинки цветных кармашков. Дома все это моментально поблекло и потеряло вид. «Кажется, я поняла почему: в Индии в зеркальцах отражалось яркое солнце, пестрые краски. А у нас отражаются серость и грязь...»

Самое плохое, что было в поездке:

— то, что пришлось вернуться...

Не в том смысле, конечно, что мы не хотели бы возвращаться в родной город, к мамам и папам, а в том смысле

Что вот мы вернулись и...

— почувствовали, как загазован воздух в Москве;

— нарвались на грубость у первого же прилавка;

— раздражаем всех тем, что мы съездили, а другие нет;

— нам не дали пригласительные на конкурс «А ну-ка, парни!», говорят, мол, вы и так три недели развлекались, хватит; в общем, это, наверное, правильно, но все равно обидно;

— поняли, что живем в бедной стране, что что-то у нас в государстве неправильно, если все работают, а толку мало;

— здесь все то же самое, как будто никуда и не ездили...

«Я очень благодарен Фонду Ганди, конечно. Но я понял, что благотворительность и гуманизм не одно и то же. Благотворительность — это наша поездка в Индию. А гуманизмом можно было бы назвать переезд в чистые районы. Не мне учить господина Ганди и академика Велихова, как им тратить деньги, но благотворительность — это что-то вроде милостыни. Чем лучше, красивее и интереснее было в поездке, тем страшнее снова оказаться в зоне. Честно сказать, мы почти не вспоминаем Индию, она прошла как бы стороной. Мы хорошо отдохнули, весело провели время, но по существу в жизни нашей ничего не изменилось. В этой поездке с самого начала была заложена страшная неприятность — возвращение к Черномылью». Без подписи.

«Я считаю, что жить в нашей зоне нельзя, и я требую полного выселения из всех населенных пунктов, которые хоть немного загрязнены. Потому что никто не знает, что будет, если люди останутся жить в этой зоне. Кроме радиации здесь постоянно испытываешь давление на психику от неизвест-

ности. А все наши министры, наверное, этого не понимают. И ученым лично я никаким не верю. Они один раз говорят одно, другой — другое. Приходько Валерий, 16 лет»

«Многие люди хотят переехать отсюда, но, говорят, нет благоустроенных жилищ. Когда было землетрясение в Армении, им помощь оказывала вся страна, многие страны мира. А мы что, не люди! Или наша проблема уже забыта! Мы не просим оказать нам помощь денежную, мы просим помощь человеческую — дать условия жить. Жить, как все. Владимир В., Хойники»

«Благодаря комитету «Дети Чернобыля», академику Велихову и Фонду Ганди мы съездили в далекую и забанную по первым впечатлениям страну Индию. Там мы хорошо отдохнули и узнали много интересного. После поездки мы попали в еще больший, чем был, мир ощущений и впечатлений. Прилетев в Москву, мы оказались в атмосфере... автомобильных газов и спешащих мимо деловых людей. Когда, выйдя из здания аэропорта, мы сели в автобус, стало трудно дышать. Когда ехали в гостиницу, многие уже жаловались на головные боли и тошноту, хотя при многочасовых поездках по дорогам Индии эти ощущения нас не преследовали. Понемногу мы стали привыкать к этому насыщенному газами воздуху. Мы знали, что приедем домой, где, кроме выхлопных газов, нас ожидает почти вся таблица Менделеева.

В Хойниках два первых дня я ощущала еще веселость и легкость, но потом все по-прежнему: головные боли, уже ничего не интересно, все опять покрыто серым цветом, все стало безразлично.

И. С.»

Индия... Мы посмотрели ее красоты, послушали ее молитвы, песни, говор, мы надышались ее запахами, потрогали ее руками, попробовали на вкус. Но в чем-то главном эта страна осталась нами не познана. Наши души не породнились. Думаю, это произошло потому, что мы сами не смогли раскрыться ей навстречу, как температурающей больной не может до конца раскрыться новому очень интересному и доброму знакомству. Вспоминая об Индии, мы, не-
(Окончание на стр. 55)

В промерзший полупустой трамвай ввалились двое, здорово навеселе, сели, пересыпая бранью разговор, достали сигареты.

Все молчали, в том числе и мужчины. Трудно придумать ситуацию банальнее.

Юрий Вересков сказал: «Бросьте, ребята, дождитесь остановки, выйдите, тогда и дымите, сколько влезет». Сказал спокойно, доброжелательно.

Один тут же обернулся, пренебрежительно глядя куда-то мимо него, витиевато выругался и, глубоко затаившись, выдохнул дым Верескову в лицо.

Вересков поднялся, шагнул вперед единственной, правой ногой. Опора — пятикилограммовый металлический костыль — чуть сзади. Те опешили: против них «выступает» одноногий мужик. Первому инвалид хладнокровно погасил сигарету о лоб, другой, попытавшись встать, был остановлен молниеносным профессиональным ударом.

Пассажиры только тут и встревожились. Вересков на всякий случай сказал: «Спокойно, товарищи. Все уже кончилось».

Те двое корчились на жестких сиденьях.

В августе 1988 года создается Всероссийское общество инвалидов. На учредительной конференции общества я встретился с Вересковым. Он был в шикарном костюме, плохо, однако, скрывавшем его отлично развитую фигуру. В гостинице мы разговаривали две ночи, сэкономили время, утром Юрий уезжал домой, в Нижний Тагил.

В номере он становился в стойки, демонстрировал блоки, удары. Опираясь на костыль, бил ногой. Удачивал отработанные до автоматизма приемы защиты и нападения. Потом переходил к боевому самбо и кунг-фу. Диапазон освоенного громаден. Вооруженный ножом, цепью или ломом, вопреки расхожей поговорке, для него, в общем-то, не противник. Однажды Юрия даже попросили проконсультировать милицейскую группу захвата.

Вскоре я приехал к нему.

Он руководит военно-спортивным клубом «Патриот», обучает допризывников рукопашному бою. Зарплата вместе с пенсией инвалида второй группы — две сотни. Жена — инженер металлургического комбината. Двухкомнатная квартира. «Для совсем уж полного комфорта лишь машины не хватает», — шутит Юрий.

В начале пятидесятых их с матерью жилищем был барак. Квартиру им дали спустя 25 лет. Юрий решил пойти к секретарю горкома партии Сиркову. Тот сказал: «Пиши заявление, посмотрим, что исполком предпримет».

Тогдашний визит в горком и последовавший за ним результат Вересков и теперь считает одной из своих самых первых побед, пусть не на спортивном, а на житейском поприще.

Жизнь била его с первых лет существования на свете. Отца не помнит. Отчим, офицер-танкист, погиб. Евгения Ивановна «тянула» сына сама, чистила паровозные топki. Была такая работа.

Непоправимое произошло, когда ему не было восьми. Ехали в трамвае. У поворота

приятель пошутил: внезапно толкнул в плечо — прыгай! Юра свалился под колеса прицепного вагона.

Культа оказался непротезируемой. Это означало: до конца дней — на костылях. Или наиболее благоприятный вариант — с костылем.

Его взяли в детдом для инвалидов. Там он постигал столярное дело, овладел ремеслом переплетчика и научился фотографировать. В пятнадцать лет он уже мог побороться за место в жизни, тем более, что вся она была впереди.

Начал учеником у сапожника. Кроме матери — старшая сестра, студентка. Вкалывал, не думая о себе. Наставник, хронический алкоголик, посылал парня за выпивкой. Экономия минуты, Юра приноровился бегать — на костыле, вприпрыжку. Со временем стал зарабатывать неплохо. И... подался в радиомастера. Там было так же. Пьянство, мат, плоские анекдоты. В свободное время — работа. На него просто не обращали внимания. Только бы не мешался. Материально он мог жить не хуже других. Но опять подал заявление. И у очень стойких терпение кончается в самый непредсказуемый момент.

То был сложный этап в его жизни, и спас его спорт.

Со свалки приволок в сарай ржавую штангу и гантели. Культуризм тогда не был в моде, им увлеклись единицы. Безногий, толкающий гири и рвущий штангу, — это, согласитесь, нечто. Как ему удавались упражнения, не представляю. Он избегал посторонних глаз. Вспотев, выскакивал во двор, в темноту, обливался ледяной водой.

Первый в шеренге людей, сделавших Верескову добро, — Борис Иванович Попов, тренер тяжелоатлетического спортклуба. История не знала штангистов с такими увечьями. Но Попов не отказал Юрию. На свой страх и риск. Его могли за это уволить.

Одержимость в спорте — ради результата. Рекордов. Славы. Материальной обеспеченности, наконец. Изначально все это включалось для Верескова. Спорт делал его просто активным человеком. Сбрасывал пути былой немощности.

Потом была секция классической борьбы у тренера Сан Саныча Лопатина. Годы спустя Лопатин сказал ему: «Юра, хорошо, что я тебя взял. Ведь надо мной постоянно смеялись из-за того, что я терплю у себя одного, советовали выгнать тебя. А вышло — не зря все наши мучения, не зря...»

Едва Вересков начал тренироваться в секции, его вызвали в физкультурный диспансер и с безапелляционной снисходительностью объявили: заниматься можешь, но к соревнованиям не допустим. Не положено.

Не положено — так не положено, кто станет оспаривать очевидное? В борцовском зале они с Сан Санычем «пахали» до изнеможения, даже не задаваясь вопросом, во имя чего это делают.

Вскоре тренер и ученик поехали на республиканские соревнования. Юрий, ясное дело, не боролся, но судьей был. И получил за судейство грамоту. Тогда даже хорошие знакомые считали его авантюристом. А он чувствовал себя победителем.

Когда вернулись, Юрия снова вызвали в

УМЕЙ

детям о взрослых

физдиспансер, разговаривали уже иным тоном. Правда, напоследок предупредили: в случае травмы ответственности не несем.

«Как угодно,— ответил он.— Для меня это несущественно».

Увлекался велосипедом. Денег в обрез. Вместо желанного костюма купил по дешевке подержанный «Спорт». Снял одну педаль. По выходным ездил до Невьянска и обратно — 100 километров в оба конца.

Устраивал заезды на уральских хребтах. Нога — пружина, вся из мышц. Запрыгнуть с пола на гимнастического коня — пустяк.

В 80-м Юрий с другом Сашей Патрушевым отправился в посвященный Олимпиаде велопробег Нижний Тагил — Ленинград. Три тысячи километров. За Миассом начался перевал Уреньга — двенадцать километров сплошного подъема. Затем сразу же более короткой и более крутой подъем Юрюзань. 26 ходовых дней, 9 выходных — столько времени затратили.

Даже спустя годы событие представляется мне исключительным. Решиться на столь сложный маршрут мог не просто великолепно подготовленный, но и отчаянно смелый человек.

Зачем ему понадобился пробег? Проверка сил, обретение известности, любознательность? Ответ обескуражил: «Чтобы отвлечься от быта».

Быт бил сильнее, чем в детстве.

Поменял не одну работу. Однажды его просто выжили, не церемонясь, зная заводом, что жалобами не забросает. Вересков же, способный без всякого для себя риска спасти поздним вечером женщину от подвыпившего верзилы, пасовал там, где другой бы постоял за себя и без боя не сдался. Дерзости, нахальства, что ли, не хватало. Он ни у кого не искал покровительства, хотя ему оно пригодились бы больше, чем кому-либо. И не потому, что стеснялся. Много лет он привык бороться один. Сам. Никогда не шел на поклон.

Вот документ. «Ошибка управления коммунального хозяйства Нижнетагильского металлургического комбината явилось то, что на должность старшего инструктора по спорту был принят инвалид 2 группы, которому по своему физическому недостатку трудно работать на этой должности... При проведении соревнований на приз клуба «Золотая шайба» его неоднократные падения на льду и на ступеньках раздевалки вызывали неправильную реакцию детей. Зам. нач. УКХ Кононович Т. В. Старший педагог-организатор Петренко Т. А.»

Написано это о человеке, прекрасно бегающем на коньках и на лыжах (вернее, на коньке и на лыже), имеющем квалификацию судьи первой категории, выполняющем норматив кандидата в мастера спорта по туризму.

В Ленинграде есть Институт физической культуры имени Лесгафта. Старейший в стране, где учились и учатся десятки спортсменов экстра-класса, звезды.

Летом Вересков прибыл в Ленинград, запасшись характеристикой и направлением от горкома ВЛКСМ и горспорткомитета.

На медкомиссии его отфутболили момен-

гально. Терять было нечего. Ректор — в отъезде. Принял проректор Николай Владимирович Сысоев. После краткого разговора на заявлении появилась резолюция: к экзаменам допустить.

Все экзамены — на четыре, общая физическая подготовка — отлично. 100 метров кролем — за две минуты, перекладина — уровень спортсмена-разрядника.

Заведующего кафедрой борьбы Юрия Николаевича Неробеева восхитила броски в исполнении тезки. «Я наблюдал за вашими занятиями, когда к нам поступали, и понял еще тогда: вы прирожденный тренер. Как говорится, от бога. Такой не пропадет. Я имею в виду — не пойдет с дипломом торговать пирожками или хаптурить на кладбище из-за рубля».

Летом 1988 года Вересков поехал с тремя воспитанниками на первые всесоюзные спортивные игры для инвалидов, проводившиеся в поселке Аланта под Вильнюсом. Болельщиков собралось уйма.

Вересков с «командой» не помышлял ни о каких наградах и призовых местах, просто хотелось попробовать. И попробовали...

Юрий Егорович стал чемпионом по стрельбе из пневматической винтовки в личном зачете. Его подопечные: две золотые медали у Игоря Ворожищева, три золотые — у Володи Зудова, Володя Ларионов взял две серебряные и бронзовую. Кроме того, Верескову тут же вручили учрежденный Госкомспортом СССР нагрудный знак «Тренер победителя», который красовался на лацкане его безупречного пиджака, когда я впервые встретил Юрия в перерыве учредительной конференции Общества инвалидов.

Жизнь кажется длинной, когда все течет гладко. Почти двадцать лет Вересков потратил на то, чтобы стать таким, какой он теперь. Ему — за сорок. Впереди полжизни. Примерно. Он будет использовать оставшуюся половину рациональнее, будет «пахать», потому что все-таки поздно вышел на тот рубеж, с которого началась для него полнокровная деятельность.

Дома у него неплохая библиотека. Он протянул мне раскрытую книгу: Редьярд Киплинг, «Заповедь».

«Умей принудить сердце, нервы, тело Тебе служить, когда в твоей груди Все пусто, все сгорело,
И только Воля говорит: иди!
...Наполни смыслом каждое мгновенье,
Часов и дней неумолимый бег...»

Грант АПРЕСЯН

ПРИНУДИТЬ

Роман Леонида Габешева «Одлян, или Воздух свободы», появившийся в шестом-седьмом номерах «Нового мира» за прошлый год, поверг читателей в шок. Это несмотря на то, что мы уже стали куда как поганные, изрядно задубели от сенсаций и кровавых сцен. Кто-то читал — не верил. Кто-то верил, но рассуждал: зачем тащить на бумагу столько натуралистических подробностей, от которых — дрожь и рвотные позывы!

Признаем объективное: эта книга — пока единственное правдивое и столь пространное повествование о жизни колонии для несовершеннолетних преступников, о судьбе зеков-малолеток. Однако и сегодня мнения о романе слышишь самые разные. Такое: в нем нет языка и психологизма, значит, это не литература. Такое: очень достоверно передан мир переживаний подростка за колючей проволокой. И такое: что бы это ни было с точки зрения художественной, но это — слепок с жизни, правда, а она целительна всегда. А один маститый, даже, кажется, всемирно известный литератор, автор многих остро сюжетных книг, признал «Одлян» лучшим романом года. Так что думайте сами...

Кому как, а мне захотелось после прочтения романа познакомиться с Леонидом Габешевым. Книгу он писал о себе, и это очевидно для каждого читателя, хотя повествование ведется от третьего лица. И вот в этом-то как раз интерес. Одно дело, если незаконно репрессированный интеллигент пишет умные и захватывающие мемуары, и совсем другое — когда писатель вылутился из обычного, в общем-то, зека.

Я еду знакомиться с Габешевым. Я, кажется, представляю его хорошо: спасибо Андрею Битову, это он в предисловии к роману дал и портрет «человека со шрамом», нахрапистого и наивного одновременно, пугающего и ранимого — сочный и, пожалуй, обаятельный портрет.

Дополнение к портрету: дорога. К Габешеву «пилить» на электричке больше часа от центра Волгограда. Но здесь — тоже город, хоть и его окраина. У платформы, где я выйду, поэтическое такое название — «Шпалопропитка». Серые «хрущевки». Распутица.

работа над ошибками

По ту
сторону
РЕШЁТКИ
ИЛИ
ПО ЭТУ?..

«Окраинные» пацаны стайками — они без прописки, везде одинаковы, стоит лишь отъехать от центра города что в Москве, что в Сибири: неопрятность, вызов, матюжки и смешочки.

А вот и интерьер к портрету. Коммуналка, где у них с матерью — по комнате. Безноголо, упавшее на один бок кресло (я в него осторожно сяду).

Еще к портрету штрих. Он меня, прощаясь в первый день, проводив до «Шпалопропитки», спросит:

— У тебя в ка... в номере есть телефон!

Освободился он 17 лет назад. Откуда инерция! Скорее, оттого, что пребывает в материале, в образе: пишет сейчас второй роман — «Зона».

А вообще воображаемый портрет сбывался. Действительно обаятелен. И последний кусок вареной колбасы по талонам со мной делил. Я бы сказал, открыт, если бы характеристика эта не считалась банальной. Но при этом в Леониде Габешеве есть тайна, которую я разгадать не смог. Но не в каждом ли человеке есть загадка! И как хорошо, что мы носим в себе то сокровенное, что писатель доверит лишь бумаге, а не писатель — единственному другу или любимой женщине.

— Леонид Андреевич...

— Можно — Леонид. И на «ты»...

— Хорошо. Леонид, ты в одном из своих интервью сказал, что сталинский ГУЛАГ — пионерлагерь по сравнению с Одлянком. И что, мол, Дахау пережить легче, чем подростковую зону. Об этом тебе говорил человек, который прошел до войны «малолетку», а в войну — концлагерь. Не слишком ли дерзкие сравнения!

— Когда страшнее всего в неволе! Когда человек лишен всех прав, не может взывать к закону, здравому смыслу, совести. Когда он не знает, что повлечет за собой тот или иной его поступок. Именно так устроен Одлян. Тут еще надо учесть специфику возраста. Согласись, подростки более жестоки и управляемы, чем взрослые, в них сильнее инстинкты толпы. В их отношениях меньше нюансов. Жизнь заставляет в Одляне быть палачом — или жертвой, унижать другого — или быть униженным самому.

— Думаю, наши воспитательно-трудовые колонии мало кого воспитывают. Скорее, «малолетки» — это фабрики по производству взрослых преступников из податливого (пока еще), сырого человеческого материала. Как изменить систему? Мы говорим: гуманизация. Кто-то негодует: забота о зеках! Да ведь не только о них! О будущих возможных жертвах! О том, чтобы усмирить в чело- веке зверя. В противном случае он, освободившись, отомстит обществу и его невиновным гражданам. Так мы мно- жим зло.

— Конечно, систему надо менять. Скажем, можно ли воспитать принудительным трудом! Да никогда! А вот на всю жизнь отбить охоту рабо- тать можно. Или взять такое. Почему малолеток стараются отослать в зону подальше от дома! Сибиряков — в Волго- град и наоборот. Не всем ро- дителям по карману такие путешествия. Будь небольшие колонии в каждом городе, причем, для «своих» правона- рушителей, пацаны бы чаще виделись с родителями на «свиданках». Как им не хватает материнского слова!

Наверное, стоило бы в Вер- ховных Советах иметь комис- сии, контролирующие работу детских и взрослых колоний. Это станет гарантией от произ- вола, до сих пор царящего за колючей проволокой, куда МВД долгие годы не пускало посто- торонних.

Конечно, люди разные. Но в каждом может быть плохое, темное. И если система совра- щает людей, то она вполне преуспевает в выращении преступников. Вот я помню с детства (жили мы в Омской области, потом в Тюменской): в поселке хорошим хозяином считался тот, кто тащил с рабо- ты в дом хоть дощечку, хоть гаечку. Или жратву, если он пристроился поближе к про- дуктам. Это не порицалось, было нормой. И все мои дет- ские воспоминания связаны с кражами, лет с пяти лазил по чужим огородам с ребятами постарше, такой у нас был досуг...

— Скажи, а как родилась идея написать книгу!

— Ну, начинал я в тюрьме в традиционном для эзков жанре: писал жалобы. Потом написал первый рассказ.

— В зоне пишет каждый второй... Видел я эти произ-

ведения: в большинстве —ужас- ная пошлятина.

— Я относился к этому серь- езно. Уже после освобожде- ния посылаю рассказы профес- сиональным литераторам. Кста- ти, Акутин, литературовед, меня поддерживал. Но, естественно, ни он, ни я не надеялись, что все это увидит свет в Союзе. Потом рассказы вошли в роман.

— Сошлюсь опять на твои предыдущие интервью. Из них видно, что ты, еще не закон- чив роман, пытался пристроить его на Западе. Крутился в Моск- ве на книжных ярмарках, выставках, где были представи- тели иностранных фирм. Один раз, послушав твой разговор, тебя чуть было не «замело» КГБ. Что же все-таки было для Габышева-писателя главным: высказаться и усмирить тем самым боль! Напечататься где угодно! Или просто заработать на острой теме!

— Зачем противопоставлять одно другому! Да, я хотел заработать, но, как ты помнишь, и Пушкин торговался с изда- телями. Причем, больше дру- гих. И говорил, что, мол, вдох- новение продать невозможно, но можно рукопись продать. Что тут предосудительного!

С другой стороны, если бы мне предложили напечататься бесплатно, да даже самому что-то выложить за издание, я бы продал с себя последние штаны. Книгу должны читать. Писатель пишет, чтоб его чи- тали. А там или здесь...

О какой публикации здесь могла идти речь еще пять лет назад! За такое творчество сажали.

— И ты для себя подобный вариант не исключал!

— Нет, конечно. Один экзем- пляр романа я закопал в землю. Не так давно перепрыгал. Теп- ерь уже экспериментирую: сколько сохранится рукопись. Вдруг пригодится еще такой опыт.

— Чем ты занимался после освобождения!

— В 1973 году поступил в Волгоградский строительный техникум. С 1974 года работал в ЖКО слесарем-сантехником, смотрителем зданий. Потом чуть-чуть побыл корреспондентом многотиражки. Но не вы- держал. И честно говоря, удив- ляюсь вам, журналистам, как можно было писать среди всего того вранья! Ушел в сторожа. 12 лет отрубил; замечательная работа. Позволяла и читать, и писать. Ну, что еще! Занимал-

ся старыми книгами, покупал, продавал.

— Спекулировал!

— Назови это так. Имел, конечно, гонорар с этих опе- раций. А главное, через мои руки проходили удивительные, редкие издания. И то, что инте- ресовало меня, оставлял себе. Особенно книги о русских тюрьмах и каторгах.

— Кого бы ты хотел видеть своим читателем, кому адре- сована книга!

— Странный вопрос. Каждый писатель хочет, чтоб его чи- тали все. Но, кстати, «Одлян» и читают все и повсюду: взрос- лые и подростки, на воле и в зоне.

— Думаю, семнадцатилетним эту книгу действительно необ- ходимо прочесть. А какой совет ты бы дал подросткам-право- наруши злям! Ну, кроме того, чтоб они прочитали твою книгу...

— Не попадать в Одлян.

— Не попадаться или не грешить, остановиться, подумать о последствиях! Это разное.

— Ты меня зря ловишь. Конечно, остановиться и по- думать. Но, видишь ли, я уже говорил, что иначе отношусь к этим, как ты сказал, грехам. Для меня малолетки-преступ- ники — люди, а не изгой. Если кто-то брызжет слюной по их адресу, я хочу сказать: а что, сам ты так уж чист перед Бо- гом!

Так (или примерно так) скла- дывался наш разговор. Хотя был он, конечно, гораздо более долгим.

Леонид Габышев предложил «Парусу» отрывок из романа, опущенный при публикации в «Новом мире». [Целиком «Одлян» вот-вот выйдет в из- дательстве «Молодая гвардия»].

Надо ли печатать ТАКОЕ! Вырванный из контекста, этот отрывок производит, пожа- луй, еще более гнетущее впечатление, чем книга цели- ком. Так подумалось сначала.

А с другой стороны, это ЕСТЬ, и почему тогда молчать об этом!

Может быть, кого-то новелла «Люстик» заставит прочесть ро- ман. Заставит задуматься о том, что нам по силам спасти от беды себя и друга — но, увы, не всегда, а лишь в начале пути. Так что давайте поторо- пимся.

Владимир БУЛЫЧЕВ

Л. Габышев

В шестнадцатую комнату поселили новичка-москвича. Кличка — Люсик. Люсик — среднего роста, симпатичный, с голубыми глазами и похожий на девушку. Он — педераст и пришел с раскрутки. Ему добавили срок и отправили в Грязовец. О педерасте весть облетела зону, и Люсику дивились.

На третью ночь Люсик разбудил парня и предложил развлечься.

— Вставай, вставай, — шептал Люсик Гороху, — нас никто не увидит. Мы быстро.

Горох смотрел на Люсика, а тот его уговаривал. Горох понимал: их могут засечь и добавить срок.

— Люсик, — тихо сказал Горох, — если еще будешь базарить... — и Горох выругался трехэтажным матом, — я тебя отлуплю.

Люсик, ничего не добившись, лег, но на следующую ночь разбудил другого парня.

Об ЭТОМ скоро узнали все, и активисты отвели Люсика к Павлухе, замначальника колонии по режиму. Павлуха, поняв, что из-за Люсика могут раскрутиться ребята, дал ему десять суток. Люсику до восемнадцати — меньше двух месяцев, и Павлуха решил на общем основании продержать его в ДИЗО и отправить на взрослый.

Впервые ярый пидер прибыл в Грязовец, и Павлуха решил поговорить. Отодвинув резинку глазка — понаблюдал. Люсик лежал на нарах, заложив за голову руки, и глядел в потолок.

Павлуха зашел. Люсик встал и поздоровался.

— Гена, тебе письмо от матери.

Люсик

Мать Люсика, зная, чем он занимается в зоне — она к нему приезжала на суд, — писала: «Я в жизни многое повидала, встречала людей всех цветов, и в полоску, и в клеточку, но такого юного и стремящегося к ЭТОМУ встречать не приходилось».

Люсик прочитал письмо.

— Гена, как ты стал таким, даже мать удивляется?

Люсик ясными голубыми глазами посмотрел на Павлуху и попросил:

— Павел Иванович, дайте закурить...

Павлуха протянул папироску и чиркнул спичкой. Люсик затанулся, прищурил глаза, затем снова затанулся, быстро выпустил дым и сказал:

— Павел Иванович, мне обидно, больно, меня даже мать не понимает. Кто меня поймет? Она удивляется, вы удивляетесь, почему я стал таким. А удивительного ничего нет. На свободе меня первый попробовал брат, а здесь я привык. Меня ТАКИМ тюрьма сделала. В чем я виноват? В тюрьму попал случайно. В камере, видя, что я симпатичный, стали фаловать. Я подумал, раз просят, значит, надо дать, ведь давал же брату. И я дал. Мне сказали: я с мастью — и вся камера начала со мной БЫТЬ. Мне — противно, но после этого не давать я не мог. Если отказывался — били. Я подумал: чем терпеть, лучше давать. Так было в следственной камере, так стало и в осужде-

нке. Потом — на зоне. Из тюрьмы не один прибыл, и земляки рассказали. И в зоне продолжал давать.

Меня, как других, не били. Отоварку и посылки не отбирали. Я рогам и положнякам давал, и они на меня еженедельно составляли график за подписью рога зоны, а то желающих много и поначалу из-за меня дрались. Я не работал, чтоб пропускать больше, а потом закосил и попал в больницу. В палате лежал один и впервые почувствовал, как мне хочется ЭТОГО.

Из больницы приехал, и у меня понеслось. Да, Павел Иванович, я получал удовольствие и мне ЭТОГО так хотелось! Но начальство узнало, и одного парня раскрутили. Потом второго. Я — потерпевший. Никто не понимал, что мне самому хочется. Все думали, что меня принуждают. В зоне после второго суда не все желали со мной быть. Боялись раскрутки. Тогда я сам стал уговаривать ребят, и они соглашались.

В конце концов нас опять застукали. Теперь и мне решили добавить срок и отправили в тюрьму. Там из-за меня еще один раскрутился. И вот я здесь. А меня не понимают. Мне, Павел Иванович, ХОЧЕТСЯ, мне ОЧЕНЬ ХОЧЕТСЯ ЭТОГО. А на свободе я не попробовал ни одной женщины, и они мне теперь не нужны. Вот сейчас один и готов лезть на стенку. А что дальше? Приеду на взрослый, и меня снова застукуют, и опять добавят. И так мне сидеть всю жизнь.

Павлуха слушал исповедь Люсика, и ему было жаль парня. Он вглядывался в глаза Люсика — а они у него бездонные и голубые, — и Павлухе казалось: из глаз смотрит еще одно существо, и это существо — женщина. Люсик, не став мужчиной, как бы превратился в женщину и теперь страдал.

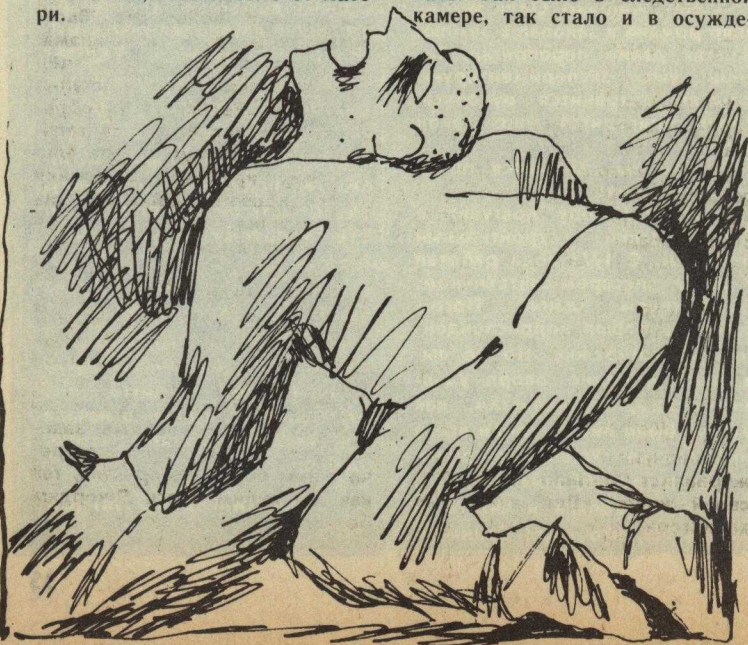
— Дайте еще закурить, Павел Иванович.

Павлуха дал закурить и вышел из камеры. Дежурным наказал: наблюдайте за Люсикум.

Люсик, отсидев десять суток, получил матрац и жил на общем положении, два часа в день гуляя в прогулочном дворике.

Но недолго он протянул в одиночестве. Свив из простыни веревку и привязав ее к решетке — повесился.

Матери дали телеграмму, но она не приехала. Хозяйственники выкопали на городском кладбище могилу и зарыли наспех сколоченный гроб.

«БИТЛЗ» — НАВСЕГДА!

Оценки критиков альбома разошлись. Некоторые считали, что «Битлз» попытались по-своему взглянуть на развитие современной поп-музыки, другие видели в альбоме пародию.

И в самом деле, здесь очень много пародий, много песен, чья загадочность скрывает (или приоткрывает!) отношение авторов к тем многочисленным исследователям текстов битловских песен, чьи многочисленные труды уже тогда заполонили страницы многих журналов и газет. Ведь сказал же Джон Леннон:

«Хорошие песни, но ничего сногшибательного. Когда слышу их по радио, они оставляют меня равнодушным... Пожалуй, я потому так безразличен к нашей музыке, что другие принимают ее слишком всерьез. Иногда это приятно, но, в основном, действует на нервы. Нравится — и прекрасно, но возносить ее до небес, черт-те что из нее выкапывать, поднимать шумиху — нет, этого мне не понять... Мы не сделали ничего, что было бы важно, но стоит двум-трем дуракам подать голос, как все остальные начинают думать, что это и впрямь что-то важное. Конечно, мы их тоже дурачим, потому что знаем: они хотят, чтобы их дурачили, они дали нам свободу дурачить их. Бывает, мы говорим друг другу: давай всунем сюда то или это, пусть они поломают голову... Под влиянием публики мы начинаем думать, что и в самом деле важные персоны. Но скажи мы людям, что, когда писали «She's Leaving Home» («Она покидает дом»), мы на

самом деле думали о бананах, — они ни за что не поверят... Люди думают: «Битлз» знают, что у них получается. А мы не знаем, мы только делаем — вот и все...»

Что касается пародий, то здесь удивляться нечего, так как сама сущность «Битлз» — юмор, остро жалающий или добродушно веселый. Великолепные мастера полемики, они смотрят на мир как бы со стороны и дают свои оценки происходящему вокруг. Скептики, они смеются даже над самими собой. Вот, например, песня «Sexy Sadie» («Сексуальная Сэди»), в которой Джон коснулся взаимоотношений с Махариши, с которыми у «Битлз» к этому моменту связей не существовало, так как те поняли, каких дураков публично они из себя делали тогда:

...Секси Сэди, посмотри, что ты сделала.

Всех одурачила, всех одурачила.

Секси Сэди, для тебя не существует законов.

Ты их всех побеждаешь своим видом...

Настоящим прообразом хард-рока или хэви-метал-рока стала песня Джона «Helter Skelter» («Тарарам»), ставшая своеобразным символом дурных пристрастий молодежи стран Запада:

...Посмотри, какой кругом тарарам,

Посмотри, какой тарарам!

Посмотри, какой тарарам!

Он с каждым днем все сильнее,

Да, сильнее!

Да, сильнее!

Известный американский журналист Филипп Боноски в своей книге «Две культуры», характеризуя настроения части

молодежи конца шестидесятых, писал:

«И хрупкие мальчики с горящими глазами, прожившие в Хейт-Эшбьюри и большую часть жизни просидевшие в тюрьмах и исправительных колониях, поверив этой песне, шли убивать (!!), а потом кровью убитых на зеркалах нетвердой рукой вывели слово «тарарам».

Так в своем особняке была убита членами мистической секты Чарлза Мэнсона красавица-киноактриса Шарон Тэйт — жена знаменитого американского режиссера Романа Поланского. Позднее, на суде, Мэнсон заявил, что закодированный сигнал убить киноактрису он услышал в песне «Helter Skelter». Вот так, не больше и не меньше. Каждый читает битлов по-своему, что вовсе не означает, что они звали к насилию — отнюдь.

Когда в 1968 году по всем странам Запада прокатилась волна студенческих манифестаций против войны во Вьетнаме, расизма и шовинизма, бесконечных повышений цен на все и вся, Джон выступил с песней «Революция», обращенной не только к капиталистам и шовинистам, но и к ультраправым кругам, пытавшимся спровоцировать молодежь на акты насилия:

...Когда вы говорите об уничтожении,

Знайте — вам нечего рассчитывать на меня.

Все мы хотим изменить мир, но не ценой

Его уничтожения!

Четыре песни по одной на каждую сторону альбома, записал Джордж Харрисон. И встреча с ним особенно приятна, так как мы видим здесь Джорджа без «восточных» причуд.

(Продолжение. Начало в № 6)

Лучшей его песней на альбоме признана «While My Guitar Gently Weeps». В ее записи участвовал близкий друг Харрисона знаменитый гитарист Эрик Клэптон, чье искусство игры на блюзовой гитаре мы слышим в этом произведении.

Свою увлеченность музыкой кантри показал Ринго, написавший «Don't Pass Me By» («Не проходи мимо меня»). Прекрасно звучит в его исполнении и песня Джона «Good Night» («Доброй ночи»), которой заканчивался «Белый альбом».

«Белый альбом», слушавшийся как прекрасная сказка, показал, что «Битлз» все еще полны творческих сил. Миллионы людей продолжали покупать пластинки с записями песен уже тогда легендарной ливерпульской четверки.

Однако Джон, Пол, Джордж и Ринго больше уже не были теми молоденькими, вечно улыбающимися ребятами в узких брючках и коротеньких пиджачках с черными воротниками, подпевавшими «йе-йе-йе». Это были, как правильно кто-то сказал, «Джон и оркестр, Пол и оркестр, Джордж и оркестр, Ринго и оркестр».

Теперь они знали, что делали, и никто из них не задавал себе вопросов, что дальше.

«APPLE»

Со смертью Брайана Эпстайна «Битлз» потеряли человека, который, как сказал Леннон, являлся для них отцом. «До того, как умер Эпстайн,— считал Ринго,— об этом как-то не думали. Теперь мы вынуждены заботиться о себе сами и делать все, что делал Эпстайн. А когда-то нам казалось, что он ничего не делал».

«Битлз» не собирались никого приглашать на место Брайана Эпстайна, получавшего двадцать пять процентов их доходов (после смерти Брайана право на доходы перешло к его брату — Клайву Эпстайну). Однако брешь, образовавшуюся после смерти Брайана, необходимо было срочно заполнить. Поэтому, для упорядочения дальнейшей деятельности четверки в деловой, социальной и творческой сферах, в феврале 1968 года была создана «Эппл Корпорейшн ЛТД», имевшая представительство в Лондоне. Эмблемой «Битлз» избрали яблоко (отсюда и название фирмы).

Было решено, что фирмой будут управлять сами битлы, обязавшиеся отдавать в ее фонд восемьдесят процентов своих

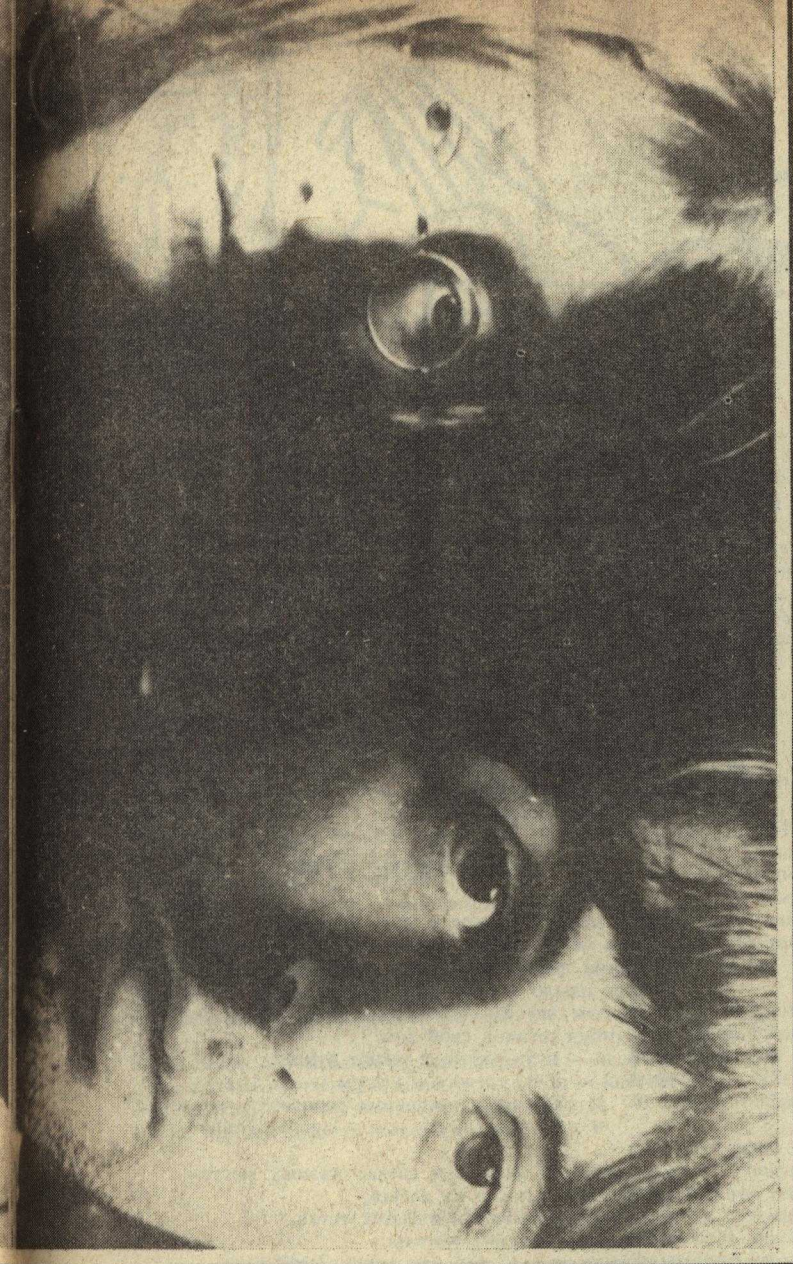

гонораров и поставившие своей целью поддерживать различные, даже самые безумные и несостоятельные, планы всех, кто к ним обратится. О том, какими проектами была охвачена четверка, говорит число отделений их компании: электроника, фильмы, защита авторских прав, оптовая торговля, телевидение, пластинки... Кстати, с этого времени все пластинки «Битлз», хотя и продолжали выпускаться на предприятиях И-Эм-Ай, имели эмблему яблока на этикетках.

Среди разных отделений компании было и так называемое «Общество помощи», ставшее себе целью помогать разным певцам и группам, ру-

ководствуясь прежде всего наличием таланта, а не коммерческими интересами.

Конечно, это было прекрасно. Ведь фирма дала работу очень многим людям. Но, к сожалению, среди всех этих людей было немало проходимцев, не гнушавшихся ничем, лишь бы урвать побольше от «Битлз». Да и ярких талантов практически не было, если не считать группу «Бэдфингер» и молодую певицу Мэри Хопкин, которая в апреле 1969 года даже лидировала с песней Пола Маккартни «Good Bye» («До свидания») в мировых хит-парадах. Но это было «каплей в море». В результате в том же году «Общество помощи» разорилось.

О том, насколько «Битлз» были непрактичными хозяевами, говорит пример «Эппл электроникс», руководителем которой стал двадцатисемилетний греческий эмигрант Алекс Мардас, или иначе Мэйджик Алекс, вечно занятый какими-то фантастическими проектами, например, созданием электрического поля вокруг дома Маккартни. Конечно, «Эппл электроникс» так никогда и не дала прибыли.

Потерпели крах и планы издания поэтических альбомов Аллена Гинзбурга, Лоуренса Ферлингетти и Ричарда Браутигана. А после неудачи с «Magical Mystery Tour» [«Волшебное, таинственное путешествие»] были

потеряны надежды, связанные с кино.

Все отделения «Эппл» были полны людей, неизвестно почему там оказавшихся. Многие из сотрудников фирмы отличались нечистоплотностью. Говорят, что из офисов «Эппл» выносилось все, что можно. Имелся у «Битлз» и магазин готовой одежды «Эппл Бутик», закрытый фирмой в июле 1968 года. По распоряжению Джона всю одежду из магазина вынесли прямо на улицу и раздали всем желающим бесплатно. На... 60 000 долларов!

Итак, вместо ожидаемых успешных свершений оказалось, что «Эппл» — это дыра, через которую куда-то безвоз-

вратно уплыли огромные деньги. И если бы не было пластинок «Битлз», то что ожидало бы четверку, трудно угадать.

Эксперимент с «Эппл» показал: насколько «Битлз» являлись великими как музыканты, настолько они были беспомощны как деловые люди. И, оказавшись у стены краха, битлы все-таки стали искать человека, способного заменить Брайана. Вскоре свои услуги им предложил американец Аллен Клейн — сильный, умный человек, имевший в музыкальных кругах репутацию пробивного бизнесмена, правда, любившего неограниченную власть над своими клиентами. Например, при расставании с «Роллинг Стоунз», с которыми он ранее работал, Клейну пришлось выслушать от музыкантов немало злых слов.

Неожиданно против кандидатуры Клейна возразил Пол Маккартни. Дело в том, что идеальной фигурой в качестве менеджера «Битлз» Пол считал видного нью-йоркского адвоката Ли Истмэна — отца своей жены Линды. Между прочим, мнение, что Ли Истмэн имел контрольный пакет акций фирмы «Истмэн-Кодак», неверно. На самом деле он являлся владельцем адвокатской фирмы «Истмэн энд Истмэн». И поэтому утверждение, что Линда наследница фирмы «Истмэн-Кодак» — чистый блеф.

Остальные битлы дружно возразили против Ли Истмэна, так как решили, что все это не что иное, как попытки Пола забрать «Эппл» всецело в свои руки. Когда Пол узнал об этом, то очень расстроился. Он считал, что Джон, Джордж и Ринго знали его лучше.

И вот Аллан Клейн прилетел в Лондон и в одном из отелей встретился с Джоном Ленноном. Тридцать минут беседы убедили Джона, что Клейн знает «Битлз» лучше, чем кто-либо. И он решил, что этот американец именно тот человек, которого они ищут.

На следующий день, когда битлы собрались в своей студии и Джон рассказал им о своей встрече с Алленом Клейном, Джордж и Ринго вновь поддержали Джона. Пол же, не говоря ни слова, встал и вышел из студии.

Это было началом конца.

Алексей БАГИР-ЗАДЕ

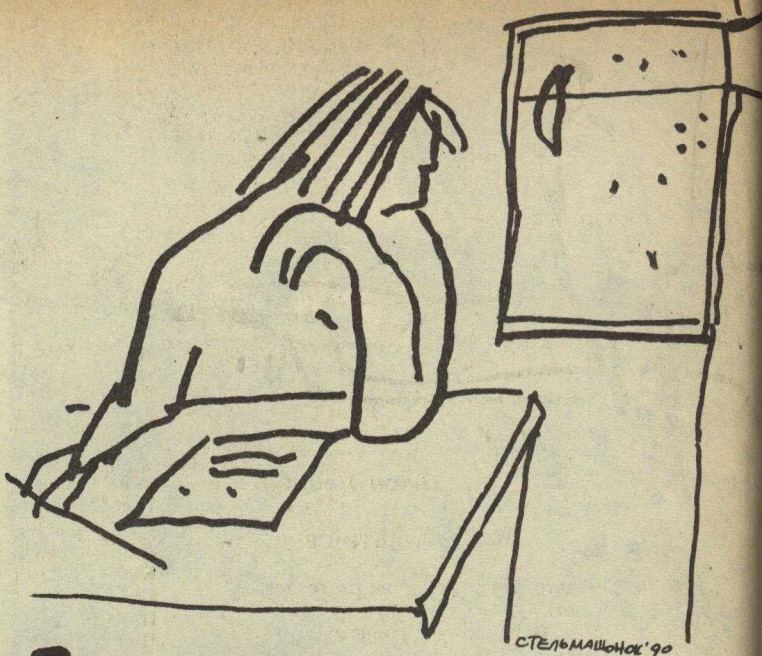
(Окончание следует)

приложение к «камертону»

В музыке я, в основном, уважаю классику: как классику вообще (Бетховен, Моцарт, Чюрленис и др.), так и классику рока («Битлз», «Пинк фloyd», «Дип перпл» и др.). Обычный данс оставляет меня равнодушным. Что же касается влюбляемости в рок-звезд и звезд эстрады, это вообще выше моего понимания, я такой непонятной и глупой болезнью никогда не страдал. И мне стало жалко «Камертон». В самом деле, все от вас чего-то требуют, причем, зачастую что-то глупое, и нет, чтоб кому-то дать от себя! И поэтому я решил поделиться с вами тем, чем сам богат, — переводами с английского песен ведущих рок-исполнителей мира.

Английский я люблю с детства, изучать его начал еще в детском саду (был тогда такой эксперимент), начал писать стихи, и потом эти два моих пристрастия, соединившись с третьим — любовью к рок-музыке, вызвали к жизни эти переводы. Для меня текст любой песни всегда был неразрывно связан с музыкой, он давал мне возможность лучше понять замысел автора. Увы, оказалось, что многие рок-группы пишут стихи на уровне литературы абсурда. Но на этом пути ждали меня и настоящие находки. Короче, работа эта доставляла мне много удовольствия. И вот, отобрав лучшие свои переводы, я хочу предложить их вам.

Михаил ПЕРФИЛЬЕВ,
г. Ростов-на-Дону

СТЕЛЬМАШОК '90

ПРЕДСТАВЬТЕ СЕБЕ

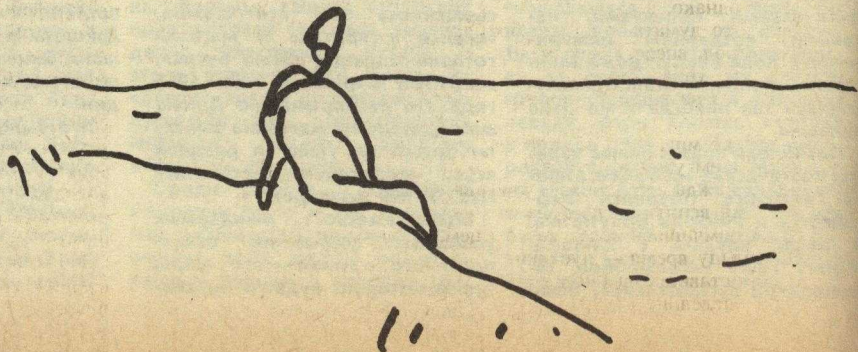
«Юрая хип»

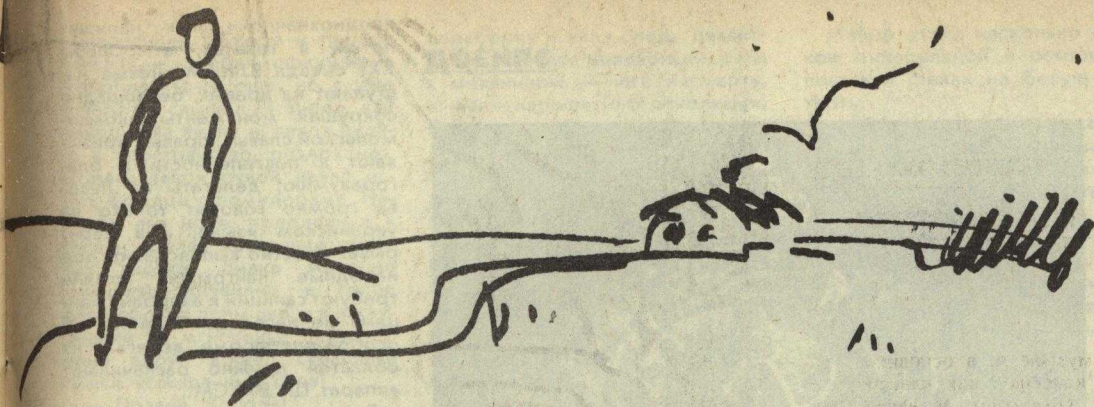
ИЮЛЬСКОЕ УТРО

Снова здесь я июльское утро встречал,
В этом месте любовь я искал.
Разгоняя туман, новый день нарастал,
Солнце плыло — кровавый кристалл.
С первым звуком запевших в саду соловьев
Я покинул сегодня свой дом.
Впереди — путь-дорога и шепот ручьев,
Позади — ночь, тревога и шторм.

И окрепла с рассветом решимость во мне:
Я тебя разыщу — наяву, не во сне!

Как искал я любовь в самых разных местах!
Не оставил в покое ни камня.
Твое имя храня на застывших устах,
Я полсвета измерил шагами.
Но среди тысяч лиц, что увидел мой взор,
Никого, никого я не встретил,
Кто сумел бы найти, угадать тот костер,
Что горит, обжигая и светел,
Что пылает, пылает горячим огнем
В моей страстной душе, в жарком сердце моем.

Джон Леннон

ПРЕДСТАВЬТЕ СЕБЕ

Представьте, люди,— нет на свете рая,
И ада нет.

И только в вышине
Над нами небо чистое сияет,
Забывшее навеки о войне.

Представьте, люди,— нет на свете стран,
И нет границ, стянувших землю туго,
И нет ни мусульман, ни христиан,
И нет причин, чтоб убивать друг друга.

Представьте, люди, что свободны все,
Нет алчности и зависти в помине.
Газеты нам на первой полосе
Расскажут, что мы все равны отныне.

Представьте, что никто не угнетен,
Нет рабства и бесправия на свете,
И самым главным прием мы закон,
Что нам самим принадлежит планета.

Вы скажете, что я большой мечтатель,
Но я в своей мечте не одинок.
Настанет день — все люди будут братья,
А мир единым будет, как венок.

«Пинк фloyd»

ВРЕМЯ

Как быстро время мчится, слышишь?
Как сер и жалок весь твой путь!
Зачем ты ждешь знаменья свыше,
Чтоб совершить хоть что-нибудь?
Устав от лжи и от безделья,
Лениво смотришь за окно,
Летят неделя за неделей,
Тебе, однако, все равно.
О чем-то думать — просто бремя:
Ты молод, впереди вся жизнь...
Впустую убивая время,
Хоть раз на годы оглянись!

Настанет миг, и ты прозреешь
И с диким ужасом поймешь,
Что с каждым годом ты стареешь,
А время вспять не повернешь.
И ты помчишься вслед за солнцем,
Но солнцу время — пустыки.
И ты оставишь на оконце
Свои последние стихи...

Жизнь коротка — какая жалость!
Где время нам еще найти?

Все планы — планами остались,
Лишь в мыслях пройдены пути.
Как только безрассудность эта
Смогла для нас привычной стать?
Прожита жизнь, и песня спета...
Что я могу еще сказать?!

«Пинк фloyd»

СИЯЙ, БЕЗУМНЫЙ АЛМАЗ

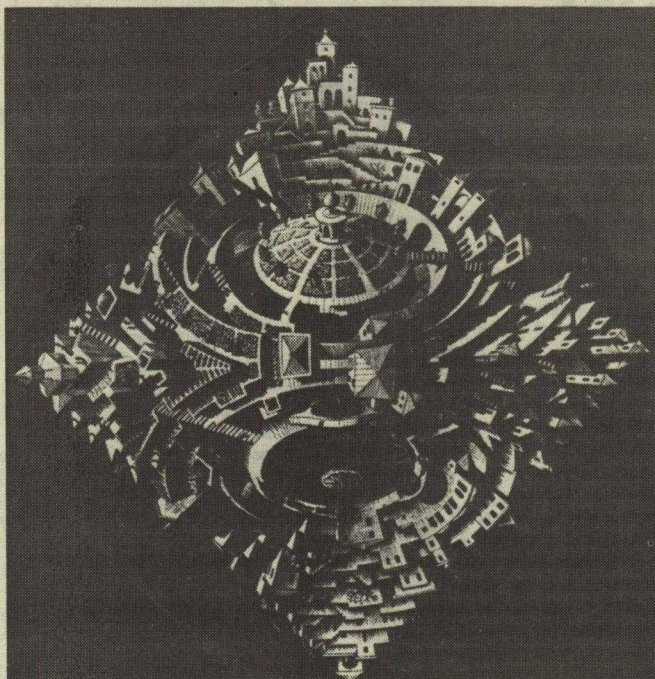
Песня посвящена Сиду Барретту,
основателю и руководителю группы
в первые годы ее деятельности, пав-
шему жертвой собственной славы
Ты сиял, словно солнце, когда ты был молод.

О безумный алмаз, засияй!
Нынче взгляд твой потух, в нем безвыходность,
холод...

О безумный алмаз, засияй!
Под огнем перекрестным и детства, и славы
Растерзал тебя бешеный бриз.
Вознесен и осмеян толпой для забавы,
Легендарный бродяга, вернись!

Слишком рано познал ты сей жизни секреты.
О безумный алмаз, засияй!
Окруженный теньями, стремящийся к свету,
О безумный алмаз, засияй!
Не угасла еще в нашем сердце надежда,
Что вернет тебя бешеный бриз.
О художник, вернись, засияй, как и прежде,
О трубач и невольник, вернись!

Где ты есть, победитель и сам побежденный?
О безумный алмаз, засияй!
Я найду тебя, мученик, славою рожденный.
О безумный алмаз, засияй!
Мы согреемся в отблесках славы минувшей,
Станет другом нам бешеный бриз.
О пророк и насмешник,
О пленник иллюзий,
О творец и искатель, вернись!!!

МАЙОР, КОТОРЫЙ ЖИВЕТ НОРМАЛЬНО

В голове ощущение ватности. Предметы, понятия, люди — неопределенные, расплывчатые. Кажется, они есть, и вдруг наяву ощущаешь, как расплзаются их отточенные грани, утрачивают четкость строгие прежде линии. Странно все это: незыблемые монументы, ясные определения — вроде ничто и никогда не изменит их

формы и сути, но стоит вот так, мысленно, изогнуть, растворить в пространстве одну-две главные опорные линии, и уже нет четкости, исчезла монументальность, осталось нечто бесформенное, непонятное...

— Мысли вслух на заданную тему, — иронизировал я над собой, понимая, что все это лишь отпечаток реальности, «бурной и

неоднозначной», как напишут потом в газетах, атмосферы XXI съезда ВЛКСМ. Левые наступают на правых, беспощадно сокрушая монументы «комсомольской славы», правые призывают к постепенности и благоразумию; делегаты из Львова громко говорят только на украинском языке, а в перерывах яростно выплясывают под народные наигрыши, армяне требуют санкций к азербайджанцам, ленинградцы заявили об особой платформе, делегаты из областей дружно раскачивают аппарат ЦК ВЛКСМ...

Все уверены, что только они знают истину, а остальные если и не враги, то обязательно аппаратчики, бюрократы, националисты или же просто дураки. Все потеряло устойчивость, определенность, чтобы прийти в хаос, перебродить и, отстоявшись, обрести, наконец, новую форму, цель, содержание...

Счастливый, что выбрался из этого шторма, я усаживался в кресло еще пустого, накрахмаленного ресторанный зала гостиницы «Россия», как вдруг услышал: «У вас свободно?»

«Да, конечно, разумеется», — машинально сказал в ответ и только потом рассмотрел своих соседей по столу. Молодой, подтянутый, в облегающей, аккуратно сшитой форме майор — я знал, что вот так естественно и красиво форма сидит на людях особой военной косточки, интеллигентах офицерского корпуса, — рядом с ним светловолосый, с голубыми глазами, парень в гражданском.

«Навоевался, видать, командир вволю. Одних нашивок о ранениях целая пирамида, — думал я, разглядывая майорские аксессуары. — Да и знаков отличия целая грудь...»

Официантка взяла заказ и со словами: «Мальчики, я быстренько вас, и все самое вкусненькое...» исчезла в лабиринте из столов и стен.

«Неужели еще такие остались», — отреагировало вслед ей мое подсознание, однако соседи по столу завели непринужденный, казалось, только что прерванный разговор о съездовских дебатах, и мои мысли вновь вернулись к исходному рубежу.

«Интересно, что все-таки, в самом деле, думают эти ребята, прошедшие Афганистан, израненные, пострадавшие, глядя на бои и толкотню у трибун, на левых и правых, анархистов и синдикалистов...»

— Вот, мальчики, закусочка — помидорчики, рыбка, вот

минеральная... Скоро и первое привезу, — добрая официантка говорила что-то еще, но я уже ничего не слышал. Я видел, как майор взял вилку и, глядя куда-то в пространство, поверг нас, второй, левой рукой начал искать блюдце с помидорами. Нащупав его края, пододвинул к себе и сделал несколько пробных укалов. Вилка жалобно звякнула, ткнувшись в голое фарфоровое доннышко, и в наступившей на мгновение паузе до меня вдруг дошел страшный смысл услышанных слов:

— Правее, Володя!

Это сказал парень в гражданском. Майор чуть-чуть повернул кисть, продолжая смотреть куда-то поверх наших голов, и вновь резко ткнул вилкой в блюдце — на этот раз прямо в помидорные дольки. Оттого, что он, наконец, нашел эти помидоры, майор улыбнулся и как-то виновато повернул ко мне лицо в широких затемненных очках.

«Слепой, он слепой!» — мое смятение было столь велико, что я перестал соображать, и лишь ноги, руки, мысли, слова начали наливаясь невообразимым ощущением холода и мороза. Это состояние обморожения продолжалось целую вечность, я даже не помню, когда оно кончилось. Память зафиксировала лишь следующий виток физических ощущений: медленно оттаивало все тело, а к лицу подкатывал раскаляющийся огненный шар нестерпимого стыда за себя, за нашу жизнь, за нашу всеобщую и неисправимую вину перед этим стройным и повальному элегантным майором.

Мы уже о чем-то говорили, а в моем подсознании все крепла эта вина, смешанная с горечью и стыдом. Мы потом распрощались, но вина не только не исчезла, а наоборот, проросла корнями в самое сердце и теперь мне с ней уже не расстаться. Это я знаю точно.

Но тогда все было иначе. Я сгорал со стыда за свою полнотенность, а Володя, как ни в чем не бывало, говорил мне о пережитом, никого не виня и не упрекая. Был момент, и я это почувствовал, что многое вокруг нас он видит четче и яснее, чем видим и чувствуем мы, зрячие.

— Поступил приказ, мы вернулись в цепь для атаки. Я сидел на командирском месте в БМП, сзади, в отсеке — десантники. Когда вскочил на дувал, душман ударил из гранатомета в упор. Снаряд, как нож масло, прошил башню, пробил

переборку и упал среди десантников. Они все целехоньки, а мы с механиком... — его насмерть, а меня изрешетило осколками. Потерял сознание, наступила черная ночь...

— Валяясь по госпиталиям, думал, не встану. Пространство сжалось до бесконечных операций, до первого шага в темноте. Время и свет остановились на последней цветной картинке: освещенный лиловым утренним солнцем песчаный дувал, мерцающий в стеклах командирского триплекса...

— Привыкнуть к темноте нельзя, можно смириться, принять темноту как должное, как судьбу. Но ты знаешь, страшнее другое. Когда я выкарабкался, я подумал: а зачем мне жить, кому я такой нужен — слепой, перебитый весь. Но министр обороны подписал приказ, и меня оставили в кадрах. Служу в Житомире, в Доме офицеров, преподаю на курсах. Меня не бросили. Но помню, в те дни почти ничего не писали об Афганистане, а я ездил, выступал, рассказывал правду об этой войне. Так потом некоторые в кабинетах начали говорить: зачем возите слепого, людей смущаете, пусть люди нормально живут. Когда узнал, пережил самые страшные минуты...

— Конечно, мы, кто прошел Афганистан, друг за друга держимся. В одиночку трудно прожить, да и спянуть можно. Это факт. В Житомире у себя мы даже газету выпускаем — «Эхо», 20 тысяч тираж. Расходится за полдня. Из выручки помогаем ребятам — «афганцам»...

— Спасибо, конечно, комсомолу. Не знаю, как где, а у нас каждый «афганец» так скажет. Ту же газету — разве мы пробили бы без горькома? Вот и Дима Иванкин рядом со мной, второй секретарь Житомирского горькома комсомола, на съезд приехал специально ради меня...

— Сейчас жить можно. Я ведь и семьей обзавелся. Познакомился в Житомире со своей Полиной, поженились, сын растет — Паша. Паша и Поля, хорошо, правда?! Так что все нормально...

Меня вновь, словно молния, обожгла мысль: ведь майор Володя никогда не видел свою Полину и своего Пашу. Никола! И это нормально?!

Дима Иванкин сразу понял, почему я замолчал.

— Знаешь, как Володя все чувствует?! Он даже по-особому все видит. И сына, и жену видит...

— Да, я их хорошо вижу, не знаю даже, как это происходит...

Майор отпил несколько глотков минеральной и осторожно поставил стакан на белую скатерть.

— Я здесь солдатика своего встретил. Узбек, хороший парень. Узнал он меня, подошел и говорит: командир — это я... А вообще на съезде суестьи много, разговоров, недоеврия. Надо пережить все, перетерпеть. Ведь все хотят, чтобы было лучше...

— А вообще я одно понял после всего. Главное — выдержат, удержатся, не стать подонком. Меня такое зло разбирает, когда сейчас об Афгане туфту пишут, из тюрем выпускают тех, кто нам в спину стрелял, кто продался духам. Всех прощать нельзя, но прощают ведь, а каково нам все это видеть и знать?! Нет, я терплю и подонком никогда не стану...

Володя замолчал и вопросительно повернул ко мне лицо, словно посмотрел пристальным взглядом. В его темных широких очках я увидел свое отражение и понял, что он видит и знает больше меня, может быть, больше всех нас, зрячих. Мы живем вслепую: строим, чтобы разрушить, разрушаем, когда надо строить. Странно, но моя вина перед ним и перед всем поколением «афганцев» обрела непонятную силу: все стало ясным и четким, строгим и определенным, как сто, двести и триста лет назад. Я мучительно искал истоки этой силы и даже боялся ее, особенно когда в висках стучала въевшаяся в сознание фраза: главное — не стать подонком, не стать подонком, не стать подонком...

Где-то далеко за стенами, переходами и коридорами продолжался съезд, к трибуне один за другим выходили ораторы. Мне было легко и ясно. Я был рядом с майором Владимиром Прушковским, который живет нормально, потому что никогда не был подонком.

Василий ДРАГОВЕЦ
Москва — Минск

МАЙОР, КОТОРЫЙ

ЖИВЕТ НОРМАЛЬНО

разыскивается

наследник

СЛАЩЕ

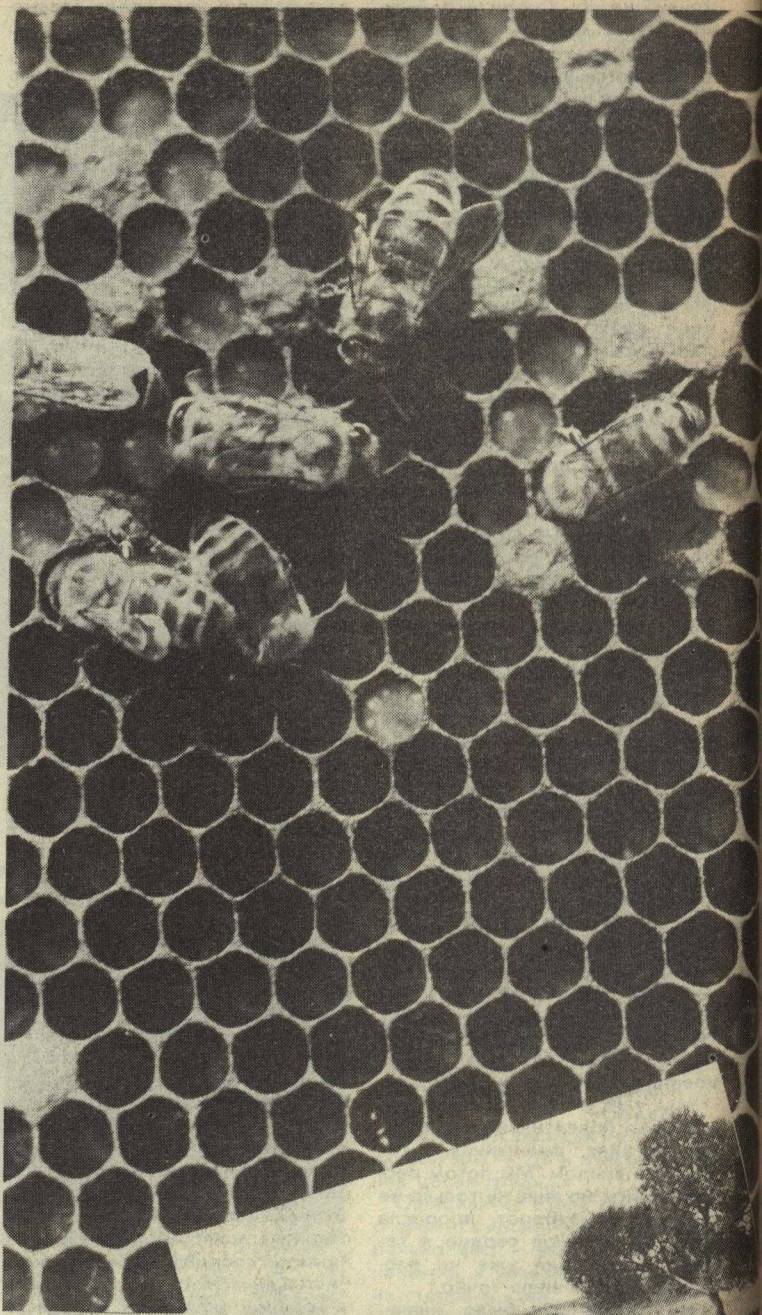
МЕДА

Александр Семенович жил долго и состарился. На свете почти не осталось людей, которые помнили бы его молодым. Да и сам он то и дело поговаривал, что пора собираться в дорогу, которую преодолевают не своими ногами. Но всякий раз, открывая улей, подолгу дышал целебным пчелиным духом, поскольку не был верующим и не мог просить у Царя небесного еще хоть бы пару месячишков — ну, до весны, до апреля так...

Трудно писать таким старикам письма. Всякий раз думаешь: а вдруг?.. И при встречах прощаешься, словно навсегда. А он — умница мой, мой хороший! — восемь лет уже отпускает мне грехи за недобрые мои мысли. И забыла бы о каком-то красном дне календаря — но вот конвертик с прыгающими буквами и густо написанным листком: «Здравствуйте, Многоуважаемая Ирина Кузьминична и Многоуважаемый Супруг Ваш и Детки!..» Всякий раз вот так приветит он нас каждого большой буквой — и сажусь я писать письма всем знакомым старикам и старухам, переполненная виной за их слезящиеся глаза, несладкие речи, неверные походы — вообще за их трудные верченые жизни.

Не знаю, почему именно после писем деда Ключева обуревают меня такой порыв. Может, потому, что неизменны еще две прописные буквы в его посланиях — в слове Совесть и в слове Душа. Эффект не умаляется от того, что стоят слова в самых проходных фразах — «от всей Души благодарю...», или «чтоб Совесть моя была чиста...» Как-то совсем наоборот.

Но вот минули Октябрьские, вспомнила я, что и на Май ве-

сточки не было никакой,— и села за письмо сама. И все нет и нет мне ответа... И томит меня почтовый ящик, как если бы потеряла я нить судьбы очень близкого, родного человека. Хотя, если только по родословной судить, Александр Семенович совсем чужой мне. В самом прямом смысле слов — рыночное знакомство.

...Рынок был как рынок — минская Комаровка. И дед был как дед — седенкий, с белой, почти сливающейся с медицинским халатом, бородкой. Чем-то мне понравился этот доктор Айболит в медовом ряду. А в меде я все равно ничего не понимала. Самый выгодный покупатель: чтобы обжудить меня — и глазом моргать не надо. Признаться в этом, конечно же, я не стала. С видом знатока оценивала я и запах меда, и цвет. Потом уж, снисходя к хозяину, спросила совета, какой лучше взять маленькому ребенку. Нужен был именно маленькому. Старик вздохнул, позакрывал свои многочисленные бидоны и развел руками:

— Вот маленькому-то у меня и нет. Попродал. А тот, что остался, заострый будет. Может горлышко закраснеть.

Он двинулся было к кастриле, что стояла на прилавке, и даже взялся за ложку, но решительно бросил ее.

— Нет, маленькому не дам. Стану переживать потом... Если б на одной улице жили, так поинтересовался б, как там дела, а в большом городе пошел человек от тебя — как в воду канул. Одни мучения для совести... Все ж — ребеночек...

И повел меня дед к какой-то толстой тете. И велел он ей дать мне «липки» в одну баночку, а «пустырьника» в другую. «Липка — на простуду. Пустырьник — на сон». И пошел к себе, украшенный тремя халатными бантиками на опавшей спине. В восемьдесят лет он еще вполне бодро ходил — даже полы развевались.

Растроганная дедовым вниманием, вернулась я к нему с благодарностями, да произнести их не довелось. Вокруг старика кружила толпа человек в двадцать, а сам он стоял за прилавком, как за кафедрой.

Картину эту наблюдала я потом много раз, знаю, как формируется аудитория.

Вот сидит дед Ключев возле своих бидонов, отличаясь от других торгующих разве достоинством, поскольку народ к себе не заывает. Но вот Бог

дает ему покупателя. Такого же невежественного в медовом деле, как, к примеру, я. Старик невежество это улавливает сразу, сколько ты поднесенную к твоему носу ложку ни нюхай и как уж там ни разглядывай цвет.

— Вы уж скажите, для чего медок надо — так покушать или на болезнь? — не выдерживает он.

Так кушать медок нам, как правило, дорогогато. Перечисляются хвори. У одного — желудок. Другой третий месяц кашляет. Третий — сердечник. Четвертого не берет сон. Пятый чувствует, что заболевает, — всех на работе скопил грипп. У шестого другая беда — все время носик мокрый у ребенка, сопельки...

Ах, носик! Этому помощь имеется! Есть такое средство — называется забрус. Это восковая печатка вместе с медом. Куда насморк только девается! И при ангине хорошо! А от гриппа — первое средство. Нет, это не дед Ключев придумал, что вы! Это всемирно известный американский врач Жалдис установил, что в забрусе большое количество бактерицидного пчелиного яда — первого средства при всех простудах и вирусах. Вот, пожалуйста, книга — удостоверьтесь на здоровье. Поскольку обидно даже, что наш народ от такого эффективного лекарства по непростощенности отказывается.

А у вас, говорите, что за проблема? Желудок? А какая, простите, кислотность? Так... Здесь достается статья ленинградского профессора, который медом даже язвы залечивает без всяких операций. И вот какая удача! Как раз есть у деда подходящий подсолнечный мед. Специально ульи возил на колхозное поле, как только эту статью прочел. Погрузил на крышу три штуки — и поставил. Чистейший подсолнечный! Не выгоден он, правда, чертяка! Дешевле обычного. Но очень уж увлекательная идея — медом, без операции!..

Сердечникам же ничего нет! Был, но продал! Сердечникам надо пустырьник брать. Так и называют его — «сердечная трава». Богатая травка! Когда пустырьник цветет, с ним наравне пчелка берет только малину. Умные пчелки-то, выбирают всегда что получше. Вот, например, болгарский ученый Младенов, который книгу написал «Мед и медолечение», вот он...

Ну, как, скажите, тут не останутся всем хворым и болез-

ным, и тем, кто не хочет болеть?.. Почему б на всякий случай не поглядеть как именно нужно скатывать «рурочку» из бумаги для ингаляции при бронхите или не осчастливить советом какого-нибудь знакомого язвенника? Так ли часто, господи, нас просвещают? Да еще и доказательства дают в руки? А лекарство вот оно, на прилавке!

Надо ли говорить, что у деда Ключева всегда полно своих клиентов? Они-то, оповещенные о его приезде загодя, и разрешают последние колебания столпившихся покупателей. Раздвигая их по праву знакомства с продавцом локтями, клиенты эти выставляют из своих хозяйственных сумок пустые трехлитровые банки, забирают полные и без сожаления расстаются с сотней рублей, а иногда и поболее. Всякий раз, принимая от них тару, дед спрашивает:

— Постерилизовали?.. Если нет, так вы прямо скажите, а то мало ли какая дрянь попадет — на меня потом человек обижаться будет.

Те банки, что несет он с собой для непредусмотрительных покупателей, стерилизует над паром сам. Каждую потом закрывает крышкой. И трижды напоминает, что полиэтиленовую крышку чем побыстрее надо с меда снять, чтобы не выделялась в полезный продукт «всякая погань».

Все эти мелочи — от стерильно белой его бороды до стерилизованных баночек, от первого вопроса до советов вдвогонку — очень располагают небалованных наших покупателей. Но и торгующих не отталкивают. Поскольку и тем, и другим слаще меда внимание и непроданный интерес старика к людям. Да и медок у него хорош. Нашлось этому как-то и профессиональное подтверждение.

Александр Семенович привозил мед на минский рынок дважды в год — весной и осенью. В Кривом Роге, где его дом и хуторок от города неподалеку, большого покупателяского спроса не было, поскольку у многих свои ульи. В Минске же жила сестра, которая его недельки на две «приючивала». Вот в один из его приездов явилась я на базар за своей банкой — что-то особенно хорошее дедом было обещано: мед с японской вишни. Деда за прилавком не было — терпеливо дожидался его какой-то мужчина. Я же

решила времени не терять — пройтись по рынку.

— Не уходите! — буквально вцепился в меня ожидающий. — Вы такого меда ни у кого не найдете! Поверьте мне! Я сам пасечник — огромная государственная пасака у меня. А мед из года в год у этого хозяина беру, банки три-четыре беру. Его мед действительно лекарство. По совести работает старик.

— А вы что же?

Пасечник обиделся. Потом все же решил оправдаться.

— Пчела, как человек, — сказал. — Она тоже трудиться отвыкает. Что ей над цветком уродоваться, когда она знает, что и с сахара даст свой план? У нас с ними одна дисциплина...

Он помолчал немного и спрашивающе ради добавил:

— Хотя, конечно, и у деда этого выход меда не меньше... Но он же и таскает эти ульи то в лес, то в поле, то в сад, то снова в лес... А нам зачем? У нас и так принимают. Устраивает, значит, государство...

И взял пасечник у деда три банки меда, который устраивает его лично. Сверху бидона попросил дать, поскольку специалист, знает: сверху-то и скапливаются самые полезные вещества.

— Не продавали бы вы ему мед, — сказала я деду. Да он не столь категоричен, как я. Больно уж длинная жизнь за плечами.

— Приказ есть приказ, — сказал, вздохнув. — Все под начальством ходят. Плетью обуха не перешибешь, дочка.

Это — не дедов принцип. Это — снисхождение к человеку, наработанное трудными годами. Дедовы принципы другие. В защиту их он как-то в министерство письмо отправил. Почему нынче украинский медок не получает Парижских медалей, как прежде. В прошлом металлург, написал статью в «Правду» — «За бережливость наших руд». Звонит однажды — возмущенный, переполошенный: срочно сюда, на Комаровку, и с фотокорреспондентом! Безобразия какие! За каких-то сто рублей готовы до смерти довести народ!

— Что такое? Что случилось?..

— Да вот, — объясняет дед, — любопытство меня разобрало: где ж это в конце апреля поспел свежий мед? Стоит, понимаете ли, парень — молодой такой, красивый — и торгует жидким. Еще и сады не отцвели, а он уже собрал! Гляжу я,

а это он тот откачал, что на зиму пчелам оставляем! Он же с ядом, с химией!.. Это же неизвестно, что с человеком стать может! А он еще талон свой мне в нос тычет — прошел, значит, проверку! За сто рублей он ее и прошел!.. Так и сказал я дирекции, что я их с работ снимаю за вредительство — через пятнадцать минут тут корреспонденты будут! Нет, людей травить я не позволю! И не позволю черное клеймо ставить на нас всех, кто своим трудом пользу хочет сделать, а не вред!

...Когда я приехала, Александр Семенович сидел уж на стульчике и блаженно улыбался. Победой его были довольны и все торгующие. Парень-вредитель спешно выволок все свои бидоны и, не дожидаясь корреспондентов, уехал. Администрация рынка, дорожа работой, дружно ушла обедать — все двери были на замках.

— Молодец дед! Дал им прикурить! Тряхнул стариной! — говорили продавцы, расходясь к своим весам. Некоторые итожили: — Ста-а-рое поколение!

В тот день дед не стал уж больше торговать. Вздурожженный своей победой, взял он «полвыходного» и пошел делать себе подарок — купить пишущую машинку. Инфаркт перенес недавно, совсем ослабла рука — сам с трудом разбирает свои «каракули», какво же людям? Пишут-то многие. У одних пчелки приболеют — нужен совет. Другие лечением интересуются — как им не ответить? Ну, а взялся — так надо ж все сделать аккуратно!

Значение этого слова в понимании Александра Семеновича гораздо шире и глубже, чем определено словарем. Он и произносит его, несмотря на свою немалую образованность, «какуратно» — сливая, с «как надо», с «как положено», с «как будет хорошо». Сам же выдвигает догадку: может, словечко это не от «какурата» пошло, а от «ура!» — клича его молодости.

Партизнец с 1932 года, он подхватывал это «ура!», свято веруя, что ведет оно нас только к победе. И тем, в ком свята вера в победность сегодняшних кличей, не стоит, наверное, судить старика за то, что шлях, который он утапывал вместе со своим поколением, оказался окольной тропой. Хорошо б, конечно, чтоб наша новая магистраль привела нас в рай...

Да кто и нынче располагает такими гарантиями?

...Снимал, снимал когда-то безусый Сашка Клюев колокола и кресты. Дважды в голодные тридцатые годы бросали в украинские села на хлебозаготовки — возвращался весь во вшах, серый, кожа да кости, водяные мешки под глазами. Работал и на рудниках, и кузнечом. Строил доменные печи. Был и мастером, и начальником цеха — «все по черной металлургии». К концу тридцатых направили его на военный завод в Кривом Роге. Тут и война. Завод эвакуировать надо. Когда собирал его на платформы, дважды чуть «под репрессии» не попал. Да и до того — вот это с удовольствием я подчеркну — ходил по краю со своей «какуратностью». Церковь жечь местным не велел, как приказывалось сверху, — «зачем, хорошее же какое, старинное строительство!» И заготовительский свой паек до конца не выбирал — совестно было перед голодными, «так уж брал, чтоб не до конца помереть». И зерно изымал по этой шкале — чтоб протянули люди до весны, до крапивы, до лебеды, до ягод. Многим это не нравилось, хорошо, хоть между собой только упрекали в лояльности.

А завод... Разве это дело — станки прямо на платформы бросать?! Хоть доски подложить надо! А где доски взять?! Велел рабочим своего цеха ломать двери, их под станки подклаивать, иначе же не станки доедут, а лом. По десять тысяч бомб между тем на этих станках выпускать можно! Ломали двери. А ему тут же: вредительство! Еще и войны нет, а он уже народное хозяйство разорвал! Не выдержал Клюев, ворвался в директорский кабинет, что думал, то и сказал. Бронза, другие ценные металлы и сплавы в цехах лежат — это первое, что вывозить надо! Охраны нет — грабеж пошел! Бригадиры зарплата не платят людям, себе присваивают! Эвакуационные удостоверения сопровождающим эшелон выписать некому — всех же как дезертиров в дороге снимут! Надо ж все делать какуратно, иначе ж выйдет из всего этого пшик!..

Так сказал, потом уж и огляделся: а в директорском кабинете стол накрыт — пир! И рыба, и икра, и коньяк!.. Молчат все. Он вышел. Посидел в «предбаннике», где обычно секретарша сидела. Чего дале-

ко уходить, раз все равно — «с вещами»? Но никто не вышел к нему. А на столе как раз эвакуационные удостоверения лежали. Он своим рабочим их взял, украл просто. Все равно уж было. Потом ботинки спецовые снял, халат рабочий новый, еще кое-какие мелочи — и отдал крохобору-бригадирю, чтоб тот людям выплатил деньги. А сам туфли модельные, с чужой ноги жертвованные, надел. В них и бегал девять дней и ночей, не разуваясь, формировал эшелон. Пузыри на ногах — малы ботинки! А в голове еще мысли дурные: вдруг ревтрибунал будет, сразу сошлют, и что ж на Колыме в этих туфлях-то поганых делать?! Но не тронули его. Может, потому, что пир этот чумной видел? Может, потому, что предложение пришло из обкома партии: Клюева оставить в партийном подполье?..

В подполье он не остался, хотя все говорили: оставайся, бомбят эшелоны, пропадешь! А здесь хоть какое-то, может, будет спасенье... Но он считал, что без него пропадет завод. Он же его собирал. Он знал, что к чему, как обустраиваться надо на новом месте... И хорошо, что поехал. Довез до Магнитогорска за тринадцать дней — никто не верил, ведь и в хорошие времена пассажирские поезда по двенадцать суток ходили. Довез!

До 1949 года задержали в Магнитогорске Александра Семеновича. Дали и награды. Да не тычет он их никому в нос. Так, иногда, вечером, под настроение посмотрит. Вот, правда, хотел телефон поставить, когда Евфросинья Васильевна умерла. Страшновато стало одному в доме — дети, внуки, правнуки приехали и уехали, а «скорую помощь» вызвать иногда надо. Но в телефоне ему отказали, записали двухтысячным... Настоящий вроде как из него вышел ветеран. Но что людей судить — в каждое время свои «указки».

Один только раз прорвалась у деда Клюева обида. Да и то не за себя. За репрессированного друга своего, замдиректора того военного завода, героя гражданской войны Терещенко. Пытался старик восстановить его доброе имя — не на бумагах, в бумагах-то реабилитация имеется, да только люди о том не знают, забыли людям сказать, что был он герой, а не враг народа, героем и остался... «...Подошли мы к финишу, —

писал мне в этой связи Алек-

сандр Семенович, — и отбросили нас, как те автомобильные покрышки, что пробежали много-много километров, а теперь — на обочину этот утиль, не стоит везти его в гараж...»

И еще писал: «...Только мы, старые люди, перетерпевшие много своих и чужих страданий, понимаем, какое нежное существо человек, сколько он, бедный, перенес всего... И замерзших я помню, и оголодавших, и умерших от окончания сил, и убитых — и все они в больших количествах. Я, может, потому и взял пасеку, чтоб хоть немного порадовать людей. Приятно мне представить, что вот кто-то принесет баночку меда в дом, сядут люди чай пить, спокойно им, тепло, хорошо, сладкая идет беседа... Большая это ценность — благополучие людей!»

Это он — в продолжение нашего разговора о парне-вредителе, позорно изгнанном с Комаровки. Эта мысль, не сразу давшаяся старику, взявшему после своей последней победы «полвыходного». Я спросила, помню, отчего, на его взгляд, старики совестливее молодых работают? А он сначала ответил: «Оттого, что традиция была другая, давняя еще выучка...» В давней этой выучке конкуренцию как источник честной работы отверг: «В селе-то был один магазин, не с кем хозяйну соревноваться, а всегда, когда ребенок сахар покупал, ему пачечку перевяжут и колечко для пальчика сделают, чтоб не обронил, не просыпал, донес домой сухим...»

О более поздних временах говорил: «Было все же у людей вдохновение для работы по-настоящему. Все же общество строили, заманчиво!» Добавил: «За жеребенком, хоть и хлопотно, да радостней ходить, чем за покалеченной лошадию».

И вот, наконец, додумал он свой ответ о совестливости каким-то одиноком длинным вечером — «не до человека».

Сейчас, когда так лихорадочно ищем мы в истории корни собственной безалаберности, «неаккуратности», неспособности к качественному труду и сводим все к уродливости экономической системы, дедовы рассуждения об обесценивании человека кажутся причиной третьей степени важности. Но мне представляется иначе. Пока мы не полюбим, не пожалеем друг друга заново, пока не сошьем колечко для детского пальчика на пачке сахара,

пока не поставим себе целью благополучие человека, не будет у нас ни хороших ботинок, ни отлаженных жилищ, ни здоровых продуктов — и останется покалеченной наша «лошадь». Может, для того, чтоб поднять ее, нужны и частная собственность, и аренда, и конкуренция, и расплата валютой, и еще что-то, чего я не понимаю. Но абсолютно точно, что нужны еще Совесть и Душа.

...Поскольку смотрит таксист-арендатор на женщин с малыши детьми и, периодически сплевывая, говорит одно слово: «Аэропорт...»

Поскольку приходит девочка-соседка — второй год работает, скопила искомые четыреста рублей, отдала кооператору на той же Комаровке за стеганое пальто — и плачет. Вот оно, постирано, три дня сохнет, никак не высохнет... Подпорол подкладку — а пальто из детских бумажных подгузников.

И тот парень, «молодой, красивый», что не дождался корреспондентов, торгует, конечно, на другом базаре ядовитым своим товаром. Ставки растут — может, ему пришлось заплатить за талон уже не сто рублей, а двести.

...И так мне не хватает в медовом ряду старика со стерильной бородкой и простерилизованными от всякой погани баночками. И так хочется получить мне письмо с привычными большими буквами, с оправданиями за неровные строчки и со старательными советами — кому с теплой водичкой мед пить, кому — с холодной, а может, печень у кого барахлит, так это надо улей поставить на акацию...

Дедовы ульи, которые разбили его машину чуть ли не вдрызг и немало «съели» бензина, пока возил он то «на акации», то «на малину», то «на пустырник», по завещанию должны отойти младшему его сыну — тоже Александру. Хорошие пчелы ему достанутся, не рахиты, которых держали на сахаре, не заморыши, истощенные клещом, нет, дедовы пчелы вылетают даже на снег и не замерзают. Но вот хорошо бы, чтобы не только их и не только имя принял в наследие младший дедов сын... Я бы у него мед покупала. А то взяла вот из чужих рук — да что-то несладкой выходит за медом беседа...

Ирина ПАВЛЮЧИК

Фото Якова МЕТЕЛИЦЫ

по сути дела

Моя самая большая мечта — стать манекенщицей. Слышала, что в Таллинне есть школа манекенщиц. Так ли это! Если так,

осуждать девушку, грезящую сногшибательным вечерним нарядом, аплодисментами, восхищенными взорами собравшейся в зале публики? Уверены, нет таких, кто бы не мечтал об этом. Или почти нет. Потому что

ту, сбить с толку какими-то там тренировками нереально, сообщаем, что желающим заниматься в школе при агентстве «Андрей Моделс», необходимо выслать туда четыре свои фотографии (18×24): портрет, снимок в полный рост в купальнике, такой же снимок, но в платье, и то, что называется характеризующим фото (снимок в полроста). Кроме того, вы должны указать свой рост, вес, возраст, параметры фигуры.

Но прежде, чем выслать все это по адресу: 200001, г. Таллинн, п/я 3240, вам необходимо знать, что, кроме привлекательности и умения хорошо двигаться под музыку, будущие манекенщицы должны хорошо владеть английским языком, быть не старше 23 лет и не моложе 17, а также выйти замуж лишь после того, как станут знаменитыми. Учтя, что, в силу естественных физиологических процессов, карьера манекенщицы и фотомодели довольно коротка и девушкам приходится думать о какой-то иной профессии, не прошедших конкурс просим не отчаиваться: проигрывая в одном, вы выигрываете в другом, на два-три года раньше «удачливых» соперниц сможете избрать себе дело по душе. Не забудьте, вы можете выбирать из 40 000 профессий. Дерзайте!

В чем суть профессии «жокей»!

Николай П.,

Волгоградская область

Жокей — профессия древнейшая, главная ее задача — испытание лошади на выносливость и добронравие, и человек занимается этим с незапамятных времен. На скачках и бегах жокей должен выявить лучших, самых-самых лошадей...

Наездником может быть любой (так уверяют тренеры), а вот жокеем...

Жокей должен быть невысокого роста, ведь чем меньше его рост и вес — тем легче лошади. Учеными уже давно доказано, что страх имеет запах. И лошадь этот запах чувствует даже в минимальных дозах. Гордое животное может укусить и сбросить труса, так что смелость — профессиональное качество жокея.

Жокей отбирает лошадей на селекцию. Именно он, в первую очередь, определяет: да, вот эта лошадь может стать родоначальницей, она сочетает в себе качества, которые необходимо сохранить и закрепить.

Нина ПРОКОПЧИК

RUSSIAN «GLASNOST» TOUR

Presents **H&M** Collection

gallery
LONDON

Andrey models
A G E N C Y

умоляю, сообщите, пожалуйста, адрес школы и условия приема в нее.

Татьяна Петрова,
г. Омск

Хорошо, когда у человека есть мечта. Тем более — большая. Вот только странно, что мечта эта влечет за собой не только Таню Петрову из Омска, но еще сотни, если не тысячи, ее сверстниц. О том, что профессия манекенщицы едва ли не самая популярная у сегодняшних 16-17-летних девочек, свидетельствует почта, приходящая в рубрику «По сути дела».

Не будем ханжами, стоит ли

кое-кому здравый смысл все же подсказывает, что манекенщица — такая же серьезная профессия, как, скажем, водитель троллейбуса или бухгалтер. И чтобы подняться на подиум, мало одной только эффектной внешности и ладной фигуры. Ведь тот или иной наряд соответствует определенному образу, стилю, а значит, и манере поведения. Вот почему в Таллиннской школе манекенщиц и фотомоделей «Андрей Моделс» такое серьезное внимание уделяют специальным тренировкам по гимнастике и хореографии.

Впрочем, понимая, что человека, имеющего большую меч-

КАК СОЛДАТ СОЛДАТУ,

или Открытое письмо писателю Юрию ПОЛЯКОВУ

Здравствуйте, Юрий Михайлович!

Только сейчас смог достать в библиотеке вашу повесть «Сто дней до приказа». До этого слышал отзывы о ней, и чаще всего ругательные. А в программе ТВ «Служу Советскому Союзу!» некий важный генерал со своими офицерами доказывал, что это (повесть) ложь, подрыв авторитета Советской Армии и т. д., и т. п. Поэтому читать стал с пристрастием, стараясь найти в книге отступление от правды. Искал и не находил. Все в ней от первого до последнего слова — правда. Но вопросы у меня есть.

В повести утверждается, что о дедовщине знает комбат Уваров. Он даже наставляет «деда», как воспитывать «молодых» без шума. В то же время замполит об этом — ни сном, ни духом. Вот тут я сильно сомневаюсь. Твердо убежден — вся дедовщина идет от офицеров, и от замполитов в том числе. Невероятно? Ну, тогда несколько примеров.

Я был еще в учебке. Как-то утром наш сержант Киреев разделил взвод пополам и устроил соревнования на скорость по преодолению полосы препятствий. Условие — победители верхом едут в казарму на победенных. Моя команда победила. Но когда мои товарищи оседлали своих «коней», я это сделать отказался.

Сержант заорал — выполнять приказ и не ввязать. Я не подчинился, мотивируя отказ тем, что это унижает человеческое достоинство. Глядя на меня, и другие ребята спрыгнули на землю. Через пять минут меня вызвал замполит. Был бы я простым рядовым, то получил бы несколько нарядов вне очереди. Но я был комсоргом взвода, и поэтому замполит на протяжении трех дней «воспитывал» меня, обвиняя чуть ли не в бунте. Главный аргумент — то, что я прилюдно обсуждал приказ старшего по званию, не выполнив его. Правда, официально меня никак не наказали, но нервы потрепали.

Другой случай.

Всем давно известно, что солдат в армии по своей воинской специальности используется процентов на десять. В остальном его рассматривают, как дешевую рабсилу. Так вот. В один из дней наш главный работодатель — старшина «Яша» — отсутствовал, и за «прорабские» обязанности взялся командир эскадрильи майор Илтубаев. Делал он это так: четверка «молодых» на уборку территории, а над ними «дед», который палец о палец не ударит, но зато проследит, чтобы «молодые» не сачканули. Это как бы негласная договоренность между старослужащим и офицером. Кстати, если бы обязанности распределял старшина, результат был бы тот же.

Я к чему? К тому, что у тех людей, которые неважно воспитаны, плохие черты при такой системе взаимоотношений развиваются и закрепляются. А тот, кто пойдет против системы, пусть пеняет на себя. В вашей повести главного героя свои одноклассники лишили на «товарищеском суде» звания «деда» и т. д. Но, в отличие от Купряшина, я решил это просто. Безошибочно выделив среди них заводилу, азербайджанца Васифа, я коротко и жестоко «выключил» его. Так, что потом никто уже и никогда не обсуждал со мной эту проблему.

Ну, вот, пожалуй и все. А вообще я как солдат глубоко благодарен вам, Юрий Михайлович, за вашу правдивую и смелую повесть. Для справки: служил срочную в Сибири с 1980 по 1982 гг.

Дмитрий ЕГОРУШИН,
г. Алмакы

БЕЗ ПОГОН НЕ ОСТАНЕШЬСЯ

Нигде не могу получить вразумительный ответ на вопрос: как будут (не будут) служить в армии студенты. Какая-то свистопляска получается. Одни говорят — раз в институте имеется военная кафедра, то студент служит два года офицером. Если таковой нет, то солдатом — один год (или наоборот). Другие утверждают: если получишь в вузе «офицера», то все ограничится сборами на три — шесть месяцев. Короче, объясните как

следует. Думаю это интересует многих.

Руслан Сиразетдинов,
почти 17 лет, потенциальный студент

Студент студенту рознь. И поэтому, чтобы в дальнейшем не путаться, вычленим их из общей массы заочников и тех, что занимаются на вечернем отделении. Эта группа подлежит призыву.

Итак, остались студенты дневного отделения. Они не призываются на службу. Но! Если тебя по какой-либо причине отчислят

из вуза — жди повестку из военкомата.

Далее. Если в институте (университете) есть военная кафедра, то студент вместе с дипломом получает офицерское звание. Его могут забрать или не забрать (по мере необходимости) на 3- или 6-месячные сборы. Здесь все решает военкомат.

И последнее — если в вузе нет военной кафедры, студент, после его окончания, призывается на 1,5 года. Затем ему присваивается звание офицера запаса.

были-небыли
**ИСТОРИЯ
НЕ ТЕРПИТ
ПУСТОТЫ**

Богатая история Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского, изложенная в школьных учебниках скороговоркой, в истинном своем обличье дает ключ к пониманию некоторых процессов, происходящих сегодня в Прибалтике и Белоруссии. Незаслуженно «забытая», она возвращается к нам духовным возрождением народов и сложными межнациональными проблемами. В этом номере журнала мы расскажем об одном из самых значительных событий истории этого княжества.

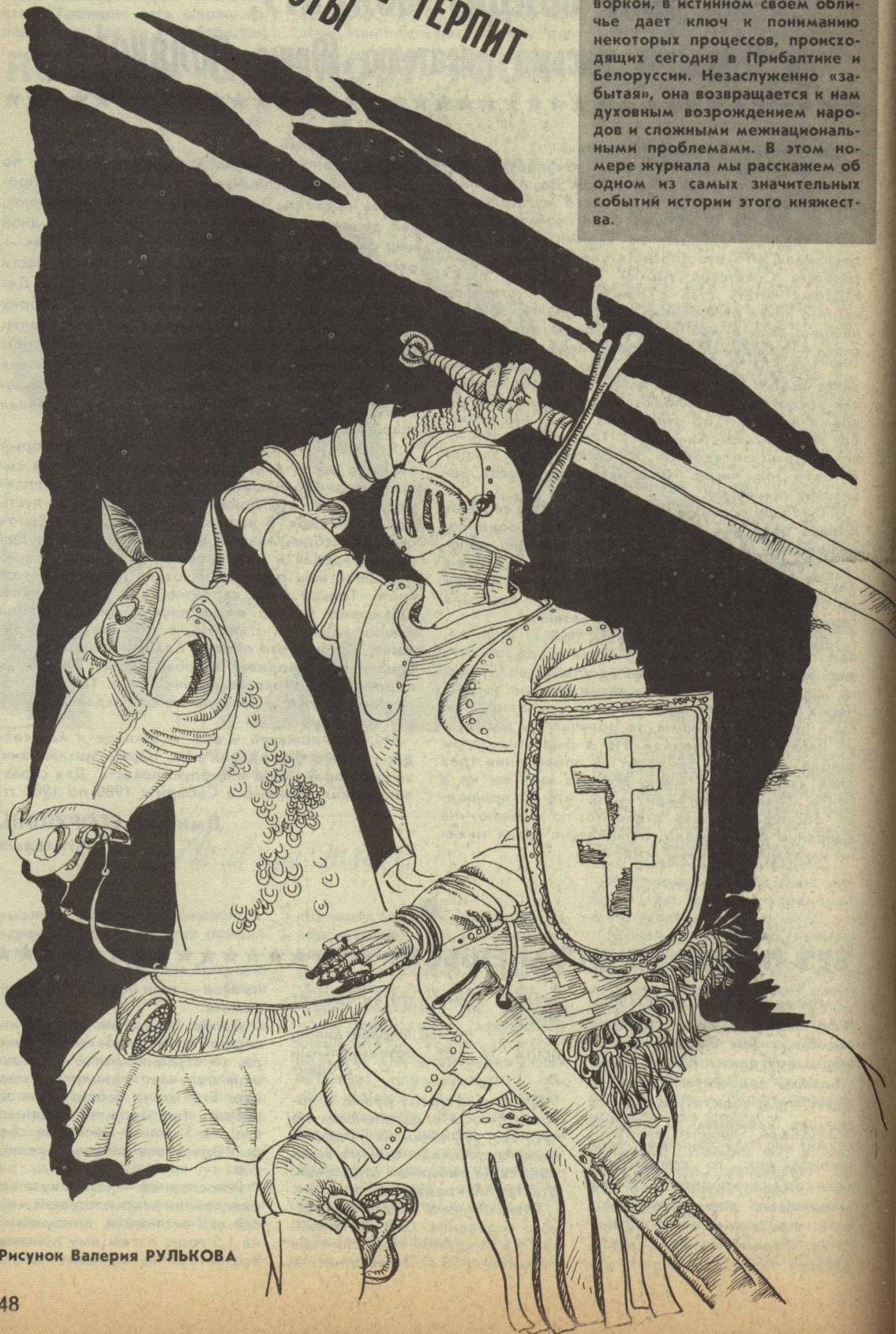

Рисунок Валерия РУЛЬКОВА

Кривопрлитные сражения — не самые лучшие моменты человеческого прошлого. Но многие из них стали кульминационными вехами подспудно накапливавшихся перемен. Одна из таких эпохальных битв произошла 15 июля 1410 года у деревни Грюнвальд (территория нынешней Польши). В масштабах всей Европы этот день знаменовал окончательный закат крестоносного движения. Правда, для магистра* Тевтонского Ордена Ульриха фон Юнгингена в то утро все начиналось вроде бы хорошо. Его полки первыми заняли вершины холмов на нешироком поле. Трепетали на ветру разноцветные хоругви, под которыми стояли стройные ряды закованных в сталь рыцарей Ордена, воинов-наемников из многих стран Западной Европы, немецких переселенцев-горожан, кнехтов-ополченцев из подвластных прусских и латышских селищ. Они ждали атаки спокойно: перед их боевой линией еще ночью были вырыты и прикрыты дерном глубокие ямы-ловушки. Они сбывают наступательный порыв противника, и тяжелая рыцарская конница довершит дело. Таков был расчет магистра.

А противник — соединенное войско польского короля Ягайлы и Великого князя Литовского

го Витовта — строился в боевые порядки на лесной опушке. На его правом фланге реяли алые полотнища с изображением герба Погони: скачущего всадника с мечом. Под этими хоругвями вышли на битву подданные Витовта — из Литвы, Полоцкой, Смоленской, Вольнской, Киевской земель. Маячили бунчуки небольшого отряда наемной татарской конницы. На левом фланге под королевским знаменем с белым орлом развернулись польские полки и наемники из Чехии. Казалось, вся Европа послала своих воинов на эту «битву народов». Но, прежде чем рассказать о самой битве, необходимо ответить на вопрос: что привело их на поле под Грюнвальд?

Во второй половине XIII века на территории современной Литвы и Белоруссии сложилось новое государственное образование — Великое Княжество Литовское, Русское и Жемойтское*. Оно стало одним из сильнейших в Восточной Европе, оказы-

вало мощный отпор экспансии крестоносцев с запада и успешно противодействовало татаро-монголам на востоке. Мало того: постепенно Великий князь Литовский Ольгерд и его брат и соправитель Кейстут отвоевали у ордынских ханов территорию современной Украины и часть центральной России. Происходили военные столкновения и с Северо-Восточной Русью, которая объединялась вокруг Москвы.

Однако особую опасность для молодого государства представляли крестоносцы Тевтонского Ордена. Под предлогом крещения язычников они завоевали значительную часть Прибалтики и стали постоянно вторгаться в славянские земли. После смерти Ольгерда и Кейстута, пользовавшись усобицей между их сыновьями Ягайлой и Витовтом, Орден завоевал Жемайтию. Великому князю Ягайле и Витовту ничего не оставалось, как помириться и пойти на тесное сближение с соседним Польским королевством, тоже страдавшим от соседства с тевтонами. В 1385 году была заключена так называемая Кревская уния — договор о государственном союзе Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского и Польши. Ягайло стал польским королем. Витовт принял власть над Великим Княжеством.

Фактически уже крещение литовцев (последнего языческого народа Европы) польскими епископами означало конец эпохи крестоносцев. Но Орден не собирался отказываться от завоеваний, и поэтому только решающее военное столкновение могло расставить все по своим местам. И оно состоялось.

...Взрели трубы, загрохотали барабаны, и литовская конница ринулась в атаку. Первые ее ряды заполнили своими телами ямы-ловушки. Но вторая, третья волны преодолели преграду и сошлись с противником в яростной сече. Рубились в страшной тесноте: ведь на холмистом поле поперечником около двух километров сгрудилось не менее 60 тысяч человек. Трещали копья, звенели мечи, врубались в щиты боевые секиры, лопались под чеканами шлемы... Конский храп, стоны раненых, воинственные кличи сливались с визгом стрел и лягом стали. Воины Витовта дрогнули и под напором тяжелой рыцарской конницы покатались назад. Лишь три полка из Смоленской земли (на стыке с польскими хоругвями) помешали крестоносцам опро-

кинуть все союзное войско. Несмотря на страшные потери, смоляне стояли нерушимо. В этот критический момент перешли в наступление на своем фланге полки Ягайлы. Крестоносцы вынуждены были прекратить преследование «литовцев» и бросили все основные силы против поляков. Но не устояли под их напором. Не помог и ввод в бой резерва, во главе которого шел сам магистр Ордена. Ульрих фон Юнгинген нашел смерть в сече, с ним полегли лучшие рыцари.

По утверждению польского историка XV века Длугоша, опрокинутое крестоносцами войско Витовта бежало до самой Литвы. Этого не могло быть. Тем более, что сам Длугош пишет, как после победы под Грюнвальдом Витовт и Ягайло вместе двинулись на столицу Ордена — Мариенбург. Идут споры и о вкладе в общую победу воинов тех или других земель. При всем разнообразии мнений, несомненно особые заслуги витязей белорусских и украинских земель. Ведь из сотки полков, которые вел Великий князь Витовт, в собственно литовских землях было набрано около десятка. Остальные состояли из витязей Вольны, Киевщины, Полесья, Полотчины, Смоленщины, Брянщины. И это именно три смоленские хоругви* (Смоленск был включен в состав Великого Княжества в 1406 году) не дрогнули в решающий момент.

Значение победы под Грюнвальдом не ограничивается только возвращением Жемайтии и полным прекращением нападений крестоносцев. Она имела более значительные политические последствия. Закрепилось начало Кревской унии сближения Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского с Польшей. Этот союз просуществовал почти четыреста лет. И на протяжении всего этого периода западные связи и влияния в жизни Великого Княжества преобладали над восточными. Конечно, отношения с Польшей и католическим миром складывались по-разному и далеко не всегда безоблачно. Но население Белоруссии и Украины устойчиво находилось в сфере западноевропейской цивилизации. Для формирования украинского и белорусского народов этот фактор имел решающее значение. Ведь наследие Киевской Руси было почти одина-

(Окончание на стр. 55)

А я еду.

видят смысл жизни в поисках самого себя.

Я вот читаю ваш журнал — все вы талдычите: не надо разбрасываться, надо с детства определяться, это необходимо для блага отчизны.. А то получается текучесть кадров, и государству ваши (т. е. наши) «полюты романтики» влетают в копеечку.

Опять, выходит, государственные интересы важнее личных. Думаю, я за долгую жизнь успею с государством рассчитаться. В конце концов, нельзя все измерять деньгами, тем более, свободу, счастье жить по своему, делать свой и только свой выбор.

С уважением

«летун» Алексей,
г. Стрежевой

Я прочитал и стал припоминать, когда это мы талдычили о том, что все измеряется деньгами, а выбор нужно делать чужой и только чужой. Признаюсь — не вспомнил.

А вспомнил своего старого приятеля Витю Кудина (назовем его так).

Нынче и физики в загоне, и лирики. Пришли иные времена — девочки мечтают выйти замуж за иностранца (желательно, шейха-миллиардера), на худой конец — за отечественного, но преуспевающего кооператора. И в почте редакционной все реже письма о томлениях духа, все чаще — просьбы: от «пришлите магнитофон и обеспечьте квартиру» до «найдите друга и накажите директора».

О меркантильные времена, о рациональные нравы!

И вдруг, как оазис в Сахаре, вот такое послание:

«Здравствуйте!

Бывают инвалиды с детства, бывают гении с младенчества. Я — со дня рождения — романтик.

Я — романтик, с полным набором присущих этой вымирающей категории людей качеств.

Со школьной скамьи я мечтал о большой и чистой любви, громкой славе и героической смерти. А когда подрос, мной овладела охота к перемене мест. Сначала ограничивался стихами (типа: «Ухожу я в туманную даль, никогда не вернусь обратно. Манит, манит цветная шаль и шальное бродяжье братство»), потом, когда не поступил в институт, и в самом деле бросил все и уехал на Север.

Работал много где: трудовая, несмотря на молодость, уже с вкладышем. Насмотрелся всякого. Вы, наверное, думаете — обычный «летун». Ну почему люди мыслят так трафаретно, разве лучше сидеть сиднем на одном месте всю жизнь, зарабатывая медаль и геморрой? Мы же все разные, и должны быть на земле непоседы, романтики, бродяги от природы, которые

Витя тоже был — если уж не романтиком с детства, то поборником личной свободы точно. Поэтому маршрут его жизни совпал с курсом Алексея — в семнадцать лет он уехал, не на Север, правда, а на Дальний Восток.

Витя уезжал из родного города, провожаемый всхлипываниями бабушки и не самыми лестными отзывами о его умственных способностях родимой матери. Воспоминания эти Витю тяготили, и в поезде, чтобы отвлечься, он с интересом прислушивался к разнообразным разговорам вокруг. Один разговор ему запомнился и понравился.

Беседовали двое: пьяный в куртке и трезвый с бородой.

— Мы, — говорил тот, что с бородой, — должны бороться за рабовладельческий строй.

— П-пчему? — интересовался пьяный.

— Потому, — развивал свою нетривиальную мысль бородастый, — что при рабовладельческом строе есть рабы, есть надсмотрщики, но есть и свободные люди. А у нас сейчас — только рабы и надсмотрщики.

— Разумно, — согласился пьяный. — Мудро. Но я не раб, — на всякий случай предупредил он. Подумал и добавил: — И не надсмотрщик.

— Нет у нас свободных людей, — не очень-то обращая внимание на реплики собеседника, ораторствовал бородастый. — Мы все рабы — не денег, так условностей... Привычки, дружбы, семья, связи, долги — мы в вечном рабстве...

— А я — свободный, — сказал пьяный. — Я от всего свободный.

Витя ушел в свое купе и стал думать: свободный он человек или еще раб. Думать мешали мысли о маме и бабушке.

В Находке Витя устроился вахтенным матросом на маленький траулер. Была зима, кораблик стоял в порту, служба заключалась в том, чтобы 8 часов торчать в тулупе на палубе. Кормили хорошо и платили сносно, можно было читать сколько влезет, что Витя и делал, пока сослуживцы пили.

Уволили его весной, когда выяснилось, что ему нет восемнадцати. В море малолеткам нельзя. Витя покрутился пару недель на берегу и вернулся домой.

Но свобода манила по-прежнему.

Свобода свободой, но надо было на что-то жить. Витя отнес документы в вечернюю школу (это давало отсрочку от армии) и устроился учеником на завод.

Завод был как завод, работа как работа; сетки кроватные вязать. Романтика труда Витю не захватывала, да, честно говоря, романтичного в его «прикроватном труде» было с гулькин нос. Через пару месяцев он перешел на другой завод, учеником наладчика, тут было поинтереснее, но нечаянно нагрязнула любовь, вставать в полседьмого утра стало совсем невмоготу, любовь требовала жертв, и, естественно, первой жертвой оказалась работа.

Любовь, однако, длилась долго, а безделье затягивалось. По утрам Витя выслушивал затяжные монологи матери: «Откуда ты такой взялся...», по вечерам — бабушки: «Мы в вашем возрасте...»

Скучно все это было. Скучно и неинтересно. Во всяком случае не так, как писали в книгах, которые читал Кудин в перерывах между вахтами. Приятели мечтали о больших деньгах, завидовали кооператорам и помаленьку фарцевали. Витя их не осуждал, но ему все это казалось туфтой, хотелось чего-то настоящего.

Прифарцовывать, однако, приходилось и ему — так, по мелочам, чтоб карманные деньги иметь. Визит участкового в их квартиру ускорил два события: бабушкин инфаркт и Витин отъезд за Урал.

Телеграмма о смерти бабушки нашла его в Магадане.

Несколько лет мы не виделись, встретились в Минске случайно. Стал Витя пошире в плечах, оброс рыжей бородой, а в разговоре прощакивало то и дело сибирское «однако».

— Из тайги? — не без зависти спросил я.

— Из тундры, однако, — отвечал он степенно. — Мы тут с ребятами нашими собирались недавно, они мне стишок написали: «Кто замуж вышел, кто — в тираж, кто — в люди. Из тундры вышел только наш Кудин». Класс?

— Класс, однако, — согласился я. — И как там, в тундре?

— А-а, — махнул он рукой. — Тундра — она и в Греции тундра. Травка не зеленее, солнышко ни фига не блестит.

Такая географически-литературная раскованность мне лично понравилась.

Витя достал сигареты, закурил, привычно прикрывая спичку от ветра.

— Приезжай вечером, с женой познакомлю, сына покажу.

Прекрасный получился вечер. Витя рассказывал свои истории, почти не пили, хмелели от всех этих удивительных названий — Ат-Урях, Сусуман, Буркандья... Редко за последнее время удавалось вот так посидеть — без натуги, без обязательной политики и старых анекдотов.

Из рассказов В. Кудина:

— Я в Магадане бригаду набрал на сенокос — все говорили: давай, самое прибыльное дело.

— А ты косил когда-нибудь?

— На ребят надеялся. Хорошие парни, я с ними в очереди за пивом познакомился. Алик и Коля. Алик алкашом оказался, Коля — эпилептиком. Но это я потом узнал.

Приехали в хозяйство. Все чин чинарем: договор, транспорт, инструмент. Отвезли в тундру.

Алик где-то отоварился, день ходил вдребезги, другой, потом неделю отходил и дергался. У Коли приступ случился не сразу, мы с ним пока Алика в два голоса поливали, но косили, махали косой, однако.

Сложили стог. Работа непростая, я на Алика надеялся, он в Магадане бил себя в грудь: «Шеф, ложись на меня».

Я положился. Косим дальше, приезжает председатель на вездеходе. «Работа идет?» — «Работа идет». Он к стогу, вдруг мат-перемат: «Раскладывайте, сено горит».

Ну, разложили. Точно — уже чуть не тлеет. Недосушили.

Сушим, складываем — горит. Еще раз сначала. Все лето этот проклятый стог складывали и раскладывали. Остались должны за продукты рублей по сорок.

Мы смеемся. Действительно, забавный случай. Витя начинает новую историю.

— Прибился я к оленеводам, пастухом. В бригаде одни эвны — они с детства этим занимаются. Для них 50 км за день след за оленьками пробежать — не расстояние. А я в первые дни, думал, дойду, вечером буквально падал с ног.

Постепенно втянулся, однако. И вот доверили мне стадо. Я от гордости в тот же день сотни четыре олешек потерял.

До конца сезона их разыскивали. В основном, нашли, совсем немного я должен остался.

— Отработал? — интересуемся мы.

— Пробовали заставить, — честно признается Витя. — Но, знаете, сидеть в тундре — удовольствие небольшое. Дождася попутного вездехода — и прости-прощай...

— Однако, — смеемся мы. Валя, Витина жена, уходит на кухню и исчезает там надолго. А Витя рассказывает:

— Это уже на БАМе было. Недалеко от Тынды. Жилья нет, я балак построил — хижину такую. Живу прекрасно, мороз — я печку топлю, раскоचेгарю, как атомный реактор, пышет.

Ну, вот, разогрелся раз, размлел и заснул. Просыпаюсь, носом повел — горит где-то. Глаза вверх — потолок тлеет. И прилично уже так тлеет, однако.

Надо тушить, а у меня воды ни капли. Я бегом к соседу — метров двести до его балка. «Горю, — кричу, — выручай». Он

так спокойно: «Я постирушку за-
теял, вода самому нужна».

Мы смеемся, вот оно — муж-
ское братство в суровом краю.
Забавно.

Вали все нет, чая тоже, и я
отправляюсь на поиски. Валя
стоит на кухне у окна и пла-
чет.

— Что-нибудь случилось?

Она не поворачивается, как
будто сама себе говорит.

— Вам хорошо, — говорит
она. — Вы приехали, поохали —
романтик, тундрак, Дерсу Уз-
ла. А мне каково? Женька его
не узнает, я ему: «Иди к папе»,
он в рев: «Это дядя, а не па-
па». Знаешь, что он привез?
Рога олени и баночку икры.
Два года, как дура, ждала, в ки-
но, может, три раза вырвалась:
работа, ясли, стирка, магазин,
кухня. А он мне наутро после
приезда: «Скучно вы тут живе-
те». Ему веселья хочется, а мне
денег, я платье себе последнее
купила года три назад. Ты мои
сапоги видел? Их уже в ремонт
не берут. Да я ему на дорогу
оттуда целую неделю искала —
никто в долг не дает.

— Не психуй, — сказал я. —
Он же приехал.

— Приехал... Заехал, а не
приехал. Что я, не знаю: месяц
пройдет, начнется: рутинка, скуч-
но, не могу так жить. Это я
наседка, мне дом нужен, а он —
романтик...

— Успокойся, — неубедитель-
но попросил я. — Время нас всех
меняет, не до седых же волос
прыгать будет.

Она взяла с плиты чайник.
— Ладно, пошли. — И уже на
ходу: — Женьку жалко, со мной,
идиоткой, все ясно, а он-то че-
го мучиться должен, при жи-
вом отце — сирота.

Чай пили часов до трех. Бы-
ло весело.

Через полгода они разошлись.
Витька уехал на Север.

Такая вот история мне при-
помнилась ни с того, ни с сего.
А так целиком и полностью с
романтиком Алексеем согласен:
свой нужно делать выбор и толь-
ко свой.

Хорошо было Робинзону Кру-
зо: за все свои поступки он
расплачивался только сам. По-
ка Пятницу не встретил.

Вадим ФИЛАТОВ

шапка Мономаха

РАСПИСАНИЕ НА ПОСЛЕЗАВТРА

Ведущий рубрики — директор Таллиннской
школы менеджеров Владимир ТАРАСОВ

— Мы уже говорили о том,
что мало родиться с задатками
менеджеров, нужно реализо-
вать их. Но как из «деловых на-
дежд» вырасти в деловые лю-
ди?

— Сначала несколько общих
истин. Мы часто откладываем
заботу о дне завтрашнем «до
понедельника». Но, скажем,
иностраный язык в юном воз-
расте можно освоить за два го-
да. Потом это сделать труд-
нее, а главное, от родимого
акцента уже не избавишься.
Каждый упущенный день — это
упущенные возможности.

Далее. Не выбрал, чем зани-
маться, какое образование по-
лучать. Не беда! Нужно свои не-
раскрытые возможности — а
они есть, уверяю вас! — «на по-
том» оставить. А пока фунда-
мент строить — налегать на фи-
зику, математику. Гуманитар-
ные науки не менее важны, но
пробелы в них можно навер-
стать, в технических же — прак-
тически невозможно.

Говоря о выборе, я не случай-
но связал его с образованием.
Мы живем в век знаний. Даже
производство их — инфор-
мационные технологии — стало
отраслью, рынком, бизнесом.
Деловой человек сейчас — не
только предприимчивость,
сметка, хватка, но и интеллект.
Стало быть, нужно учиться:
школа — вуз — школы мене-
джеров.

Знания, конечно, сила. Но си-
лой их делает действие, умение
использовать. Нужно учиться
что-либо делать. Беспольных
навыков не бывает.

Поэтому ПРАВИЛО ПЕРВОЕ:
не зная, куда войдешь, не за-
крывай ни одну дверь.

ПРАВИЛО ВТОРОЕ: сегодня
делай то, что даст урожай после-
завтра. Привычка делать толь-
ко сиюминутное приучит к суете,
копанию в насущных проб-
лемах. Можно идти вперед, гля-
дя под ноги, — чтобы не спот-
кнуться. Теперь представьте на
пути столб... Поэтому лучше
смотреть вперед.

Правда, мы не привыкли за-
ботиться о своем завтрашнем
дне. Так уповали на государст-
во, на социальную защищен-
ность, что любой энергичный,
предприимчивый человек, сам

пробивающий дорогу, казался
«не нашим». Нам все еще сим-
патичен Обломов. Штольца, в
лучшем случае, терпим. Нет уж,
думайте о своем «завтра-после-
завтра» сами. Полезная привыч-
ка.

— Школьник, студент — «су-
щество» конкретное. Если зав-
тра нужно сдавать китайский —
за ночь выучит. А так зачем он
ему, как и любой прочий?

— Завтра он вам не понадо-
бится. Но послезавтра... Может,
ваша фирма выйдет на китай-
ский рынок. Или вас заинтере-
сует совместное производство.
Представляете, какая фора пер-
ед конкурентами. Вы знаете
язык, вы блеснете пониманием
обычаев, ритуалов. Этим вы уже
завоевали симпатию партнеров,
а это не последнее дело в биз-
несе. И все началось с того, что
в школе вы занялись бесполез-
ным делом — иероглифами и
философией Конфуция.

Еще совет. Самый ценный ка-
питал — умение учиться. Это
умение приобретают не столь-
ко в школе, вузе, сколько само-
стоятельно. Такие знания на-
дежны.

Помните «Таинственный ост-
ров» Жюль Верна? Инженер
Сайрус Смит — человек, кото-
рый много знает, умеет. Но,
главное, умеет знания находить.
У наших молодых спецов в ди-
пломных листах по каким толь-
ко предметам отметок нет: от
сопромата до атеизма. Но на
необитаемом острове они и их
спутники, пожалуй, не выжили
бы. Даже с помощью капитана
Немо.

Так что ПРАВИЛО ТРЕТЬЕ:
учитесь учиться. Стройте сами
«теории», модели проблем,
свое знание. Так вы сумеете на-
дежнее усваивать знания чужие.

В юности нужно пробовать
самые разные виды деятель-
ности. Быть не только потреби-
телем знаний, но и производи-
телем их: рисуйте, сочиняйте,
конструируйте, выдумывайте.
Это воздастся.

— Знания — не самоцель.
Будущий менеджер ведь праг-
матик. Он пытается просчитать
свои шансы, выбирая, «кем
быть». Может он смолodu прог-
нозировать карьеру, деловые
перспективы? И вообще, что вы-

бирать: профессию или карьеру? Или здесь нет противопоставления?

— В садике вы хотели стать моряком. Форма, океан, белый пароход. К 17 годам, если хорошо сохранились, это желание не прошло. Но уже появились раздумья: и дизелист — моряк, и боцман — моряк, и капитан — моряк. Все это профессии и должности. Но капитан лайнера — это уже карьера. Власть, зарплата, престиж, возможности.

Фортуна улыбнулась — и вы «первый после бога» на лайнере. А вы — боцман там же. Но я бы не спешил с оценками. Вернее, попытался оценивать в другой системе координат: принес пользу, состоялся как личность. Капитан «Нахимова», говорят, делал хорошую карьеру. Пока не произошла трагедия в Новороссийской бухте и пока суд не вынес свой приговор, в том числе, и его профессионализму. Карьеру сделал, а вот профессии не постиг.

Что касается прогноза... Есть такой афоризм: «Мужчина интересен будущим». Попробуем прочитать подтекст. Будущее — не пост, не состояние. Все это брэнно: можно лишиться власти, миллионов. Но если человек без регалий, поста сохраняет свою ценность для других, для дела, управляет событиями со своего места — у него есть будущее, потому что он нужен. Он сумел накопить знания, опыт, энергию, умение генерировать идеи. Впрочем, напомним другой афоризм: «Если вы такой умный, то почему у вас нет денег». Все должно достойно вознаграждаться.

— У слова «карьера» два значения: «бег» и «поприще».

— Можно считать финишем должность, власть, а можно — умение, незаменимость в своем деле. То есть карьера вверх и по горизонтали. Все профессии сравнимы в том, насколько ты опытен, всеведущ, насколько оторвался от других в умении и знаниях.

— Это об успехе вообще. А что такое преуспеть в деловом мире — создать кооператив, предприятие, заработать кучу денег?

— Это все только первая ступенька. Ведь цель любой коммерческой или производственной деятельности — занять ведущее место на мировом рынке в своей области. А это очень много ступенек. Менеджер не должен засиживаться на промежуточных. И цель ведущих ме-

неджеров мира — тоже мирового класса.

Напомню историю персонального компьютера. Инженеры, программисты создали новый класс ЭВМ. Но то, что «персоналки» стали началом нового этапа НТР, — заслуга менеджера, сумевшего наладить серийное производство, снизить себестоимость, а значит, сделать доступными массовому потребителю, организовать маркетинг (спрос на продукцию). И этим завоевать рынок. А началось все с минифирмы, разместившейся в сарае.

— «Успех», «карьера», «мировой рынок» — это все ключевые слова для руководителей, лидеров. Ну, а менеджеры средние, пониже рангом? Те, кто просто «команда»?

— Их цель — научиться искусству делать лидера. Ведь быть при лидере, значит, помогать ему стать компетентнее, увереннее. Управлять же, повторю, можно из любой точки — советом, идеей. В любой роли нужно достигать вершин.

— Что еще входит в «обязательную программу» будущего менеджера?

— Умение задавать вопрос: «А зачем?» Он — прагматик, умеющий формулировать цель. Этот навык — задавать вопросы о целесообразности действий, желаний — помогает планировать деловую жизнь. Так вырабатывается самодисциплина.

— Как-то скучно: самодисциплина, целесообразность...

— Менеджмент — не тусовка. Да, деловая жизнь полна самоограничений. У каждого свой крест. У деловых людей он потяжелее. Впрочем, могу предложить нескудное занятие: снять фильм.

— ?!

— Есть датская управленческая фирма «Тайм-менеджер». Она тоже учит навыкам планирования, прогнозирования своей жизни. И предлагает такое задание своим взрослым «школьникам».

Вы делаете фильм о своей жизни, о том, что будет. Вы и сценарист, и режиссер. Фильм, естественно, на бумаге. Представьте себя завтра, спустя годы. Кто вы? Что вы? Какой вы? Чего добились? Как добились? В общем, фильм о вас, вашем деле, ваших перспективах.

Сделать его нужно так, чтобы фильм понравился, чтобы вы посмотрели его и сказали: а неплохо, чтобы в жизни было, как в моем кино. Этот сценарий вашей жизни — неплохая возможность спланировать ее, оценить близкое и отдаленное будущее, потренировать логику и воображение, разобраться в себе.

— Многие захотят снять «в кайф»: Лазурный берег, яхта, вилла.

— Хорошо, это первый кадр. А второй? Или весь фильм пройдет на пляже? Жизнь на пляже! Но ведь что-то еще должно в ней происходить. Первые кадры — развлечения. Потом, допустим, гангстеры нападут. Еще пять минут — стрельба, каратэ, погоня. Но, кстати, стрелять, драться, машину водить — это годами нужно осваивать. Работать, тренироваться... Ладно, отбили. И опять на пляж! Но это же скучно. Скучный фильм — скучная жизнь. Вы сами пишете ее сценарий. Думайте!

Беседу вел

Леонид МИНДЛИН

Домашнее задание

ДУБЛЬ ПЕРВЫЙ...

А что, неплохая задачка для «деловых надежд». Сценарий вашей жизни по методике фирмы «Тайм-менеджер».

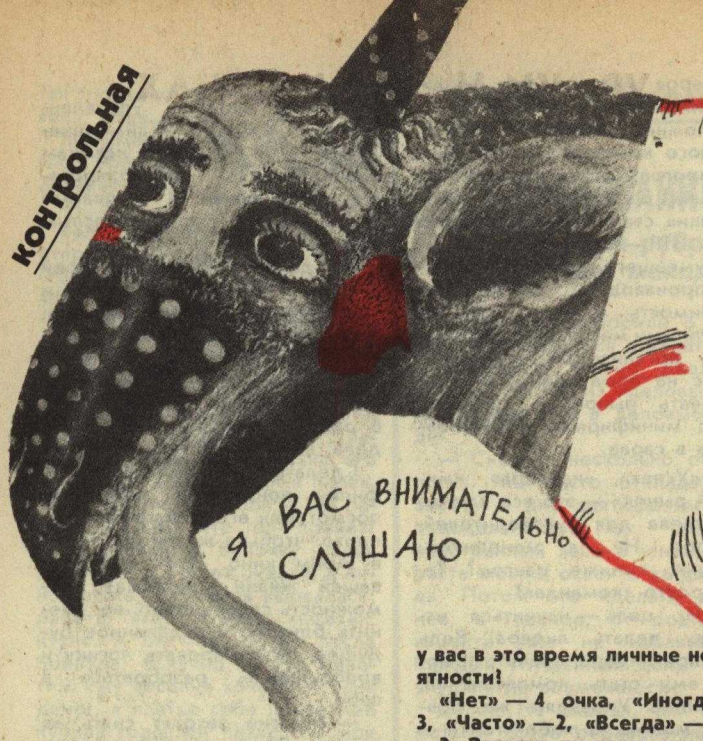
Форма, стиль, содержание — любые. Но два условия:

1. Сценарий — это прогноз, взгляд в ваше будущее;
2. Размер — не более трех тетрадных страничек.

Мы готовы стать первыми читателями-зрителями. Пишите и помните: вы занимаетесь серьезным делом. На «экране» — ваше будущее.

«Гран-при», «Оскара», «Золотого Льва» не обещаем. Лучшие «фильмы» опубликуем. Но Главный Приз — ваш успех в жизни и делах.

Итак, мотор! Дубль первый...

Я ВАС ВНИМАТЕЛЬНО
СЛУШАЮ

Один неглупый, но язвительный человек заметил: «Разговор — это соревнование, в котором первого, кто задержит дыхание, объявляют собеседником».

Ну, то есть, по его ехидному мнению, беседуем мы обычно так: сначала один твердит свое, потом другой — свое. Например, вы выдаете учителю эдакое заковыристое рассуждение о правах человека, а он в ответ: «Почему не в школьной форме!» Вроде бы вас вообще не слышал.

Это ведь целое искусство — быть слушателем. И овладеть им совсем не просто. А надо бы — многие наши проблемы и конфликты возникают из-за элементарного неумения слушать.

Между прочим, узнав, какой вы слушатель, можно определить и кое-какие черты вашего характера.

Конечно, отвечать нужно искренне. Кстати, неплохо потом проверить, как вы «смотрите со стороны» — пусть после вас (но как бы за вас) на эти же вопросы ответит кто-либо из приятелей или знакомых, на чью объективность вы можете положиться.

Наше традиционное предупреждение: результаты теста — не приговор, а лишь повод задуматься о себе, о своем характере.

Приступаем к делу.

1. Приходится ли вам заставлять себя слушать других, если

у вас в это время личные неприятности!

«Нет» — 4 очка, «Иногда» — 3, «Часто» — 2, «Всегда» — 1.

2. Зависит ли ваше внимание от того, с кем вы говорите (скажем, со взрослым или с ребенком, с родителями или с одноклассниками, с учителем, руководителем или с приятелем, подчиненным или случайным знакомым)?

«Нет» — 4 очка, «Иногда» — 3, «Часто» — 2, «Всегда» — 1.

3. Начинаете ли вы, беседа с кем-то, обдумывать свой ответ тогда, когда собеседник еще не закончил излагать мысль! То есть не мешаете ли собеседнику высказаться до конца!

«Нет» — 4 очка, «Иногда» — 3, «Часто» — 2, «Всегда» — 1.

4. Перебиваете ли вы собеседника, с которым обсуждаете совершенно абстрактные идеи (например, о возможности прилета инопланетян), если ваши точки зрения не совпадают!

«Нет» — 4 очка, «Иногда» — 3, «Часто» — 2, «Всегда» — 1.

5. Проявляется ли как-то ваше раздражение, если собеседник, заведя разговор на тему, в которой вы специалист (или считаете себя таковым), начинает «городить чушь»!

«Нет» — 4 очка, «Иногда» — 3, «Часто» — 2, «Всегда» — 1.

6. Перебиваете ли вы собеседника, если он вас критикует (на ваш взгляд, необоснованно)?

«Нет» — 4 очка, «Иногда» — 3, «Часто» — 2, «Всегда» — 1.

7. Зависит ли ваше внимание от поведения, манер, одежды того, с кем вы беседуете! (Медленно говорит, сморкается, ковыряет в носу, заикается, неопрятен, лохмат и т. п.).

«Нет» — 4 очка, «Иногда» — 3, «Часто» — 2, «Всегда» — 1.

8. Разговор разговору рознь. Не каждому по душе терять время на пустопорожний треп. И все-таки: не проявляете ли вы внешне (мимикой, жестами, нарочитым молчанием) свое нежелание участвовать в разговоре, который вам «до лампочки»!

«Нет» — 4 очка, «Иногда» — 3, «Часто» — 2, «Всегда» — 1.

А теперь подведем итоги. 29—32 очка. Вы прирожденный «слушатель», и не удивительно, что вас охотно выбирают в «исповедальники». Вам удается без потуг выслушать практически любого, так как вы не «исполняете долг», а находите в каждом человеке что-то интересное. Привлекает ваша манера слушать: вы не перебиваете собеседника, не понавя до конца его мысль. Даже если он неправ, вы всегда стараетесь поставить себя на его место.

Быть может, самое ценное ваше качество: не спешите осуждать других. Не исключено, что, когда ваш собеседник начинает нести явный вздор, вы слушаете его с некоторой долей иронии, но у вас хватает такта не показать ему этого. Вы достаточно самокритичны и умеете извлекать рациональное зерно из любого разговора, касающегося вас.

Правда, вам, вероятно, чуть-чуть не хватает уверенности в себе, а привычка к «самокопанию» иногда превышает «допустимые нормы», что, конечно, осложняет вам жизнь.

25—28 очков. Вы хороший собеседник и всегда готовы посочувствовать ближнему, правда, не особенно вникая в его проблемы. Вам легче настроиться «на волну» собеседника, если тот красноречив и вам интересен.

Бывает, что собеседник вас раздражает, но вы умеете тут же взять себя в руки и не поддаваться эмоциям. Как правило, вы стараетесь не ставить собеседника в неловкое положение, даже если уверены, что он неправ, хотя такое желание у вас и возникает.

Объективность по отношению к себе порой вам отказывает, и вы можете вступить в спор с критикующим вас. Правда, это бывает редко, так как у вас хватает ума понять, что это лишь затанет разговор.

Ваше стремление не конфликтовать говорит о некоторой беспринципности. Впрочем, принципы у вас есть и один из них: дурака не переделаешь.

УРОКИ НА КАНИКУЛАХ

21—24 очка. Вы не самый внимательный слушатель, во всяком случае вам сложно «переключиться» со своих проблем на чужие. Похоже, «качество» вашего внимания зависит и от того, с кем вы говорите.

По-видимому, вы не любите терять время на пустые разговоры, а пустыми вам кажутся все, что не касаются вас или ваших интересов. Вообще свое время вы цените больше, чем добрые отношения с людьми.

Если, по вашему мнению, собеседник неправ, вы, скорее всего, сообщаете ему об этом.

Вы довольно самоуверенны и не всегда тактичны. Особенно достается от вас сверстникам и близким. Критику в свой адрес воспринимаете только из уст людей, которых уважаете, а таких, судя по всему, немного. Бывает, что вы срываетесь на крик, не очень затрудняя себя в споре поиском аргументов.

20 и меньше. Разговор для вас чаще всего лишь повод покрасоваться своим остроумием. Для вас куда важнее не то скажут вам, а как ответите вы. Вы цепляетесь за любую неточность собеседника и договорить до конца ему удается редко, особенно если он пытался вас критиковать.

Разговор с вами требует большого терпения, а уж если речь идет о том, что вы хорошо знаете, — огромного. Упрямята вам не занимать, а вот объективности по отношению к себе — наоборот. Хуже всего, что вы, услышав критику в свой адрес, мгновенно забываете, с чего начинался разговор, и принимаетесь клеймить собеседника, припоминая все его «грехи» со дня рождения до сегодняшнего дня.

И в заключение несколько советов, как преодолевать барьеры общения. Избегайте в разговоре приказов, указаний, команд («Еще раз!», «Медленнее!», «Не говорите так никогда!») и поучений («Это неправильно», «Это вы зря...»). Не злоупотребляйте нравоучениями («Посмотрите на это иначе») и критикой («То, что вы сделали, глупо!»).

Психологи считают, что наиболее эффективны в беседе ответные «вставки» типа: «Да!», «Продолжайте, продолжайте, это интересно», «Понимаю», «Приятно это слышать», «Можно ли поподробнее!»

В общем, учитесь слушать. Быть может, тогда и вас услышат.

(Окончание. Начало на стр. 26) заметно для себя, вывели Первого гостевой закон: ехать в гости можно, только если дома все в порядке...

Р. С. Прошел еще месяц. Двадцать пятого марта в Хойниках побывал Йогеш Ганди.

Он ел и пил то, чем его угощали ребята и их родители, он уехал в тех же самых бутинках, что и приехал, — стало быть, вел себя совсем не так, как ведут в зоне заезжие начальники из Москвы и Минска.

Он подарил комитету «Дети Чернобыля» персональный компьютер. Он еще раз подтвердил готовность принять на каникулы в США группу ребят из зоны.

Ему жали руку, обнимались с ним, фотографировались рядом. О нем наверняка недоуменно перешептывались: «Надо же! Кто ему эти дети! Что ему, деньги больше некуда тратить?..»

...В городской клинике Ахмедабада Йогеш Ганди выхлопотал для белорусской группы медицинское обследование. Из двадцати четырех ребят у четырнадцати обнаружилась анемия начальной стадии, шестерым было рекомендовано дополнительное обследование печени, двоим — обследование почек.

— Ничего страшного — прокомментировал главврач, док-

тор Суини, — здоровый образ жизни, витаминизированное питание, и все будет в порядке.

Эх, доктор...

Йогеш Ганди переживал, что встретиться в Хойниках ему довелось только с двадцатью тремя своими белорусскими детьми. Двадцать четвертый попал в Минск в больницу. А по анализам два месяца назад было все в порядке... Уроки Чернобыля.

Светлана САВРАСОВА

Редакция «Паруса», комитет «Дети Чернобыля» сердечно благодарят всех, кто перечислил деньги в помощь ребятам, проживающим в зараженных районах; кто взял в свои семьи на время каникул сверстников из Чернобыля.

Сообщаем вам, что номер расчетного счета комитета — 700594 в Республиканском Жилсоцбанке БССР, с обязательной пометкой «Дети Чернобыля». Адрес: 220050, г. Минск, ул. Советская, 15.

«Парус» и комитет «Дети Чернобыля» принимают к обсуждению все предложения о помощи детям и подросткам, проживающим в опасной зоне.

Если человек страдает, значит, это и мой брат, и моя сестра. Разве не так?

ИСТОРИЯ НЕ ТЕРПИТ ПУСТОТЫ

(Окончание. Начало на стр. 48) ковым для всех восточных славян — различаются главным образом те инновации, что возникли в эпоху Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского. Вот почему победа при Грюнвальде, столь значимая для литовцев и поляков, для украинцев и белорусов значит еще больше. Это был один из ключевых моментов становления их этногенеза.

Все вышеозначенное не позволяет согласиться с трактовкой современных школьных и даже вузовских учебников, рассматривающих Грюнвальдскую битву лишь как этап в отражении немецкой агрессии в Прибалтике. Иногда приходится слышать: а если бы войска Ягайлы и Витовта потерпели поражение? Что тогда? Вполне возможно, что Великое княжество вместо союза с Польшей пошло бы на

союз с Северо-Восточной Русью, которая в то время объединялась вокруг Москвы (для этого были определенные условия). В таком случае современная этническая карта Восточной Европы могла бы выглядеть совсем по-другому. «Лучше» или «хуже» — вопрос бессмысленный. Историю следует ценить такой, какой она состоялась. И герои Грюнвальда внесли лепту в выбор именно того пути, по которому мы шли и идем.

Вячеслав НОСЕВИЧ,
историк

* Магистр — высшее должностное и духовное лицо в рыцарском ордене.

* Жемайтия — область расселения западных литовских племен.

* Хоругвь — воинское подразделение или его стяг.

НЕТ ТАКИХ ВЕЩЕЙ, КОТОРЫЕ ВСЕГДА...

Есть необходимость предаться воспоминаниям, восстановить события детства. Для чего? Чтобы попытаться ответить на некоторые сегодняшние вопросы.

Многое ли я помню? Не так уж мало. Никто не верит, что мне ничего не стоит перечислить всех, кто за какой партией сидел в нашем первом классе. А я могу.

Первый ряд, первая парта перед столом учительницы — Лена и Толик. Дальше — Танюшка, подруга моя неразлучная, и Иринка — маленькая, смуглая и почему-то сердитая. Третья парта — Любашка и Юрка. Четвертая — другая Танюшка и гордость наша Виталик, ничего, кроме пятерок, не получающий. Последняя парта — самая защищенная — Мишкина. Сидит в углу, с двух сторон стены. Мишке все завидуют — такое местечко отхватил. В мечтах (а мечтаю я регулярно) вижу себя только на его месте.

Мы с Мишкой соседи. Оба с хутора. А еще с хутора Коля, Костя, Юрка. Но они — с другого конца. Хутор большой, поселок же, где находится школа, — огромный. Но поселковые знают друг друга, потому что вместе ходили в детский сад. Им не привыкать к большой коллективе (впервые услышала это слово здесь, и всю жизнь оно меня терроризирует).

На стене перед нами — экран соцсоревнования. Там наши фамилии. Получил пятерку — учительница красными чернилами рисует напротив твоей фамилии звездочку. Виталькины звездочки на экране не вмещаются. У меня они тоже есть. Но гораздо меньше. Я завидую. Зависть — чувство для меня почти новое. Раньше, дома, на хуторе, тоже приходилось завидовать. Мишке, например, его силе и ловкости, тому, как здорово он в свои семь лет управляет с вилами, граблями, лопатой, как храбро влезает на лошадь. Но школьная зависть — иная. Экран, так наглядно, так остро показывающий разницу между нами! Он давяще нависает над мной сознанием...

Зависть рождает разные мечты. Допустим, такую — Виталька получает двойку! Нет, всему классу, кроме меня, вlepили двойки за домашнее задание. А у меня пятерка с плюсом. Я точно помню, мечта эта появилась не сразу, а, как говорится, в процессе воспитания.

КАРАТЕЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКЕ — с проклятьем!

Экран наших юных судеб. Он показывает разницу между мной и Виталькой. Но эта разница еще не пропасть. Пропасть — между Виталькой и Мишкой. У Мишки ни одной звездочки. Во-первых, он заикается и потому не может толком отвечать. Во-вторых, что с него взять. Я давно умею читать, выросла среди книг, а он до школы ни одной книги не видел и рисовать совсем не умеет и не хочет.

Гораздо позже я пойму: в нашей школе сгинешь в «слабых» и «неразвитых», если семья, родители вовремя не спасут. Борьба за выживание. В семь, десять... лет?

Мне не повезло с рядом. Первый ряд считается лучшим. А я сижу на худшем. Мы все время на подозрени. Сажает нас учительница всегда последними. — Так, первый ряд — сели! Так, так... второй ряд садится. Та-а-ак. А третий постоит. Они стоять не умеют. Посидим, ребята. Подождем, пока третий ряд стоять научиться.

Снова мечты: меня пересаживают на первый ряд. Или нет — наш третий становится

лучшим. Нас уже посадили, а других еще долго держат на ногах. Пол-урока или даже весь урок...

Но это мечта, а в жизни — на нашем ряду собрались самые что ни на есть никудышные. Заработать такое тавро — проще паренюго. Ну вот, кажется, был мальчишка как мальчишка. И вдруг...

— На уроках слушает плохо, оборачивается!

Это про Павлика. Павлик сидит за первой партией нашего ряда, потому что плохо видит.

— ...оборачивается!

Мать Павлика сокрушена, она в стыде и гнев:

— Бес-совестный! Обернись еще раз, узнаешь у меня...

У Павлика какой-то недетский взгляд. Этот взгляд я очень хорошо помню: терпеливый и хмурый. Очки он не носит. Его и без очков-то уже задразнили.

Но Паша еще не самый плохой. Вот Сережа! Верней, не Сережа, а Данилов. Забыла, что по именам мы называли друг друга только первое время. Потом переняли от учителей — фамилия! Так вот, с Даниловым все

ясно. Скорей всего, его вообще выгонят из школы. На перемене ему нельзя ходить по коридору, как остальным. Все перемены он должен проводить в углу. Звонок — в угол. Это ему сказано раз и навсегда. Но он в этом самом углу не стоит. Учительница — за порог, Данилов — на волю. Мы, понятно, начеку. Наваливаемся всем классом, хватаем за руки, за ноги, волоком в угол. Он отбивается. Иногда понарошке, а иногда с настоящим бешенством. Ну до чего вредничий. Ведь знает, что мы в самом начале урока все учительнице сообщим; «А Данилов опять в углу не стоял».

Помню, как-то в разгар очередной свалки с Даниловым в класс вошла моя мама: «Вы что это делаете?» Мы стали объяснять, что наше дело правое и тип этот — очень плохой. Но мама почему-то не стала нас слушать. Она поставила Сережку на ноги и стала приводить в порядок его растерзанную одежду. Потом погладила по голове, и Данилов как-то сразу весь поник, присмирел, пошел и сел на свое место — звонок уже звенел. На том уроке никто ничего учительнице не доложил. А может, и доложил, не помню.

Знали мы и даниловскую маму:

— Ума не приложу, что с ним делать? Уж вчера отец его лупил-лупил, у него небось вся спина черная. До смерти бы залупил, наверное, если б я не отняла. И на коленях он у него стоял потом часа четыре. Стоит и молчит, скотина такая, хоть бы прощения попросил. Потом уж позвал меня. Мам, говорит, у меня коленки болят. Я ему — проси прощения у отца...

Учительница понимающе кивает головой. Мы слушаем во все уши. Нас никто не гонит. Мы вообще любим слушать, когда кого-нибудь прорабатывают. Сережка стоит у стенки, мерно колыхаясь, стучаясь о нее затылком. Его всегда почему-то стригли наголо. Светло-голубые глаза заведены к потолку. Они кажутся пустыми.

Он учился с нами до третьего класса, потом их семья переехала. Сережа, где ты сейчас, что с тобой, сумел ли ты выкарабкаться, выползти из-под страшного груза взрослого непонимания, наваленного на пацаненка? Обошлась ли твоя жизнь без спецшколы и колонии? Если тебе в руки попадет этот журнал, знай — вина перед тобой живет в моей душе среди многих прочих.

Кроме твоего и Пашкиного

взгляда я помню еще взгляд Толика.

Толик в сложном положении: с одной стороны «плохиш», но с другой — не совсем, кое-какие шансы у него остаются. Дело в том, что матери у Толика нет, отец на него плюнул. Но старшая сестра (медсестра нашей больницы) очень хочет, чтобы ее брат был хорошим. Поэтому в школу он приходит чистенький, наглаженный до хруста, и домашнее задание у него всегда в полном порядке. Еще бы — Лиза сидит с ним за уроками все вечера. А здесь, в школе, и учеба не ладится, и поведение хромает. Уж больно легко переходит Толян с положенного школьного шага на «неуставной» бег. По коридору носиться нельзя. Можно только ходить. Но не одному Тольке легко вдруг сорваться с места и прогалопировать. Даже Виталик Родченко, ей-богу, шага четыре пробежал. А я тут как тут — к учительнице: «А Родченко...» Будет знать, зазнайка-отличник. Правда, его в угол не поставили. Училка только брови свела: «Виталий, это еще что такое?» А Толяна, как и Данилова, — на все перемены в угол. Но он верит в милость к падшим и после каждого звонка подходит к учительнице, трогает ее за рукав и, хлопая наивными глазами, вопрошает:

— Нам с Даниловым в угол?

— А куда же еще!

Попасть в угол легко. Выбраться трудно. Многие и «хорошисты», Ленка, например, часенко проводят там полный учебный день. Четыре часа на ногах. К концу последнего урока наказанный, понятно, устает и начинает мыкаться: шаг назад, шаг вперед...

— Стой нормально! Руки по швам!..

Но меня все это, слава богу, кажется, не коснется. Я закрепилась в элите. Пусть не на самой вершине (там Родченко), но близехонько. Я пишу стихи и редактирую беспощадную октябрьскую газету с милым названием «Ежик» — официальный орган доносительства и морального террора. В «Ежике» я всех рисую и сочиняю к рисункам стихотворные подписи: «Звонок на урок уже дали, но школьника три опоздали. Стоят они горько и плачут...» Ясное дело, стоят. Опоздавшим на урок садиться не разрешают, стой до конца. Плачут — тоже соответствует истине. Но сочувствия не выплещешь, хоть залейся.

Я, разумеется, включена в

борьбу с таким социальным злом, как оборачивания. Здесь учительница делает ставку на самостоятельность. «А Данилов оборачивается!»

— Ну, стукни ему по голове чем-нибудь.

Я хлопаю по каторжной Сережкиной голове дневником.

— Правильно. Только поильной надо бы. Не дневником, а пеналом...

А вот Костин взгляд помню только со старших классов. Жесткий, неуступчивый, с достоинством. А в начальных классах? Нет, не помню. Зато хорошо запечатлелось, как его учительница вела за ухо. Солнце было в окно коридора, ухо розово просвечивало, мы хохотали...

С Костей нас свела судьба много лет спустя после школы. В райцентре. Он уже милиционером был. Ветренным апрельским вечером меня послали в комсомольский оперотряд, бороться с бандитизмом и трудными подростками. До трудных подростков дело не дошло, а бандитизм обнаружился в лице пьяного «афганца», которого Костя со товарищи заволокли в дежурку с помощью болевых приемов. Парень задыхался, хрипел что-то про свой «Афган» и про ребят, которые «вам бы всем тут показали». Милиционеры трудились в поте лица — шестеро вокруг одного. Мы с другой «оперотрядовкой» вышли на воздух. Пошатались, похрустели ледком апрельских луж и вернулись в дежурку. Там царил мир. Милиционеры отдышались, а из-за обитой листовым железом двери неслись тягучие вопли.

— Ой, что ж он так воет-то? — наивно спросила моя спутница, и все засмеялись.

Костя стоял возле этой самой двери.

— Хочешь посмотреть? — спросил он вдруг. — Показать? — Показки, Костя.

И он открыл дверь. Первое, что я увидела, — сбившиеся штанины, белую кожу, синие носки, грязные туфли. Я не сразу поняла, что человек связан в колесо — руки с ногами — и лежит на животике. Он кричал.

Меня снова потянуло на весенний воздух. На сей раз вышли с Костей.

— Марина, — сказал он мне. — Ты очень впечатлительный человек. Ты думаешь, этот тип впервые здесь? — Он еще долго объяснял мне, что наше дело правое и что «этот тип» очень плохой. И я его слушала.

Костя, Костя!.. Кто виноват

перед тобой? Наша учительница? Воспитательница детского сада? Или, может твой армейский командир? Нет, это не ты, это Коля при встрече мне рассказывал, смеясь:

— В армии есть такое harshее наказание: идет строй на марш-броске, а один вокруг строя бегаёт. Ну, кто с' ноги собьётся или заговорит в строй. Представляешь?

Представляю. Мы сами тоже во многом виноваты, Костя. Помнишь Веру? Страдала болезненной полнотой. Училась плохо. Отец — алкоголик. В классе ей не было житья. Она перестала ходить в школу. Утром уходила из дома, шаталась по поселку. Потом попыталась исчезнуть не только из

школы — из дома. Мы все высыпали на крыльцо — посмотреть, как ведут «подсудимую». Помню, как я радовалась, — наконец-то этой толстой дуре влетит как следует.

Ей влетело как следует! Это было во втором классе. Дальнейшая судьба Веры? Сейчас она несчастна, потому что сломлена. Еще бы! Помнишь, с какой издевкой и презрением всегда произносила ее фамилия (имени у нее словно и не было) учительницей и нами?!

А вот Мишка — молодец! Коля служил с ним в армии и рассказывал:

— Это был наш Вася Теркин (с заиканием-то!). В иные солдатские денечки мы только Мишкой и жили.

Выстоял Миша, не дал себя смять, не подвела крестьянская порода. Кстати, с породой у нас тоже полный прокол. Крестьянство раскрестьянили, мастеровой люд обезличили, интеллигенцию — ту, чеховскую, Цветевскую, — повыбили. Ну, да об этом — отдельный разговор.

Все, о чем я здесь навспоминала, дорогие мои одноклассники-однокашники, — это наше настоящее. И оно не уходит в прошлое. Потому что мы еще молоды и каждый из нас несет в себе определенный заряд той «педагогики». Да и наша учительница уйдет (если уйдет) на пенсию только в этом году.

Марина БИРЮКОВА

ФИО

ИМЯ

СОБСТВЕННОЕ

Письмо было из Курумача Куйбышевской области: «Меня во дворе зовут Серым. Не потому, что я ничтожество или дебил, просто меня зовут Сергей. Сергей, значит, Серый... Нас много Серых — в школе штук десять или больше даже. Надоело быть Серым. Но и Сергеем что-то не очень...» Знакомая история. Нарекли родители, а чадо выросло и недовольно своим именем — неоригинально, обыденно и неприметно. А ведь был выбор! Да в ЗАГСе не подсказали, а не подсказали потому, что сами не знали. Вот раньше священник заглянет в святцы и бух, как в колокол: «Нарекается раб божий Полуект!..» Или Анкиндин, скажем, или Серапион. Это тебе не Сергей... Да, это уж слишком.

А что, если присмотреться, может быть, и Сергей ничего?

СЕРГЕЙ — имя латинского происхождения и в прямом переводе на русский означает «высокий», но если пойти по аналогии дальше, то, возможно, это будет — «высокоцитимый», «уважаемый». Не так и плохо! А, Сергей? Тут серостью и не пахнет, такое имя еще оправдать надо.

В почте «Паруса» то и дело встречаются письма с просьбой объяснить значение или происхождение того или иного имени, реже — фамилии. Этим занимается наука антропонимика, в частности, ее раздел — ономастика. С помощью ее и попробуем вам ответить. У восточных славян, а теперь и во всем СССР, антропонимическая формула имеет вид «фамилия + имя + отчество» или, как сокращенно пишут современные бюрократы, — Ф. И. О. Этой аббревиатурой и назовем нашу новую рубрику.

В «Одиссее» Гомера читаем: Меж живущих людей безымянным никто не бывает вовсе; в минуту рождения каждый, и низкий, и знатный, имя свое от родителей в сладостный дар получает...

Наши предки были язычниками, они жили в единении с природой, которую одухотворяли и воспринимали как живую. Потому и детей своих называли — Ветр, Волк, Камень, Гора, Туча. Называли и по очередности рождения — Первак, Третьяк, Шестак, Девятко, по признакам — Бел, Рябой, Добр, Мал, Храбр. Желанного сына называли Жданом, а нежеланного — Нежданом. Были и Кривой, и Урод, и Дурак, но не потому, что отвечали этим достоинствам, а просто родители таким образом хотели уберечь детей от взгляду и злых духов, мол, не тронь мово дитяню, оно никудышное — эти

имена были вроде талисманов-оберегов.

Давали имена и по ремеслу — Топор, Скурат, Горшок. Это были имена простолюдинов. Знатных же людей называли «княжескими» именами — Любомир, Мстислав, Всеволод, Добронег, Горислава. Для объяснения они легко раскладываются на составные части — Любящий Мир, Славный Мститель, Владующий Всем, Добрая Нега, Горькая Слава. Вспомним Бояна — легендарного поэта и музыканта XI века. Его имя, как утверждал известный лингвист М. Фасмер, происходит от слова «бой», значит, в молодости Боян был славным, храбрым воином. А был ли Добрыня Никитич, победивший Змея Горыныча и Батыгохана? Имя богатыря Добрыни — производное от имени Добр, а сло-

во «богатырь» — от тюркского «батыр» — силач.

С введением христианства на Руси священнослужители стали давать нашим предкам имена библейских святых, которые брали из «священных» церковного календаря, где на каждый день года приходилось рождение одного или нескольких святых. Святые же носили имена библейские — древнееврейского, греческого и латинского происхождения.

Древнееврейские:

АДАМ — человек

ЕЛИЗАВЕТА — клятва «мой бог!»

МАРИЯ — любимая, желанная

ИЛЬЯ — бог мой Яхве

ВЕНИАМИН — счастливый

Греческие:

АЛЕКСАНДР — защитник людей

ГЕОРГИЙ — земледелец

ЛЕОНИД — лев

ДЕМЬЯН — веселый

Латинские:

АНТОН — предводитель

ВИТАЛИЙ — жизненный

ЮЛИЯ — кудрявая

А вот имена **ВЕРА**, **НАДЕЖДА**, **ЛЮБОВЬ** — это дословный перевод греческих женских имен Пистис, Элпис и Агапэ.

Долгое время наши предки пользовались своими старыми, языческими именами, а новые, христианские, предпочитали держать в тайне. Вскоре и языческие, и христианские имена стали бытовать на равных правах, т. е. русские люди носили по два имени. В древнем рукописном «Остромировом Евангелии» (1056—1057 гг.) переписчик текста называет заказчика: «В крещении Иосиф, а мирскы Остромир». Это значит, что мирское, бытовое имя у

этого человека было языческое — Остромир, а крещен он был христианином, библейским — Иосиф. В церкви священник крестил «святым» именем, а дома ребенка называли по-своему. Потому-то многие люди были известны в истории не под христианскими, а под старыми славянскими именами. Например, мало кто из вас знает, что злой памяти палач и опричник Ивана Грозного Малюта Скуратов по крещению был Григорием Лукьяновичем Бельским: его отца звали Лукьян Скурат (отсюда Скуратов, а Малюта — уменьшительное от Мала).

На примере происхождения царского рода Романовых, последний из которых, Николай, был расстрелян большевиками Шайе Голощекиным и Яковом Юровским в 1918 году в Екатеринбурге вместе с женой, дочерьми и наследником Алексеем, можно проследить, как зарождались у восточных славян фамилии. Родоначальником одной из самых могущественных старомосковских фамилий был некий Андрей Кобыла, служивший московским князьям еще в середине XIV века. По родословной у него было пятеро сыновей — Семен Жеребец, Александр Елко, Василий Ивантей, Гаврила Гавша да Федор Кошка. У последнего было четыре сына, но только от «меньшого Захария род пошел» дальше. Сын Захария Юрий еще назывался Кошкиным, а вот внук Роман уже стал зваться Захарьиным — Роман (чей сын?) Юрьев (чей внук?) Захарьин. Его сын — Никита Романович Юрьев, а сын Никиты — Федор Никитич Романов. Вот так и пошли по земле русской будущие цари да императоры российские Романовы.

В 1408 году в Москву выехал в свите князя Свидригайлы литовский князь Патрикий Нариманович из Гедыминовичей. Был встречен с почетом, а его сын Юрий даже женился на дочери великого князя Василия. От внука Патрикия, Василия, пошел род Хованских, от правнуков Ивана Булгака — Булгаковы, Данилы Щени — Щенятевы, от праправнуков Михаила Голицы — Голицыны, Андрея Кураки — Куракины. И все они были князьями Патрикеевыми. Поди разберись! Особенно трудно историкам — ведь можно впасть в ошибку. Догадайся, что Иван Михайлов и Иван Михайлович Висковатый — одно лицо, что два Алексея Даниловича — Плещеев и Басманов — тоже один

человек: Басмановы из рода Плещеевых!

В XVII веке указом Петра I прозвища (Иван Коль, Федор Рыло, Тимофей Сряба) были запрещены, они больше не употреблялись в официальных документах, зато простолюдины стали получать фамилии, производные от прозвищ: Конев, Рылов, Скрябин.

Греческие, латинские, древнееврейские библейские имена постепенно приобретали русские звуковые и морфологические формы, так Теодор стал Федором (хотя у болгар, белорусов, словаков осталась жива старая форма — Тодор), Гликерия — стала Лукерья, Дионисий — Денисом, Симеон — Семеном.

Были в нашей истории времена и целые эпохи, когда, в зависимости от политической конъюнктуры или моды, славянские и библейские имена отступали перед нашестием чужестранных вокабул — вспомним бироновскую «немецину» или французский «пиетет» XIX столетия. А ультрареволюционное словотворчество после Октября? Все эти Электрификации Ивановны, Гозлро Петровны, Наганы Васильевичи, Гимны, Вилены и Сталины... Боже ты мой! Неужели Гоголь все это предвидел!

В именах и фамилиях его героев законсервирован аромат современной ему эпохи. Все, конечно, читали искрометную гоголевскую «Повесть, как поспорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», но кто запомнил фамилии этих миргородских помещиков? Есть, есть фамилии — не сомневайтесь! Стоит только внимательно прочесть в четвертой главе «позов» на гербовой бумаге, который подал в поветовый суд дворянин Иван, Иванов сын, Перерепенко (!) на дворянина Ивана, Никифорова сына, Довгочхуна! Да, любил, однако, незабвенный Николай Васильевич «некругленькие» имена и прозвища. Приходят на ум из его «Мертвых душ» — Неуважай-Корыто, Доезжай-не-доедешь, Коровий кирпич, да жена Собакевича по имени Феодулия... Умор!

Зная теперь, как образовались имена и фамилии наших предков, попробуем разгадать некоторые из них. Возьмем, например, «братьев Карамазовых» Достоевского.

КАРАМАЗОВ. В «Толковом словаре великорусского языка» В. Даля есть слово «карамазый», образованное от татар-

ского «кара» — черный. Это значит, что далекий предок братьев Карамазовых получил свое прозвище по примете — был черномазым, чернявым, смуглым. Хотел ли Достоевский заключить какой-то смысл в фамилию героев своего романа, трудно сказать.

Или возьмем хотя бы редколлегию нашего журнала.

ДРАГОВЕЦ. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона разъясняет, что «драга» (от этого корня, видно, и происходит фамилия) — это приспособление для добычи золота, ковш, в котором промывают золотосный песок. Но польско-русский словарь дает еще одно значение слову «драга» — ковш, которым в 17-18 веках в Польше и Западной Белоруссии чистили от ила навигационные и мелиоративные каналы. Учитывая белорусскую морфологию фамилии (драговец — тот, кто работает драгой, и место ее распространения), склонимся к выводу, что предки Драговца были, скорее, не золотодобытчики, а первые в Белоруссии мелиораторы и по ремеслу получили свою фамилию.

ГАВРОН. Типичная «птичья» фамилия, происходит от польского слова «гаврон» — грач. То ли в роду кто-то был черным, как грач, то ли трудолюбивым, как эта весенняя птица. Но есть у этого слова и подтекст: «гаврон» по-польски — еще и «разиня» (по-нашему — эх, ты, ворона!).

САБУРОВ Игорь из Димитровграда Ульяновской области интересуется, что означает его фамилия, ведь она часто встречается в исторических повествованиях, пишет он. «Я русский, и предки мои русские (дед говорил), а некоторые уверяют, что наша фамилия татарская...»

Фамилия Сабуров, напоминает «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской Империи, начатый в 1797 году», «происходит от выехавшего в 1330 году к великому князю Ивану Даниловичу из Орды князя Четы, а по крещении названного Захарием. У него был правнук Федор Иванов сын Сабур, коего потомки Сабуровы служили Российскому престолу...»

Князь Чета, выехавший из Орды к Ивану Калите, был общим предком для рода Сабуровых и для более извест-

ного в русской истории рода Годуновых. Потомок князя Четы Борис Годунов был, как вы знаете, русским царем в 1598—1605 гг.

Слово «сабур» заимствовано татарами из арабского языка и означает «терпеливый», «выносливый». В геральдике татарских происхождения Сабуровых подчеркнуто — стрелой, копьем и ятаганом. Но в словаре В. Даля русское областное (по терминологии Даля) слово «сабур» употребляется для названия африканского растения «алоз». Так что предок Игоря мог, например, быть лекарем, получившим прозвище от названия целебного растения, которое он пользовал в своей практике.

Бывают с фамилиями и казусы. Как-то начинающий историк-медиевист наткнулся в летописи XV века на монаха по фамилии Велосипедов, и у него чуть «крыша не поехала» — какого черта «Велосипедов», если сам велосипед был изобретен только через 200 лет! Более умудренные коллеги подсказали гипотезу: видно, этот монах был джуде ученый и свое, как ему казалось, обыденное прозвище Быстроногий перевел на греческий: быстрый — велос, нога — педос, вот и получилось «велосипедов». Ну, монах, ну, оригинал!

НЕМОЛЯЕВА Света из Могилева пишет: «Фамилия моя мне нравится, но не знаю, откуда она пошла...» Опять выручит В. Даль. В его словаре есть слово «немоляха» — «кто не молится, идет на работу или за стол без молитвы». Ниже Даль поясняет, что были на Руси такие еретики — немоляхи, раскольники, у которых была вера, «не признающая ни икон, ни иной внешности и обрядливости, ни священства, ни самой церкви, ни принимающая Святое Писание». Немоляхи оправдывали свою веру речением: «Церковь не в бревнах, а в ребрах» — что значило, бог живет не в храме, а в душе человеческой. От этих «немолях» и пошла, видимо, фамилия Светланы.

Если вас интересует происхождение вашего имени или фамилии — пишите, спрашивайте. На конверте не забудьте поставить рубрику — ФИО.

Чесь ДУДА-ВОРОНИЧ

В КАЖДОЙ ИЗ НАС ЕВА

— Красивая девушка красива не только когда молчит, но и когда откроет рот, не так ли? — улыбнулась Елена Гиретова, главный редактор словацкого журнала «Дивчо».

О, да. Я встречала прехорошеньких созданий, но когда из их прехорошеньких перламутровых ротиков вылетало в децибеллах: «Э, ну, ты че, пацан, в натуре (остальное непечатное)...», — я задумывалась о том, что контрасты бывают не только в Нью-Йорке.

А еще я подумала, что если голова забита только одними девчонками, — это не так уж здорово для парня. Зато для журнала — сто процентов успеха. За это я и люблю «Дивчо». А еще за то, что он свой, простой и демократичный. Здесь я никогда не видела туалетов от Кардена просто-напросто потому, что они не по карману девчонке от 13 до 17, даже если она и «заграничная».

Но ближе к делу. Манекенщицы здесь — даже не манекенщицы вовсе. Это просто стройные симпатичные девчонки от 14 до 18 лет — школьницы, студентки. В крохотной мастерской на них примеряют очередные модели для журнала. Всего несколько человек разрабатывают и создают коллекцию «Дивчо». Я привела с собой Еву, свою фотомодель и в некотором роде консультанта, ко-

торая тоже вовсе не манекенщица, а просто понравившаяся мне девушка. С ней мы и решили проанализировать «свежую» коллекцию.

Ева — ровеснице «Дивчо» — 20 лет. Она поступила в университет на вечернее отделение, а днем работает. Может быть, поэтому у нее нет вамп-маникюра, а аккуратные остриженные ногти без лака. Рост 173 см, вес 51 кг. Правда, хочет немного прибавить последнего. Она любит музыку, часто бывает в театре, много читает.

Конечно, у нее есть парень. Ева предпочла его другим не только потому, что он хорош собой, модно задранирован и имеет свой автомобиль, а потому, что ей с ним интересно. Ева считает, чтобы хорошо одеваться из магазина, нужно слишком много денег и времени. А потому она и ее подруги стараются шить, вязать, рукодельничать сами.

Теперь мы начали пересматривать гардероб «Дивчо» заново. Ева взглянула по-новому и открыла кое-что, что можно сделать буквально из ничего. Не верите?

Наверняка у вас есть приевшиеся, абсолютно вне моды, трикотажные кофтенка, гольф, однотонное платье? Есть? А нет — вам поможет наша торговля. На столь незатейливые, «скромные» обнови дефицита пока нет. А вот теперь начинается творчество. Ева подобрала варианты «оживляжа». Если увиденное вас не вдохновит, спишите это на нашу черно-белую серость — модели не виноваты. Потому как яркие помпоны разных цветов сделали тривиальную одежду забавной, колоритной, просто глаз не оторвать. Помпоны можно заменить кисточками, тоже однотонными или разноцветными. Располагаются в вольном порядке — как на моделях «Дивчо» или как вам подсказывает собственный вкус.

Очередная «изюминка» — нечто вроде гусарских аксельбантов. Состряпаны они из обычных разноцветных шнурков, лучше выбрать покрупнее. Подшиты в плечевой шов. А можно попробовать примостить сверху рукава, на карманы. Концы таких шнурков подвязаны в узелки. Это также весьма доступно, потому что шнурки в продаже есть — специально проверяла.

О том, что можно «поиграть» и пуговицами, вы, конечно, знаете. В моделях «Дивчо» я обратила внимание на обычную застежку на жилете, жакете, платье из обычных пластмассовых пуговиц. Но при одинаковой форме все они были разноцветными. Весело! И свидетельствует о том, что вы хоть и не внучка Рокфеллера, но независимы, идете в ногу со временем и не теряете чувства юмора.

Под причитания «дивчиных» мастериц, как трудно выбрать в продаже ткань, я еще пометила: попробуйте комбинировать клетчатую шотландку двух расцветок — весьма оригинально. Или хотя бы обновите новыми клетчатыми карманами и оборкой по низу платье.

А потом мы с Евой вышли из редакции журнала на улицу и стали обсуждать реальных девушек из реальной жизни.

«Вполне», — одобрительно кивнула она на перекинутый через одно плечо яркий платок в народном стиле. «Ну, это уж ни в какие ворота», — скользнула по чересчур полным ногам, обтянутым колготками цвета окоорока. В университете, который оказался по соседству, почему-то все девушки показались мне похожими друг на друга — они сидели на столах в потертых джинсах, в серых свитерах, простоволосые, без макияжа и пускали дым в потолок.

— Наверное, в вузе более демократичная мода?

— Просто это первокурсницы, они съехались из провинции, — деликатно объяснила Ева и оптимистично уверила, — еще обтегутся.

Кстати, Ева не курит, выпивает легкие вина — «Чинзано», к примеру, но не больше двух бокалов за вечер. Она хорошо накрашена — то есть это почти незаметно (не представляю изысканную Еву с багровыми треугольниками на скулах). Не

знаю, как советские, а чехословацкие парни, похоже, соскучились по нежному женственному образу девушки, по крайней мере, Ева пользуется у них успехом. Правда, замуж она не торопится — проникает западное поветрие: сначала лучше пожить для себя, получить образование, престижную работу, посмотреть мир, ну, и понять, конечно, какого же спутника выбрать для семьи...

Если гардероб «Дивчо» создан, ну, прямо для нас, гардероб Евы составлен из «дефицитов» даже для Словакии. И все же Ева не была бы экстравагантной без умения набросать яркий контрастный шарф на жакет или платье, подчеркнуть талию широким поясом, а запястья — массивными браслетами, умело подвязать косынку или выиграть в неожиданной цветовой гамме. Словом, подумайте, пофантазируйте. Это все-таки надежней, чем беготня по магазинам и неутолимая жажда импорта. В конце концов, в каждой из нас — Ева.

Лариса ЛАРИНА

Фото Петра ШИМЧИСКО

«Дивчо» в гостях у «Паруса»

С ВЕРШИНЫ ВНИЗ

Конечно, читательниц «Паруса» интересует не только то, что в нынешнем сезоне брюки должны расширяться книзу, а не сверху, что, входя в маленький магазинчик или купе, надо здороваться, а в большой универмаг или самолет — совсем ни к чему. Не менее важно уметь понравиться, а также не разочароваться. И потому у «Дивчо», как и у «Паруса», есть свой персональный психолог. Возможно, рассказанная им история пригодится и нашим девушкам!

Если двое любят друг друга, то оба абсолютно уверены, что никакие консультации им не помогут, поскольку они и сами способны все преодолеть. И действительно, любовь придает им силы и уверенность. Но обычно такая уверенность не опирается на знание или познание самих себя, не опирается на опыт или факты.

Четыре года назад в нашу консультацию пришли родители девятнадцатилетней Магды. Она тогда выпила таблеток,

о которых знала, что они не будут причиной смерти. Магда работала продавщицей в «Спортоварах» и сама была человеком очень близким к спорту, занималась лыжами. Магда была очень неплохой лыжницей, причем, спускалась с гор так элегантно, что привлекла внимание одного тренера в Крконошах (горы в Центральной Чехии), который был довольно известен в кругах слабомистов. Звали его Штефан, было ему 35 лет. Знакомство состоялось в последнюю неделю февраля на трассе скоростного спуска, после обеда, а уже вечером они танцевали в местном диско-клубе. Кривая симпатии поднималась так быстро, что разрешилась в ту самую ночь. Этих нескольких часов знакомства им хватило, чтобы узнать друг друга, понять, что они любят и любовь их самая большая на свете. В этом они были уверены оба. Страсть и симпатии шли в гору до самого четверга. Штефан забыл про своих подопечных, а сила, которая тянула Магду к нему,

была ни с чем не сравнима. Даже возраст, который отделял Штефана от Магды, а тем более его опыт, не мешали влюбленным. Им не мешало и то, что Штефан прекрасно ориентировался в душе девушки, и уж совсем не мешало то, что Штефан был женат и имел восьмилетнего сына.

Магда тоже имела некоторый опыт со студентом, немного скромным, немного прижимистым и вообще каким-то невыразительным, но совсем не предполагала, что существуют мужчины, подобные Штефану.

В четверг вечером прозвучали старые, как мир, слова: «Я люблю тебя!» — которые в тот момент были действительно искренними. Будущее друг без друга нельзя было и представить. Огромную страсть, которая родилась четыре дня назад, они назвали любовью. А может, это было только сексуальное совпадение? Магда вообще задумывалась над тем, что ее возлюбленный женат, поскольку в тот вечер ей было ясно, что и эту проблему можно будет каким-либо образом утрясти.

В пятницу утром Магда просто не могла отпустить Штефана на работу, она не могла

ждать. Вечером Магда плакала, и ему тут же стало ясно, что это было лишь очередное приключение и не больше. В этот вечер он понял, что из-за Магды разводиться не будет. Магда заметила падение его интереса к ней и еще сильнее начала плакать, чем еще более настроила Штефана против себя. Магда была уверена в своей вечной любви, в то время как Штефан знал, что это только эпизод.

В воскресенье они вместе уехали в Прагу, но в понедельник Штефан уже не позвонил, как обещал. Магда, растерявшаяся перед огромностью навалившегося на нее чувства, испуганная, решила подождать Штефана после работы. Для него это стало последней точкой в деле «Магда»: этого еще не хватало, чтобы какая-то девчонка плакалась ему в жилетку прямо перед входом на работу. Наш «герой» резко отказался от следующего совместного выходного в горах, а Магда, ослепленная отчаянием, не понимала, как это возможно, если еще недавно что-то подобное было прекрасно. Сказочно прекрасно!

Магда проплакала всю неделю и выходные дни, не могла спать, не могла есть. В понедельник она решила заставить Штефана вспомнить о себе, о любви демонстративной попыткой самоубийства. Она съела несколько таблеток от бессонницы, которые погрузили ее в неопасное забытие, но сильно напугали родителей.

Что же произошло на самом деле? Два молодых человека, но разница в возрасте равнялась 16 годам, соединили страсть с высокой степенью понимания друг друга. Такое чувство, конечно, прекрасно, но небезопасно. Если бы Магда была немножко поопытней, ей бы, возможно, удалось «заполучить» Штефана, заставив его развестись, и сделать еще массу других необдуманных шагов. Но Магда оказалась не слишком расчетливой, ей не хватало опыта, который имел Штефан, и именно вследствие этого между ними проявилась разница в зависимости. Понятно, что Магда в большей степени зависела от Штефана, чем он от нее. Уже в четверг было ясно, что для девушки их взаимная страсть превратилась в трагедию, а для Штефана — в незначительную историю.

Магда еще и после посещения консультации долго не могла прийти в себя и постоян-

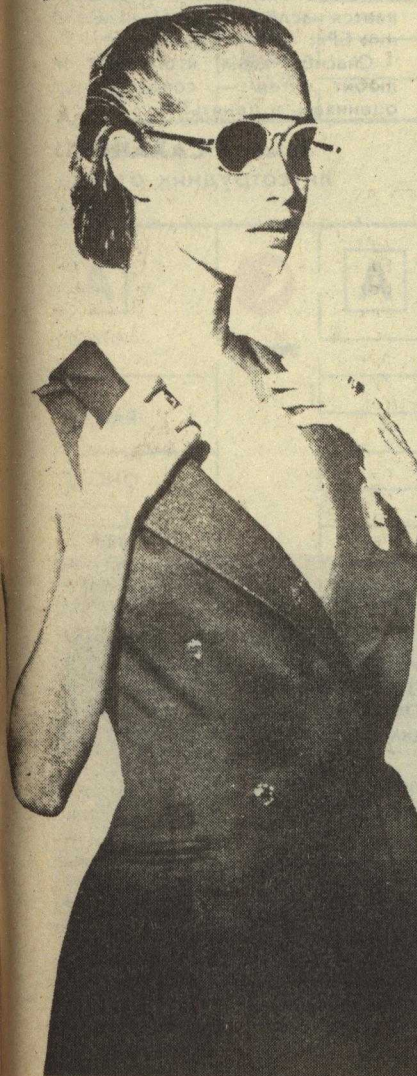
но плакала. Но поскольку это не была любовь, а лишь эротическая связь, через четыре недели Магда была, как прежде, весела и здорова.

А теперь давайте прочитаем, как все эти бурные, прекрасные, великолепные и «вечные» чувства звучат на языке специалиста:

«Быстрое, практически мгновенное развитие сексуальной связи такой интенсивности, что ее можно определить, как упадок (декаденция), со стороны более опытного мужчины. Для неопытной девушки эта любовная катастрофа вылилась в реактивную депрессию, что и привело к демонстративной попытке самоубийства».

Все это произошло четыре года назад. Но судьбы этих двух людей продолжали меня интересовать, что и побудило обратиться к ним с письмом. Ответы, не скрою, очень меня удивили. Магда вышла замуж за врача, у них родилась дочка, которой уже исполнилось два года, ее воспоминания о той истории свелись к немного жесткой фразе: «Я была тогда просто дурочкой...» А что же тренер? У него родился еще один ребенок, один год Штефан провел за пределами Чехословакии, о той старой истории он написал следующее: «По сути дела, Магда стала для меня забываемым переживанием, мне и сейчас кажется, что я ее не смогу забыть, но все это еще не могло стать серьезным поводом для развода».

Что остается сказать в заключение? Надо очень внимательно относиться к таким «взрывоопасным» отношениям, пусть они даже достигнут невероятной степени страстности. Люди склонны называть такие интенсивные чувства любовью. Но чаще любовь есть там, где двое понимают друг друга, на что необходимо какое-то время, понимают характер друг друга, уважают привычки и способ мышления. Я не утверждаю, что из сильной эротической связи не может родиться большая любовь, но настоящую любовь может проверить только время и единство любящих перед лицом несчастья и... счастья. Все, что возникло в течение нескольких дней или недель, можно назвать страстью, одержимостью или замороженностью. Но судя по всему, Штефан, скорее, любит жену, нежели Магду.

Д-р Мирослав ПЛЗАК

ПОСТАРАЕМСЯ НАПЕЧАТАТЬ!

Читателя, как и пешехода, конечно же, надо любить!

Мы слегка удлиними восклицание авторов «Золотого теленка», когда почта в редакцию доставляться стала мешками. И с тех самых пор наша взаимность проявления читательских чувств официально измеряется количеством ответов в день на творческую душу каждого сотрудника. Но сотрудников в «Парусе» не так много. Оттого мы неофициально решили не слать стандартные, хоть и искренние, благодарности в ответ на добрые пожелания нам всяческих благ и удач. Не до шаркиваний! Зато все ваши дельные предложения учитываем, обсуждаем на редакционных «летучках». Самые интересные стараемся реализовать.

Иное дело — письма о сложных для вас жизненных ситуациях. Разобраться в них (а заодно и в ваших собственных чувствах и отношениях) помогают и нам, и вам нештатные психологи. Их комментарии к читательским исповедям вы обычно оцениваете высоким баллом... Но чаще психологи отвечают на редакционную почту лично. Как, собственно, и литературные консультанты, без которых отдел литературы погиб бы под грудой рукописей. Только стихотворных подборок за полгода зарегистрировано 1825 — ровно по десять в сутки!

Эта цифра, понятно, смутит тех, кто готов сесть за вот такое, типичное в нашей почте, письмо: «Дорогая редакция! Я тут вчера окончил стихок (пес-

ню, поэму, фельетон, повестичку, роман, трилогию и т. п.). Друзья и родители — в отпаде! Не возьметесь ли напечатать?»

Любимый читатель! Не смущайся и не спрашивай разрешения — присылай все, что считаешь достойным прислать. Если ЭТО художественно, достаточно грамотно, нестандартно, не слишком громоздко, — обязательно напечатает. Если ты не просто пересказывал в стихах или в прозе понравившийся сюжет, а придумал совершенно новый, необычный, свой — постараемся напечатать. Если не просто описал ситуацию «точно, как это случилось в жизни», а осмыслил ее, прочувствовал и простроил, — возможно, замученный очередной стопкой похожих одно на другое писем, литконсультант именно на твоём творении вдруг разволнуется, оживет и срочно (среди ночи!) позвонит редактору: «Наконец-то нашел! Талантливо! Готовь в ближайший номер...»

Осталось одно уточнение. У большинства гениальных авторов, как известно, неразборчивый почерк. Не все, к тому же, печатают на машинке. Очень просим: перепишите свое произведение от руки как можно понятнее; глаза-то у литконсультантов хоть и доброжелательные, но обычные, утомляемые. Тем не менее, каждый, кто прислал свою рукопись в «Парус», получает в ответ квалифицированный ее разбор — рецензию. Для начинающих авторов это не менее важно, чем напечататься.

Ну, а теперь, как обычно, ваши оценки публикаций «Паруса» № 3 (март 1990 г.): 8,99 балла — С. Саврасова. «Дети Чернобыля»; 8,92 — З. Дакенов. «Вышка»; 8,66 — «Азбука для двоих»; 8,60 — «33 не счастья»; 8,40 — «Камертон»; 8,29 — «Про коричневое, колючее»; 8,20 — С. Шидловская. «Алиби»; 8,87 — В. Фетисов. «Я сам выбрал этот путь»; 7,68 — «Ищу друга»; 7,64 — А. Фалей. «Сон Елены Павловны»; 7,55 — «Я делаю себе карьеру...»; 7,49 — «Визитная карточка»; 7,40 — «Вместо зачина»; 7,37 — «Служить бы рад...»; 7,30 — В. Хачирашвили. «Как там у вас, ребята?»; 7,15 — «Плейер «Триумф»; 7,06 — «Ателье «От Рины»; 6,84 — А. Росин. «Трудно быть слоном»; 6,68 — «Разыскивается наследник»; 6,65 — «Соник БР»; 6,35 — «Дозор».

Спасибо всем, кто умеет и любит читать — сопоставлять, оценивать и ценить!

Тамара САХАЩИК,
литсотрудник отдела писем

Парус

ЗВОНИТЕ:

20-31-27 — отдел трудового воспитания и профориентации; отдел писем

20-27-08 — отдел комсомольской жизни, идейно-политического и нравственного воспитания

20-22-56 — отдел литературы и эстетического воспитания

20-41-30 — секретариат

ПИШИТЕ:

220600, г. Минск, ГСП, ул. Короля, 12

Главный редактор Василий ДРАГОВЕЦ

Редакционная коллегия:

Геннадий БОЧАРОВ, Алевт ГАВРОН (ответственный секретарь), Эдуард ДНЕПРОВ, Алексей ДУДАРЕВ, Виктор КОВАЛЕВ, Игорь КОН, Владимир КУДЛАШ, Нина КУРЗАНОВА, Олег МАНАЕВ, Валерий ПЛЮСКОВ (зам. главного редактора), Александр ХАНДОГИН, Владимир ХАЧИРАШВИЛИ, Светлана ШИДЛОВСКАЯ, Ефим ШУР

Художественный редактор Валерий РУЛЬКОВ

Технический редактор Валентина ЖГУНЦОВА

Корректор Любовь БАЙЧ

Издательство «Полымя» Государственного комитета БССР по печати. Сдано в набор 14.05.90. Подписано к печати 06.07.90. АТ 00122. Формат 70×108 1/16. Офсетная печать. Усл. печ. л. 5,6. Усл. кр.-отт. 15. Уч.-изд. л. 9,2. Заказ 755. Бумага книжно-журнальная. Цена 30 коп. Тираж 1 000 000 (2 завод: 400 001 — 700 000 экз.).

Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства ЦК КП Белоруссии.

Адрес: 220041, г. Минск, Ленинский проспект, 79.

Присланный в редакцию текстовой и графический материал не возвращается.

Рукописи более 4 авторских листов (96 машинописных страниц) не рецензируются и не рассматриваются.

А		А	<p>Одна английская газета сообщила, что Кайли Миноуг — инопланетянка. В 1989 году певица покорила сердца множества меломанов в Австралии и Великобритании. Последний альбом К. Миноуг «Порадуй себя», стоило ему только появиться, сразу занял 1-е место в британском хит-параде «Топ-50» еженедельника «Нью Мьюзикл Экспресс».</p> <p>К. Миноуг — австралийка. В мае нынешнего года ей исполнилось 22 года. Помимо записи песен на фирме PWL, Кайли успешно снимается в кино. Свою первую роль она сыграла в фильме «Дети Хендерсона», когда ей исполнилось всего десять лет.</p> <p>— Никогда нельзя расслабляться... потому, что ты ценишься настолько, насколько ценится твоя последняя запись. Публика переменчива, поэтому считаю главным наслаждение успехом, пока им пользуешься, — утверждает Кайли.</p> <p>Надо сказать, что дела идут действительно хорошо. Считаю себя слишком привязанной к семье (в Австралии живут ее родители и младший брат Брендан), она купила собственный дом в Мельбурне, который представляет собой небольшой дворец в викторианском стиле.</p>
ДАТА	Parus		
ВРЕМЯ			
МОНО			
☐			
СТЕРЕО			
☐			
Б		Б	
ДАТА			
ВРЕМЯ			
МОНО			
☐			
СТЕРЕО			
☐			

А		А	<p>Группа «Мастер» родилась в результате раскола более старой и именитой «Арии». Бас-гитарист Андрей Большаков, автор многих популярных композиций «Арии», вместе с единомышленниками хотел полнее раскрыть свои возможности. Этот шанс дали ему Александр Грановский (бас-гитара), Игорь Молчанов (барабан), Кирилл Покровский (клавишные), Сергей Попов (гитара) и Михаил Серышев и А. Арзамасков (вокал). Несмотря на то, что начали играть вместе лишь в начале 1987 года, очень быстро добились признания и популярности — все концерты группы проходят с неизменным аншлагом. «Нет, мы не «законченные» металлисты, — говорит Большаков, — нам нравится любая интересная музыка. Но «хэви-метал» мы считаем последней ступенькой развития современной музыки.</p> <p>Второе направление работы, которое видят для себя музыканты, — усложнение, усовершенствование музыки «хэви-метал». Порой в своих песнях «Мастер» использует вполне академические вступления, где явно прослушивается увлечение Большакова Глюком и Вивальди.</p>
ДАТА	Parus		
ВРЕМЯ			
МОНО			
☐			
СТЕРЕО			
☐			
Б		Б	
ДАТА			
ВРЕМЯ			
МОНО			
☐			
СТЕРЕО			
☐			

Вырезав эти вкладыши, вы сможете оформить футляры своих магнитофонных кассет

Текст Юрия БУДЬКО и Алексея ЗАЙКИНА. Фото Алексея ЗАЙКИНА и Евгения МАТВЕЕВА

Парус

А

Б

Парус

А

Б